

The background is a dramatic, dark teal and black illustration of a stormy sea. The water is turbulent, with large, swirling waves and white foam. In the foreground, a small, dark boat is visible, with several figures inside, struggling against the waves. The overall mood is one of danger and survival.

16+

А. В. СЕНИН
МИССИЯ ИЗ ПРОШЛОГО

Альберт Сенин
Миссия из прошлого

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сенин А. В.

Миссия из прошлого / А. В. Сенин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

2015 год. Южная Африка. Русская археологическая экспедиция находит в пустыне руины древнего города. В ходе раскопок найдена алмазная корона правителей города. Той же ночью на лагерь археологов нападают бандиты. В живых остаются только двое — Ирина Турнина и Владимир Астахов. Забрав корону, они бегут из лагеря. Но бандитам нужна корона. Они настигают беглецов. Последний бой археологи проиграли. Они тяжело ранены, спасения нет. Вдруг помощь приходит откуда не ждали... из прошлого. Призрак финикийского воина теперь на их стороне. Только удастся ли им спастись, пусть даже при помощи могущественного призрака?

Глава первая

396г. н.э. Южная Африка.

Темнело. Ветер мощными волнами, словно бушующий океан, гнал в небе тучи. Он то сбивал их в плотную монолитную массу, то вновь, через разрывы, давал последним, ослепительно-ярким на фоне мрачного чёрного неба, солнечным лучам коснуться земли. Тяжёлые, наполненные влагой тучи, то стремительно мчались вперёд, то неожиданно останавливались, сбивались в кучу и начинали кружиться в каком-то сложном, никому не понятном хороводе. Но спустя какое-то время, подчиняясь новому неистовому порыву бури, они переставали кружиться, и словно разбитые, наполовину затопленные морской водой корабли, медленно, нехотя разворачивались и вновь продолжали свой путь, увлекаемые невидимым, но зримо ощутимым, течением воздушных масс.

А внизу, по пустынной пыльно-красной равнине, лишь изредка покрытой островками засохшей чахлой травы, стремительно мчался всадник. Он упорно гнал высокого чёрного жеребца навстречу усиливавшимся порывам ветра, который с холодным равнодушием безжалостно обрушивал на них каждый раз всё новые и новые массы мелкой пыли и сухой травы. За спиной всадника виднелось багровое зарево пожаров, что огромным кольцом охватили город, высокие крепостные стены которого уже скрылись за горизонтом и показывались лишь с вершины очередного невысокого холма.

К груди всадника крепко прижималась молодая девушка. Она дрожала от холода и старательно прятала лицо в сложную драпировку своего роскошного платья, когда-то ярко-белого, с краями красиво обшитыми золотыми нитками, а сейчас грязно-серого, усыпанного повсюду бурыми, уже засохшими, пятнами крови, спасаясь от беспощадного, настырно проникавшего во все щели, ледяного ветра. Тысячи мелких песчинок, прорвавшись к телу, впивались в него тысячами раскалёнными иголками, но девушка не жаловалась, молчала, и лишь ещё крепче прижималась к тёплой груди молодого воина.

Гамилькар, опустив лицо, вдыхал тонкий аромат, исходивший от волос девушки и порой крепко прижимал её рукой к себе, стараясь уберечь от особо сильных толчков. В эти мгновения его сердце начинало бешено колотиться в груди и чувство нежной любви переполняло его душу. Он понимал, что его спутница очень устала и отчаянно нуждается хоть в небольшой передышке. Но останавливаться было нельзя. И он, недовольно сжав губы, вновь прищипоривал своего коня.

В непрестанной борьбе с усталостью и холодным ветром, прошёл ещё один час стремительной гонки. Неожиданно впереди выросла цепь невысоких холмов, за которыми виднелась гряда красных песчаников. Она мрачной стеной во весь горизонт преграждала путь. Сквозь нагромождения высоких скал, насколько хватало глаз, нигде не было видно ни одного сквозного прохода. Это действительно была стена, тупик. Но всадник ни мгновение не замедлил бег своего коня, ведь именно там было спасение, и именно там, в этих красных скалах, был конец их изматывающей, изнурительной гонки.

Гамилькар поднял глаза к, теперь уже полностью закрытому тучами, небу и лицо его осветила, сняв на миг напряжение, слабая улыбка: скоро начнётся дождь и он уничтожит, скроет от преследователей все их следы. Только бы успеть! Только бы выдержал конь! Но конь, тяжело взяв подъём очередного холма, вдруг бешено захрипел и, дико задирая морду, начал пятиться назад, не обращая уже никакого внимания на засвистевшую плеть хозяина, властно заставлявшего скакать дальше. Гамилькар быстро спрыгнул на землю, и, крепко намотав на руку поводья, стал торопливо отводить, успокаивать вспотевшего, дрожавшего мелкой дрожью жеребца, начиная уже понимать, что его Урагану не вынести больше такой нагрузки.

Шум приближающейся погони заставил Гамилькара обернуться. Двое всадников стремительно вынеслись на вершину ближайшего холма. Случайных людей тут быть не могло. Это

могли быть только враги. И они явно заметили их. Гамилькар бросил быстрый взгляд на скалистую гряду, прикидывая расстояние до неё, и тут же печально покачал головой – слишком далеко, враги настигнут их раньше, чем они успеют добежать до спасительных скал.

– Элисса! – громко крикнул он девушке, всё ещё сидевшей на храпевшем скакуне. – Скачи к скалам! Держи на то высокое дерево! Там в зарослях вход в пещеру! Там мой отец! Он поможет тебе! Я задержу их!

Не теряя времени, Гамилькар быстро снял пристёгнутые к седлу лук и колчан с несколькими стрелами, затем, развернув жеребца в нужном направлении, нежно погладил его по шее и, склонившись к самому уху, тихо прошептал: – Друг, не подведи, спаси мою любовь... – и уже громко: – Вперёд, Ураган!

Ураган, будто поняв немую, невысказанную просьбу своего хозяина, помчался было стрелой, как вдруг другая, уже самая что ни на есть настоящая стрела глубоко вонзилась ему в заднюю ногу. Острая боль пронзила Урагана, и он, яростно заржав, стремительно поднялся на дыбы...

– Но... – Элисса, собравшаяся было, что-то гневно возразить Гамилькару, вдруг резко замолчала, удивлённо увидев вместо красных скал далёкое тёмное небо, а затем стремительно приближавшуюся землю; позже что-то ожгло её правый висок и она, мгновенно потеряв сознание, погрузилась в спасительную темноту – туда, где нет ни боли, ни страданий.

Гамилькар, увидев, как рухнула на землю девушка, с криком бросился к ней. Её странная неподвижность испугала его. Но быстро убедившись, что его Элисса жива и просто потеряла сознание от удара головой о камень, он, не тратя время на то, чтобы привести её в чувство, быстро оттащил её в сторону, под защиту большого валуна. Затем, стремительно выпрямившись, поднял лук и стал готовиться к схватке с приближающимися врагами. Всадниками были уже совсем рядом, не далее чем в пяти десятков шагов от них.

Краем глаза Гамилькар успел заметить блестящие, слезящиеся от боли и в тоже время какие-то виновато-потухшие глаза Урагана, который словно бы винулся перед ним и отчаянно просил прощение за упавшую Элиссу, а также за то, что не может помочь своему другу-хозяину в предстоящей битве и оставляет его один на один с многочисленными врагами. Чёрный жеребец больше не ржал дико от боли, а лишь временами пофыркивал и стоял неподвижно, очевидно боясь, что лишнее движение может вновь вызвать приступ страшной, невыносимой боли в задней ноге. Помочь ему сейчас было невозможно, и Гамилькар, недовольно скрипнув зубами, торопливо отвернул от Урагана голову, весь полыхая от ярости.

Вспыхнувшая в груди ярость мгновенно прогнала усталость, и одновременно удвоила, утроила силы Гамилькара. Это было то, что ему нужно. Ярость просто кипела внутри него, грозя в любое мгновение лавой выплеснуться наружу. На мгновение он стал похож на загнанного раненого тигра, когда боль и ярость заставляют его временно забыть о страхе смерти и отчаянно броситься на своих преследователей. Однако Гамилькар силой воли очистил своё сознание и подавил в себе это неверное, безрассудное желание немедленно броситься навстречу своим противникам. И, словно опомнившись, его мозг начал работать чётко и ясно, пытаясь найти единственно верное в данных условиях решение. Он должен выиграть этот бой. Он должен уничтожить своих врагов и ни в коем случае не должен погибнуть сам – иначе следом за ним погибнет и Элисса.

Враги стремительно приближались. Медлить было больше нельзя. Гамилькар быстро выхватил из колчана стрелу и натянул тугой лук. Первый всадник, отбросив свой ненужный более лук, теперь выставил вперёд тяжелое длинное копьё и, прикрывшись щитом от возможной стрелы Гамилькара, нёсся прямо на него. Стрелять в него было бесполезно. Зато второй всадник, с красным пером на шлеме, щитом прикрыться не успел – и оперённая стрела Гамилькара бесшумной молнией вошла туда, где между тёмным воротом доспехов и окончанием бронзового шлема, белела тоненькая полоска шеи. Через мгновение, так и не успев ничего понять,

всадник выпустил поводья из рук и с грохотом рухнул прямо на каменистую землю. Шлем с красным пером, слетев с головы хозяина, высоко подпрыгнул пару раз и отлетел далеко в сторону – красивый, прочный, но, увы, никому уже более ненужный. Зато сразу стала видна кудрявая голова с молодым, совсем ещё юным, безусым лицом...

Бледный, едва видимый лучик света, пробившись каким-то чудом сквозь плотную пелену чёрных дождевых туч, мягко скользнул по этому юному лицу, словно скорбя об этой напрасно загубленной жизни. За что он погиб? Ради чего отдал свою молодость и жизнь? Ответа на эти вопросы никто не дал... Лишь солнечный лучик, остановив свой неумолимый бег, чуть задержался на его открытых, немигающе уставившихся в холодное небо глазах, на короткое мгновение осветил их, одновременно наполняя теплом и жизнью, а затем, ярко вспыхнув, исчез, ушёл обратно в небеса, унося с собой последнюю искру жизни из этого, ещё совсем недавно полного сил, молодого тела...

Гамилькару, однако, было не до печали по погибшему врагу. Вновь зазвенела тетива, и вторая стрела, сверкая острыми гранями наконечника, с хищным свистом устремила навстречу своей жертве. Её полёт был быстр и неуловим, казалось ещё секунда и она вонзится, вопьётся в тёплую податливую живую плоть... Но, встретив умело поставленный опытной рукой щит, она, жалобно звякнув, с треском сломалась пополам и безжизненными обломками рухнула прямо на землю, под копыта бешено несущегося коня. Больше ей уже не взлететь...

Промах! Какая жалость!..

Времени, чтобы достать и пустить новую стрелу не оставалось, поэтому Гамилькар, без колебаний отбросив в сторону ненужный более лук, стремительным движением выхватил из-за пояса нож, и, широко расставив ноги, приготовился к встрече с последним противником. Дождавшись, когда наконечник тяжёлого копья окажется всего в двух метрах от его груди, он неожиданно метнулся вправо, уходя от удара, затем резко развернулся и тут же метнул нож...

Всадник, не успев повернуть копьё, проскакал дальше и, ругнувшись от досады, принялся разворачивать скакуна для новой атаки. Но тут конь, неожиданно дико заржав, резко поднялся на дыбы, едва не сбросив своего седока на землю – тот с большим трудом удержался в седле; из задней ноги лошади торчал нож, вошедший в неё по самую рукоятку.

Леонид яростно выругался, его конь стал совершенно неуправляемым. Отбросив копьё, Леонид, несмотря на вес тяжёлых доспехов, легко спрыгнул на землю и, с такой же лёгкостью, отскочил в сторону, чтобы не попасть под копыта собственной взбесившейся лошади. Увидев нож Гамилькара, он зло сплюнул и процедил сквозь зубы:

– Проклятый щенок! Столько золота ушло на эту клячу! Ну, ничего, за твою шкуру я получу столько золота, что хватит на три десятка добрых скакунов!

Тяжело дыша после бешеной скачки, Леонид неспеша осмотрелся вокруг. Прежде всего он убедился, что остальной погони ещё не видно. Затем взглянул налево, на раненого жеребца Гамилькара, который, хромя, медленно шёл к его кобыле. Ещё дальше, широко раскинув руки, лежал труп его спутника с торчавшей в горле стрелой. «Метко стреляет щенок!..» Темно-красная кровь, густо залив грудь убитому, продолжала стекать на землю, где уже образовалась целая лужа. Вездесущие мухи, облепив рану, радостно гудели, спеша воспользоваться даровым угощением, и без малейшего страха садились прямо на безжизненные чёрные глаза... Леонид недовольно поморщился – безмозглого парня было немного жаль. Из хорошей, богатой семьи сосунок, будет потом ему папаша выговаривать, что не уберёт сына. Ну да ладно, хрен с ним... Переведя взгляд вправо, Леонид заметил лежавшую под большим валуном Элиссу. Она была жива. Леонид радостно улыбнулся – отлично, остальной погони нет, а значит, вся награда достанется только ему одному. Недаром он так спешил. Леонид, привычным движением вытащил из ножен тяжёлый длинный меч и, изобразив на лице широкую, добродушную улыбку, медленно пошёл навстречу Гамилькару.

Как-то незаметно для людей на равнине стих ветер. Вернее, он не стих, а вернулся назад, ввысь, туда, где в бешеном хороводе продолжали кружиться тяжёлые чёрные тучи, полностью закрывшие собой весь небосвод. Ветер ушёл, оставив всех внизу в тревожной гнетущей тишине, в ожидании того момента, когда после страшного грохота и сверканья молний, сначала робко, по одной капле, а затем всё сильнее и сильнее на землю хлынут, потоком обрушатся небесные воды и, исстрадавшаяся после длительного зноя, сухая земля не начнёт с жадностью впитывать долгожданную, живительную влагу.

Да, дождь в этих местах это милость, благославенный дар божий. Однако сама буря жестока, коварна и опасна. Толстые, упругие струи воды, словно бичом, будут немилосердно хлестать землю, грозя уничтожить всё живое, а сильные порывы ветра, что с корнем выворачивают могучие вековые деревья, могут без труда сбить с ног человека и завалить его тело камнями и землёй. Берегись! Берегись, человек! Спеша воспользоваться той короткой передышкой, что милостиво даёт тебе природа в затишье перед бурей! Но люди, стоявшие внизу с обнажёнными мечами, не обращали на неё никакого внимания, спеша устроить свои, более насущные и важные, земные дела. Ибо только один из них выйдет живым из предстоящей жестокой схватки, чтобы затем, устремив взор к небесам, ужаснуться грядущей буре. Но только тогда, не раньше!

Гамилькар без труда узнал в приближающемся противнике Леонида. Они были знакомы давно. И более того, именно Леонид был его командиром в том памятном пограничном походе, когда Гамилькар из неопытного зелёного юнца превратился в настоящего воина. Они не были ни друзьями, ни врагами. Но, тем не менее, странное, на уровне подсознания, чувство резкой антипатии, не давая ошибиться им обоим, давно определяло их взаимоотношения.

Леонид, несмотря на многочисленные морщины и густую бороду, был не стар, ему едва перевалило за сорок. Невысокое, мощное коренастое тело, выпуклая как у борца грудь, сильные, в переплетенных жгутах мышц, руки, бычья шея и большая голова. Всё это, плюс толстые мускулистые ноги, говорило об огромной физической силе. И действительно, несмотря на полный комплект тяжёлого защитного вооружения, Леонид передвигался по земле на редкость легко и свободно, с какой-то неестественной кошачьей грацией. Он превосходно владел копьём, мечом, и по праву считался одним из лучших бойцов в столице.

Голову Леонида украшал изящно сделанный шлем, скрывая от посторонних глаз его яйцеобразный лысый череп. Рыжим огнём горели на лице усы и тщательно ухоженная борода. Его можно было бы назвать красивым, если бы не глаза. Глаза – прищуренные, холодные, безошибочно выдавали его истинную сущность – убийца. А он и был убийцей. Леониду нравились сражения, нравилось то напряжение в мышцах, то чувство, когда взбудораженная кровь мощными толчками идёт по венам, и тот опьяняющий восторг, когда враг повержен, упал, а меч с хрустом входит в его тело, крушит кости и режет, рвёт на части ещё живую податливую плоть. Вот это последнее ощущение и нравилось ему больше всего на свете. Вид крови, резаных ран, а также дикие вопли ужаса и боли, приводили Леонида в подлинный экстаз. Он буквально упивался болью и страданиями поверженных врагов. Он всегда лично пытал захваченных пленных, а раненных врагов любил добивать быстрыми, давно отточенными ударами, после которых смерть была неизбежной, но долгой и мучительной. И врагу можно сказать везло, если, не вынеся страшных криков и стонов, кто-нибудь из сердобольных подчинённых Леонида не добивал его прямым ударом меча в сердце. И даже сейчас, эта улыбка доброго, радушного дядюшки, с которой он шёл навстречу Гамилькару, больше походила на оскал страшного, кровавого дикого зверя, готового растерзать тебя при твоей малейшей оплошности.

И Гамилькар, ожидая улыбающегося Леонида, несколько не обманывался относительно его истинных чувств и намерений. Он скорее поверил бы ядовитой гадюке, чем Леониду.

Гамилькар, в свой черёд, тоже огляделся. Нет, ждать, когда на близлежащих холмах появятся остальные участники погони, нельзя. Нельзя ни в коем случае. Это верная гибель. И

как ни силён и грозен Леонид, но он должен убить его. И причём, как можно быстрее. Выбора у него нет! Только так! И даже погибнуть в схватке он не может, вернее, не имеет на это право! Ибо без него умрёт и Элисса, и он не сдержит своей клятвы спасти её. А он дал эту клятву ей, её отцу и самому себе. И гореть ему в аду, если он не сдержит своей клятвы. Нет, он должен только победить.

Гамилькар резко выпрямился. Высокий, широкоплечий, с узкой талией и со спокойным гордым лицом – он был красив в этот миг высокого отречения. Его тёмные глаза горели огнём любви и... и жадной сражения, чтобы в настоящем бою доказать своё право любить и быть любимым. И в них не было страха перед судьбой, только твёрдая решимость сражаться до конца.

Не ожидая, когда Леонид подойдёт ещё ближе, Гамилькар стремительно бросился ему навстречу и первым нанёс удар. Этот порыв несколько удивил Леонида, несколько не сомневавшемуся в исходе предстоящей схватки (то есть в своей собственной победе), но, тем не менее, он легко парировал удар меча, направленный ему в голову, и тут же ответил серией молниеносных выпадов, после которых Гамилькар едва не потерял свой меч. Леонид был опытнее, искущённее в подобных схватках, да и, к тому же, намного сильнее физически. Гамилькар сразу почувствовал это. Он устал, очень устал. Его израненное, измученное тело давно требовало отдыха, но он не сдавался. Ярость и страстное желание победить удвоили его силы и, под насмешливым взглядом Леонида, он вновь поднял меч и перешёл в атаку...

Вскоре противники разошлись и, тяжело дыша, начали медленно ходить по кругу, внимательно наблюдая друг за другом. Каждый из них ожидал того короткого, неверного момента, когда противник расслабится, допустит оплошность, пусть даже самую маленькую, и можно будет довершить бой одним единственным точным ударом. Ожидание затянулось. Леонид не выдержал первым, и его меч начал новую пляску смерти.

Гамилькар, с трудом отразив мощные удары Леонида, сам перешёл в наступление. Один из его выпадов оказался удачным – остриё его меча прочертило кровавую полосу на правой ноге Леонида, чуть повыше бронзовых поножей. Леонид скривился от боли и пошатнулся. Гамилькар возликовал и усилил натиск. Надо закрепить успех, победа близка... Но внезапно его меч провалился куда-то в пустоту и, тотчас же, сильный удар локтём в затылок потряс его до основания. «Вот и всё...» – мелькнуло у него в голове. Он как сомнамбула сделал ещё несколько шагов вперёд, а затем, словно потеряв все свои силы, медленно опустился на колени. Темнота в глазах, странная слабость во всём теле – Гамилькар утратил всякую связь с реальностью: кто он, где он, что с ним... Неясные образы кружились вокруг него, чьи-то лица мелькали перед затуманенным взором, но он никак не реагировал на них. Он находился в полной прострации. И вдруг, совершенно неожиданно, откуда-то издалека, из самых глубин подсознания, пришло имя – Элисса... Элисса. Элисса! Через мгновение это имя вернуло ему память и дало новые силы. Гамилькар быстро открыл глаза и с силой выбросил правую руку вперёд. Остриё его меча попало точно между двумя пластинками доспехов Леонида и с лёгкостью вошло глубоко в плоть...

И Леонид, ещё секунду назад наслаждавшийся видом поверженного противника, уже готовился было, взяв меч обеими руками, нанести сверху последний удар, не сразу и понял, откуда вдруг взялась эта странная, режущая боль в животе, которая с каждым мгновением всё усиливалась и усиливалась. Силы враз оставили его, а мир вокруг начал стремительно темнеть и гаснуть. Уже ничего не понимая, он сделал один шаг назад, затем безвольно зашатался и, по-прежнему держа меч обеими руками, начал быстро падать вперёд. И уже в падении его меч достиг таки своей цели, пронзив правый бок Гамилькару, и заставляя новоявленного победителя упасть на землю рядом с побеждённым.

Прошло несколько минут. Застонав от боли, Гамилькар, ругая свою беспомощность, медленно поднялся. Правый бок горел как в огне. Зажав рану рукой, Гамилькар подошёл к лежав-

шему на спине Леониду и выдернул свой меч из его живота. Тело Леонида несколько раз дёрнулось и замерло навсегда. Гамилькар устало посмотрел на своего грозного врага, затем отвернулся от него и посмотрел на север. Бледные красные всполохи на горизонте говорили о том, что город всё ещё горит, но самое главное – остальных преследователей пока что не было видно. «Может быть, они потеряли нас?» – мелькнула у него в голове успокоительная мысль. Но Гамилькар, покачав головой, тут же отбросил её – шансов на это было слишком мало. Ему и Элиссе, по-прежнему, грозила смертельная опасность.

Нет, времени терять больше нельзя. Опираясь на меч, Гамилькар с трудом доковылял до Элиссе. Глаза девушки по прежнему были закрыты – она так и не пришла в сознание. Гамилькар с беспокойством посмотрел на её прекрасное лицо, и уже хотел было нагнуться, чтобы попытаться поднять её, как, вдруг, странная слабость навалилась на него и он, медленно оседая, упал на землю рядом с девушкой...

Глава вторая

К югу от цепочки холмов, где принял свой бой Гамилькар, протянулась длинная, насколько хватало глаз, скалистая гряда. Вытянувшись с запада на восток, она шла почти параллельно холмам, на расстоянии всего триста-четырёхсот шагов от них.

Скалы, сложенные из красного песчаника, были невероятно живописны и красивы. А при солнечном свете они приобретали ещё более удивительный вид. Игра света и теней буквально преображала их – они не только причудливо меняли свой цвет от чёрного до кроваво-красного, но, и казалось, меняли даже свою форму, образуя различные фигуры и композиции...

Вот, взгляните повнимательней в группу самых высоких остроконечных скал в центральной части гряды, проходит минута, другая, и вы вдруг с удивлением обнаруживаете, что смотрите уже не на скалы, а на прекрасный, волшебный замок. Вы поражены, вы в восхищении замираете на месте, а ваше воображение тут же включается в работу, спеша доделать то, чего не видят и не могут увидеть ваши глаза.

Проходит секунда, и вот над шпилем главной башни гордо взвивается знамя, а на балконе появляется молодая девушка просто изумительной сказочной красоты. Её распущенные длинные волосы слегка развиваются на ветру, а на голове ярким солнцем пылает золотая корона. Чуть ниже, вдоль зубцов боевых стен ходят часовые, и наконечники их копий хищно блестят на солнце. Кажется, ещё чуть-чуть и откроются главные ворота замка, и оттуда появится величественная колонна пышно разодетых всадников-рыцарей во главе с грозным и бесстрашным королём, восседающим на огромном, чёрном как смоль жеребце. Король величествен и горд. Голова, увенчанная короной, поражает чеканной красотой и мужеством, и тысячи горожан радостно приветствуют его и его преданных рыцарей, провожая на битву с кровожадным драконом. Глаза моргнут – и вот уже нет ничего. И ты, собравшийся было стремглав броситься вперёд, чтобы поближе посмотреть на удивительное зрелище, разочарованно остаёшься на месте. Но нет, справа, вдруг, оживает одинокая скала, и ты вновь в восхищении замираешь. Скала прямо на глазах превращается в огромного орла, он в прыжке отрывается от земли и медленно взмывает ввысь. Орёл, расправив гигантские крылья, парит в облаках, молчаливый и грозный. Его царственная голова смотрит вниз, выискивая добычу. Неожиданно, с радостным клёкотом, орёл резко бросается вниз и вскоре вновь поднимается в небо, держа в когтях трепещущую добычу – не какого-то там жалкого маленького кролика, а огромного, с длинными острыми бивнями, слона...

Но это всё днём, под яркими лучами солнца, а сейчас, на фоне вечернего, полностью закрытого чёрными тучами, неба скалы выглядели мрачно, жутко и уныло. И трудно было поверить, что именно от них Гамилькар ждал спасения. Но это было именно так...

Старый Ганнон уже засыпал, когда сквозь сон ему послышалось испуганное ржание лошади. Он поспешно открыл глаза и прислушался. «Показалось, – через минуту решил он. – Откуда тут взяться лошади, да ещё в такую погоду? В такую бурю все дома сидят...» И в самом деле, местность, где уединённо жил Ганнон, была совершенно безлюдной. Дикая пустыня, которая практически никем не посещалась из людей, лишь редкий охотник попадал сюда, преследуя добычу.

Но вот ржание повторилось, и на этот раз более отчётливо. Ганнон, кряхтя и покашливая, встал с деревянного ложа, покрытого большой шкурой льва, и, не торопясь, направился к выходу из пещеры, одновременно задаваясь вопросом: кто бы это мог быть? Пещера, где он жил, была неизвестна никому, за исключением лишь его сына – Гамилькара, да двух старых преданных рабов. И эту тайну удавалось сохранить на протяжении всех восьми лет, что он прожил здесь.

Несмотря на простую, и даже бедную одежду, Ганнон отнюдь не выглядел простолюдином. Он являлся потомком очень древнего знатного рода Зенов. Этот благородный род издавна поставлял своей стране прекрасных воинов и полководцев, искусных мореходов, опытных чиновников и дипломатов – и, казалось, не было в стране человека, который бы не слышал о нём.

Ганнон был стар – ему давно перевалило за пятьдесят. Он весь высох, казалось, остались лишь кожа да кости, и если бы не седые волосы и густая борода, то он со своим невысоким ростом был бы весьма похож на тщедушного подростка. Время не пощадило Ганнона, бурно прожитые годы оставили свой след на его иссечённом морщинами лице. И лишь только глаза остались нетронуты временем – они остались такими же молодыми, как и сорок лет назад, когда он был совсем юным отроком, и, несмотря ни на что, светились умом, мудростью и... и какой-то отрешённостью от всего земного. Вот эта отрешённость, вместе с морщинами и сединой, и придала его лицу черты благородной старости. И надо отметить, что так происходит не всегда, и это даётся не каждому. Такое даётся человеку только тогда, когда у него добрая, благородная душа. Ибо ближе к концу жизненного пути, время как безжалостный рентген отчётливо высвечивает на лице все наши явные и тайные пороки. Пьянство и обжорство, жестокость и эгоизм, тщеславие и гордыня, злоба и многое другое – всё это неудержимо выходит наружу, отражаясь как в зеркале на лице, их уже не скроешь и не спрячешь под лицемерной маской как в годы былой молодости. И лишь всё то лучшее, что есть в нас, вкупе с житейской мудростью и опытом прожитых лет, и позволяет нам в старости приблизиться к образу тех благообразных старцев, что мы так любим, ценим и уважаем.

Последнее время Ганнон часто болел. Годы, наполненные далёкими походами, жестокими сражениями, встречами с людской подлостью, обманом и предательством, а также горечь от потери близких – всё это надломило железное когда-то здоровье Ганнона. Болея, он всё чаще вспоминал своих покойных родителей и великого деда, которым всегда так гордился. Недалёк был уже и тот день, когда и он уйдёт, соединится с ними навсегда. Мало что держало его здесь, в миру. Лишь одна ниточка кровоточила и пульсировала душевной болью – Гамилькар, его старший, и, увы, теперь единственный сын, последняя надежда на продолжение их славного рода. Жена и трое других детей Ганнона давно уже в могиле, подло убиты неизвестными убийцами. Двое его младших братьев погибли совсем молодыми, так и не оставив потомства. Женить сына, дожидаться долгожданных внуков и тогда уж можно будет умереть со спокойной совестью. Думы о смерти, о судьбе сына особенно часто посещали Ганнона тёмными вечерами, перед самым сном. Или же тогда, когда старое сердце вдруг неожиданно начинало болезненно сжиматься внутри, грозя совсем остановиться, или же, наоборот, начинало бешено колотиться в груди, отдавая гулкими ударами в висках, а дыхание перехватывало так, что порой трудно было сделать следующий вдох...

Подойдя к выходу из пещеры, Ганнон напряжённо замер и внимательно прислушался – опыт прожитых лет давно приучил его действовать осторожно и обдуманно. Однако ни один посторонний звук не долетел до его уха. Кроме воя ветра ничего не было слышно. Наверное показалось... Но внезапно лёгкая тень тревоги пробежала по его лицу. Сын... А если это он...

Ганнон быстро убрал три деревянных бруса, что преграждали путь в пещеру – они служили преградой, защитой от крупных и мелких хищников. Сам же вход представлял собой узкий проход шириной около метра внизу и заметно сужавшему кверху, полностью сходясь на высоте где-то около трёх метрах. Густые заросли кустарника, росшие снаружи, полностью скрывали вход от чужих, любопытных глаз. Ганнон осторожно высунул голову наружу, но ничего так и не увидел – густое переплетение веток дикой яблони ожидаемо закрыло от его взора всю местность. Чтобы что-то узнать, нужно было идти на равнину.

Ганнон не колебался боле ни секунды, его сердце упорно подсказывало ему, что дело касается его сына. Его Гамилькара... Вернувшись к ложу, он быстро повязал на поясе ножны со старым верным мечом и, захватив короткое копьё, торопливо двинулся к выходу. Пройдя сквозь заросли кустарника по едва заметной тропинке, он осторожно отогнул ветки и с беспокойством начал рассматривать лежащую впереди местность.

Было темно: чёрные тучи полностью закрыли собой небо, и вечерний сумрак теперь господствовал везде, лишь небольшое просветление было там, где заходящее солнце уже было готово уйти за горизонт. Тем не менее, Ганнону удалось разглядеть вдали смутные силуэты трёх лошадей, но вот людей, как не напрягал он глаза, разглядеть ему не удавалось.

– Что ж, придётся идти дальше, – еле слышно пробормотал Ганнон, поправляя на поясе тяжёлый меч, и тут же, чтобы немного подбодрить себя, торопливо добавил: – Благо тут недалеко, всего каких-то триста шагов...

Старик шёл медленно, обходя небольшие валуны и острые мелкие камни, на которых было так легко подвернуть ногу, но вскоре какая-то смутная тревога в груди заставила его ускорить шаги. Поддавшись зову чувств, он пошёл быстрее, пренебрегая всеми мерами предосторожности.

Преодолев небольшой подъём, Ганнон остановился, тяжело дыша. Затем, окинув опытным взглядом поле боя, быстро восстановил картину недавно разыгравшегося сражения. Вдруг один из воинов застонал и попытался подняться. Ганнон немедленно повернулся к нему, и тут его сердце словно сдавило изнутри ледяными тисками.

– Гамилькар!.. – с трудом выдохнул он и, забыв про усталость, со всех ног бросился к раненому сыну.

Схватив его под руки, он помог ему подняться, придерживая за талию. Вскоре Гамилькар уже стоял на ногах самостоятельно, опираясь на свой меч. В голове Ганнона крутилась целая куча вопросов, но он моментально забыл о них, едва увидев, что все его руки измазаны кровью. Страшная догадка огнём ожгла его душу. Он перевёл взгляд на торс сына и испуганно обмер: Гамилькар крепко зажимал рукой рану в левом боку, но кровь, тем не менее, легко просачивалась сквозь плотно сжатые пальцы и тоненькими струйками стекала на землю.

– Отец... – слабый голос сына мгновенно вывел Ганнона из страшного оцепенения, и он перевёл взгляд на его лицо. Было хорошо видно, как на бледном, обескровленном лице сына лихорадочно блестели глаза. Какая-то другая, не о своей боли, забота отражалась в них.

Собравшись с силами и стараясь придать голосу как можно больше твёрдости, Гамилькар торопливо продолжил:

– Отец, нам надо поскорее уходить отсюда. Погоня уже близка, я чувствую это. – Он замолчал, но, заметив тревогу и отчаяние на лице отца, поспешно добавил: – Не волнуйся, отец, со мной всё будет хорошо. Я в порядке. Пожалуйста, поспеши. Возьми Элиссу и пойдём, укроемся у тебя в пещере.

Ганнон послушно кивнул головой. Он оставил сына и торопливо подошёл к лежащей возле большого камня девушке. Опустившись на колени, он пытливым взглядом оглядел её. Он видел и помнил её совсем маленькой девочкой, сидящей на коленях своего отца – Великого Мелькарта. Теперь же Элисса выросла и превратилась в молодую, красивую девушку, в которую вот уже как два года был безумно влюблён его сын...

Оглядев девушку, Ганнон облегчённо выдохнул – хвала милосердным богам, несмотря на свою неподвижность, Элисса была не ранена, она просто потеряла сознание. От удара по голове, вон рана у виска так и кровоточит... Он ещё раз критически оглядел её, на сей раз в качестве невесты сына. И снова девушка понравилась ему – хрупкая фигура, тонкая талия, длинные стройные ноги, невысокая грудь, медленно поднимавшаяся в такт дыханию, и нежное, с тонкими чертами, лицо, обрамлённое пышными длинными волосами. Глаза Элиссы были закрыты, и в его памяти помимо его воли неожиданно всплыл другой, похожий на неё образ молодой девушки – его жены Талины...

Закрыв глаза, Ганнон вновь увидел Талину в день их первой встречи: она танцевала и смеялась... Он вспомнил её тонкие холодные пальчики, тёплую застенчивую улыбку и нежные, сладкие губы. А вот они сидят, молодые и счастливые, около своего спящего первенца – Гамилькара... И затем, словно камень вдребезги разбивающий хрупкое стекло, перед глазами внезапно возникло другое видение: сгоревший до дна дом, затоптанные безжалостными ногами клумбы цветов перед ним, пронзённые стрелами трупы слуг и собак, и там, в глубине дома, изрубленные на куски тела жены и детей... Гамилькара и его самого спасло тогда только то, что их в тот день не было дома... Ганнон потом долго искал, но так и не нашёл убийцу, лишивших его семьи...

Пальцы Ганнона, судорожно сжимавшие руку Элиссы, побелели, но новый, сдержанный стон сына, быстро вернул его к реальности. Не до воспоминаний сейчас... Решительно взвалив бесчувственное, но, к счастью, довольно-таки легкое тело девушки на плечо, он направился к пещере.

Гамилькар, зажимая рану рукой, медленно шёл за отцом. Дорога была крайне неровной и приходилось в качестве дополнительной опоры использовать свой меч. А падать было нельзя – если он сейчас упадёт, то уже больше не встанет.

Проходя мимо Урагана и кобылы Леонида, жалобно смотревшей на него, он остановился и, не выдержав угрызений совести, медленно подошёл к ней. Кобыла не испугалась, и Гамилькар, зайдя сзади, резко выдернул из её ноги свой нож. Заржав от боли, лошадь стремительно отскочила в сторону, едва не сбив при этом своего спасителя. Гамилькар не обиделся, он молча засунул свой нож в ножны и, стараясь не смотреть на Урагана, поспешил вслед за отцом. Помочь раненому Урагану уже не было сил. Прости, верный друг. Прости...

Дойдя до входа, Ганнон, чуть отдышавшись, занёс Элиссу в пещеру и тут же вернулся обратно, дабы помочь сыну. Гамилькар стремительно терял силы и уже едва стоял на ногах.

Ганнон, помня о словах сына про возможную погоню, торопился как мог. Страх за сына подгонял его, заставляя выкладываться по-полному. И они-таки успели. Едва отец с сыном скрылись в зарослях дикой яблони, как на вершину холма стремительно вынеслась новая группа всадников. Здесь, сдерживая распалённых долгой погоней лошадей, они остановились и принялись торопливо осматривать следы недавнего боя.

Погоней руководил невысокий полноватый мужчина с уже заметным брюшком. Он крепко сидел на сером с чёрными пятнами жеребце и мало чем отличался от своих таких же запылённых спутников, но взгляд острый, холодных как у змеи, глаз и властное лицо, вкупе с горделивой осанкой, не давая ошибиться, сразу выдавали в нём человека, привыкшего повелевать и приказывать.

Бегло оглядев место недавнего сражения, Автарит подъехал к трупу Леонида и, с какой-то ненавистью, глядя ему прямо в лицо, яростно прошипел:

– Тупой самонадеянный ублюдок! Что, решил один получить награду?! Вот и получил! – И понизив голос добавил: – А впрочем, так даже лучше. Теперь тайна того давнего убийства умрёт вместе со мной...

Указав рукой на жеребца Гамилькара, стоявшего рядом с кобылой Леонида, Автарит властным голосом отдал приказ, сгрудившимся за ним воинам:

– Что застыли?! Ищите их! Нутром чую, они где-то здесь! И поторпитесь, скоро здесь будет совсем темно! Мы должны успеть найти их! Золотая монета тому, кто первым найдёт их!

Пять воинов, не мешкая, начали молча спускаться с холма. Их жадные взоры так и устремились к земле, каждый старался найти следы беглецов первым.

Пока воины усердно искали следы на земле, Автарит пытливо вглядывался в стоявшие плотной стеной скалы, стараясь проникнуть за тёмную завесу густого кустарника. Он не сомневался, что беглецы скрылись где-то там. Но где? Ноздри его крючковатого, как у ястреба носа, хищно раздувались, словно вынюхивая добычу. Да и сам он всем своим видом, напоминал сейчас голодного ястреба, высматривающего с высоты очередную жертву. Его толстые грязные пальцы нервно дёргали за поводья, отчего его жеребец круто запрокидывал голову назад и косил на него злым, недовольным взглядом.

Внезапно ему вспомнилось лицо Малха, обращённое к нему. Оно было всё перекошено от дикой злобы и ненависти. «Догнать их! Догнать! С живых кожу сдеру! Ты привезёшь их мне, Автарит! Ты! Живыми или мёртвыми! Привезёшь, не то сам лишишься головы!» Визгливый, срывающийся голос Малха, казалось, вновь зазвенел в голове Автарита. От неприятного воспоминания его всего передёрнуло. Липкий страх вновь начал заползать ему в душу. И налёт горделивой спеси мигом слетел с него, оставив лишь жалкое жирное тело, мешком сидевшее на коне.

– Нет! Их надо найти! Нельзя вернуться без них! – начал торопливо шептать он, стараясь поскорее прогнать голос Малха, грозно звучащий внутри головы.

Автарит презирал себя за трусость, но в то же время прекрасно понимал, что Малх не простит ему такой неудачи. В этом он не сомневался – он слишком хорошо знал своего повелителя. И страшный образ палача с топором вновь замаячил у него перед внутренним взором...

Высокий грузный воин на пегой кобыле стремительно взлетел на холм и, подняв лошадь на дыбы, остановился в двух шагах от Автарита. Безобразный шрам, изуродовавший левую щеку и губы, придавал его угрюмому лицу свирепый вид, дополнявшийся грязной, спутанной бородой.

Автарит неприязненно уставился на него.

– Ну?!

– Мы нашли их, благородный господин! – торопливо затораторил воин. – Они спрятались либо в зарослях, либо в какой-нибудь пещере. Но далеко они уйти не могли, кто-то из них тяжело ранен... Я видел следы и кровь, много крови – хрипло добавил он, глядя на Автарита с каким-то голодным, жадным блеском в глазах.

Обрадованный Автарит мгновенно преобразился – былой страх ушёл и его место тотчас заняли жестокость и ненависть, превратив лицо в ужасную хищную маску. Воин, испугавшийся таких перемен в лице хозяина, невольно отшатнулся. Автарит пронзительно посмотрел на него, затем, словно что-то вспомнив, достал из кошелья на поясе монету и небрежно кинул её воину в руки:

– Держи! Ты заслужил своё золото!

Воин, поймав монету, удовлетворённо склонил голову в поклоне и, быстро спрятав золото, пустил коня вскачь, спеша догнать Автарита, уже летевшего к скалам.

* * * * *

Коротко застонав, Гамилькар вышел из забытья и открыл глаза. Заработавшее сознание тут же подсказало ему, что он лежит на каменном полу в пещере отца. Он попытался было подняться, но не смог. Левый бок буквально взорвался от боли. Ощущение было такое, будто в рану внезапно воткнули раскалённый прут железа. Гамилькар едва сдержался, чтобы не закричать. Он опустил голову обратно на пол, и острая боль, словно по мановению волшебной палочки, сразу ушла, отступила куда-то в сторону. Однако, как ни странно, эта резкая боль неожиданно помогла Гамилькару – она освежила его память и прогнала туман из головы. Придя немного в себя, он поискал беспокойным взглядом Элиссу.

Девушка нашлась сразу, она лежала рядом с ним, на расстоянии вытянутой руки. Слабый свет, падающий сверху, освещал её бледное, в засохших пятнах крови, лицо. Элисса по-прежнему была без сознания, и это обстоятельство острой болью отозвалось в сердце Гамилькара. Как он хотел, чтобы она открыла свои прекрасные глаза и приветливо улыбнулась ему. Ему сразу стало бы легче...

Услышав чьи-то шаги, Гамилькар быстро перевёл взгляд вглубь пещеры и с большим облегчением узнал в приближающемся человеке своего отца. Он торопливо шёл к нему, держа в обеих руках по зажённому факелу. В воздухе противно запахло горелой смолой. Гамилькар недовольно поморщился и, пользуясь моментом, обвёл взглядом пещеру.

Пещера была довольно большой: шагов пятьдесят в длину и тридцать пять – в ширину. Начиная от входа, потолок постепенно поднимался вверх, достигая у задней стены восьмиметровой отметки. В средней части пещеры в потолке было большое куполообразное углубление с расщелиной в виде круга. Через эту расщелину дневной свет и попадал пещеру.

Гамилькар чуть опустил голову, следуя за световым потоком падающим сверху. Свет, в виде огромной светящейся «колонны», опускался прямо на созданный самой природой «алтарь». Сам алтарь представлял собой неправильной формы усечённую каменную пирамиду, верхушку которой чья-то заботливая рука аккуратно срезала, а на её место поставила искусно вырезанную из белоснежного мрамора статую богини Астарты-Тиннит. Сейчас вечерний свет был слишком слаб, чтобы полностью осветить богиню, но вспыхивающие неровным светом факелы, порой выхватывали из темноты её прекрасную точёную фигуру.

Но не смотря на всю свою красоту, сама статуя была стара. Очень стара. Её привезли ещё из той, ставшей уже фактически мифом, далёкой северной земли предков. Однако с первого же взгляда было видно, что её вырезал очень талантливый и искусный в своём деле мастер. Годы столетий, казалось, не властвовали над ней, и прекрасное юное лицо богини, по-прежнему, сияло своей первозданной девственной чистотой. Она была прекрасна. Эта статуя была хранительницей и, одновременно, главным сокровищем их древнего рода. Она бережно передавалась от отца к сыну на протяжении вот уже многих поколений. После смерти отца – и да продли Великая богиня его годы! – она должна была достаться ему – Гамилькару, чтобы и он, в свой черёд, передал её потом своему старшему сыну...

«Но похоже, что я уже не смогу сделать это», – с горечью подумал Гамилькар, чувствую, как последние силы покидают его, а смерть уже незримо стоит возле самых ног. Но Элисса?! Но клятва?! Умереть сейчас – значит предать её, предать свою любовь, предать веру тех, кто поверил ему! Нет, он должен жить! Должен... Эти мысли вихрем кружились в голове Гамилькара, не давая расслабиться и отдохнуть.

– Я должен жить, – хрипло прошептал он и, собрав все свои силы, всю свою волю в кулак, начал упорно сопротивляться той предательской слабости, что как болотная трясина начала засасывать его, отбирая последние остатки жизненных сил да и само желание жить. А взамен она обещала убрать боль и подарить ему вожеленный покой. Но уже потом, после смерти...

«Нет, я должен жить! Должен!» – мысленно повторял и повторял про себя Гамилькар. И смерть, словно испугавшись его решительности, медленно отошла в сторону, ушла в пугающе-густую темноту, в ожидании того момента, когда он вновь ослабнет и сдастся.

Воткнув факелы в углубления в стене, Ганнон с куском чистой материи и глиняным горшочком с целебной мазью осторожно склонился над сыном. Он торопился перевязать его, пока тот совсем не ослабел от потери крови. Он и так потерял её слишком много. Первым делом Ганнон расстегнул пояс, на котором висел нож и пустые ножны от меча, и осторожно приподнял край доспехов. Затем, резким движением отодрал ткань туники от раны... То, что он увидел, заставило его похолодеть от ужаса. Рана была глубокой, очень глубокой. Но самое главное она... она практически не оставляла сыну шансов на выживание. Мало того, непонятным было даже то, как он ещё до сих пор оставался в живых.

Ганнон на мгновение прикрыл глаза и крупная, одинокая мужская слеза медленно скатилась по его щеке. Затем, преодолевая предательскую дрожь в руках, он принялся торопливо обрабатывать рану и накладывать повязку. Отчаяние душило его, лишая всякой возможности говорить. И едва Ганнон закончил перевязку, как его руки тут же бессильно упали на колени, а всё тело затряслось как при болотной лихорадке. И как Ганнон не старался, он ничего не мог поделать с отчаянием, что охватило его. Он прекрасно понимал, что всё это бессмысленно, что его мазь и повязка не могут спасти жизнь сыну. Его единственный сын умирал, а он... а он ничего не мог сделать, чтобы спасти его.

«Нет, этого не может быть! Это неправда! Это неправильно! Несправедливо! – в немом отчаянии кричала душа Ганнона. – О, Боги, за что, за что вы наказываете меня?! За что так жестоко караете меня?! За что?!»

Ганнон повернул лицо к богине Тиннит. Его взгляд, полный страдания и надежды, буквально впился в её прекрасный лик.

– О, Великая богиня! Мать всего сущего! Молю тебя, спаси, сохрани жизнь сыну моему! Не дай! Не дай ему умереть! За что?! За что ты наказываешь меня?! Возьми! Возьми жизнь мою! Только спаси, только спаси сына моего! Скажи?! Скажи, чего ты хочешь от меня?! Я всё, я всё сделаю для тебя! – в отчаянии, уже перейдя с шёпота на крик, яростно кричал он. – Только скажи! Скажи мне!

Но лишь гулкое эхо, да звенящая тишина, нарушаемая еле слышным потрескиванием горящих факелов, была ему ответом. Не замечая боли в затёкших коленях, Ганнон, с горестным вздохом, валится вперёд, прижимая воспалённый лоб к холодному каменному полу. И слёзы, уже никак не сдерживаемые им, тихонько стекают по лицу и падают на камни...

Прошло всего восемь лет с тех пор, когда он вот так же кричал и молил Верховного Жреца храма Ваала снизить к его просьбе и помочь ему. И вот боги снова наказывают его. И он снова бессильно что-либо сделать. Ганнон с болью вспомнил те дни, и картины прошлого вновь ожили у него перед глазами.

Восемь лет назад его семнадцатилетний сын Гамилькар тяжело заболел. Никакие лекарства не помогали, а призванные лекари лишь бессильно разводили руками. И Ганнону ничего не оставалось, как, смилив свою гордыню, пойти и слёзно просить помощи у Тано, у своего недавнего заклятого врага... Тано – Верховный Жрец храма Ваала, славящийся на всю страну своим искусством врачевания, молча выслушал его, а затем потребовал, что если его сын выздоровеет, то он – благородный Ганнон из рода Зенов, по воле Грозного Ваала, навсегда покинет людей.

– Ты, благородный Ганнон, – сухой старческий голос Тано казалось вновь зазвучал в голове Ганнона, – уйдёшь подальше от людей, поселишься в пустыне или в какой-нибудь пещере в горах и будешь жить отшельником, в полном одиночестве. Жить так до тех пор, пока Грозный Ваал не призовет тебя к себе. Или не призову тебя я, дабы вернуть в мир людей. Только так ты искупишь грехи свои. Ты дал клятву. И ты сдержишь её! И да исполнится воля Великого Ваала!

С тех пор прошло восемь лет. Восемь долгих лет. Но Ганнон до сих пор не знал, чем же тогда руководствовался Тано: то ли тайным желанием отомстить ему, то ли, как это не парадок-

сально сейчас звучит – желанием помочь ему. Да, уйдя в пещеру, Ганнон вначале чувствовал себя в изгнании, но затем, постепенно успокоившись, он сам, всей душой, принял это кардинальное изменение своего жизненного пути. И пусть уйдя от людей, он оставил богатства, высокое положение, большой удобный дом с мягкой постелью, изысканной кухней и роскошными одеждами, но зато, вместе с ними, он оставил и все пороки человеческого общества, в котором жил. И словно отмирая, ненужной шелухой отвалились, ушли в прошлое мелкие обиды, зависть и тайные вожеления. И душа снова, как в далёком детстве, стала радоваться чудесному утру, ясному небу, весёлой капели дождя или звонкой, радостной песне какой-нибудь птички. Да, положив руку на сердце, Ганнон мог с чистой совестью сказать, что он прожил здесь восемь счастливых лет...

– О, Великий Ваал, неужели ты не простишь меня? Неужели не принял в жертву все эти восемь лет моего добровольного изгнания? За что, за что ты опять казнишь меня? – тихо зашептал Ганнон, мотая головой.

И снова мёртвая тишина была ему ответом.

– Милосердие! Прояви милосердие, богиня! – Ганнон поднял от пола своё измученное лицо и его страждущий голос вновь зазвучал под сводами пещеры многоголосием отражённого эха. – О, Великая богиня Тиннит, ты столько столетий оберегала наш род! Помогите! Помогите и сейчас! Спасите! Спасите сына моего! Заступитесь за него перед Грозным Ваалом! Молвите слово своё!

Огненный взгляд Ганнона с надеждой блуждал по лику богини Тиннит, ища знамение или хоть какой-нибудь мельчайший знак, указывающий на то, что богиня услышала его и не оставит в беде. Смолкло последнее эхо, в пещере вновь воцарилась тишина. Ганнон, заломив руки, с надеждой ждал. Но богиня Тиннит, по-прежнему, молчала. Её прекрасное лицо оставалось таким же холодным и безжизненным, как и раньше. Она равнодушно взирала с высоты на коленопреклоненного Ганнона с его измученной, мечущейся в отчаянии и столь же страстно жаждущей чуда, душой, и молчала.

– Богиня, ответь мне! Ответь! Не оставь нас в беде! Помогите! Молю тебя, помогите!

И вновь богиня осталась безучастной к мольбам человека. Лицо Ганнона внезапно изменилось, превратившись в страшную маску злости и негодования.

– Ты предала нас, богиня! Предала! Я больше не верю тебе! – гневно выкрикнул он кощунственные слова обвинения и, затем, словно потеряв вместе с ними последние силы, безвольно уронил голову на грудь. От неровного света факелов, сторбленная фигура Ганнона, отбрасывала на стены пещеры причудливые гротескно-страшные тени, но они, казалось, отражали лишь малую частицу того, что творилось сейчас в его измученной, истерзанной болью душе.

Внезапно Ганнон вздрогнул и поднял голову, ему показалось, что он слышит чей-то негромкий неясный голос. Он с надеждой посмотрел на статую и в его воспалённом мозгу тут же холодной сталью зазвенел надменный, властный голос богини:

– Остановись! Опомнись, человек! В своём страстном желании спасти сына ты зашёл слишком далеко! Ты жаждешь! Ты просто требуешь от меня чуда! Что ж, боги могут творить чудеса! Но они не творят их по просьбам людей! Смирись и покорись судьбе, человек!

Словно раздавленный этими страшными словами старик зашатался и без сил рухнул на каменный пол.

– Отец... – слабый голос Гамилькара немедленно заставил Ганнона подняться и повернуть лицо к сыну. Его закрытые глаза, учащённое дыхание и прерывистый голос говорили о том, что он бредит. – Отец... помогите мне... Я должен жить... Я не могу... Я не могу умереть, не сдержав своей клятвы...

Гамилькар на мгновение умолк, затем собрался с силами и его голос зазвучал твёрже и увереннее.

– Отец! Помоги мне! Я не могу сейчас умереть! Я должен спасти Элиссу! Я не могу предать её! Я должен жить, чтобы спасти её! Помоги мне...

Глаза раненого внезапно открылись и его полный боли и страдания взгляд, лихорадочно заметался по стенам пещеры, отыскивая своего отца.

– Сынок... – только и смог выдавить в ответ старый Ганнон. Слезы отчаяния душили его, мешая дышать и говорить.

Старик наклонился и крепко прижал голову сына к своей груди, обильно смачивая его волосы своими слезами. О, если бы он мог спасти его... Ну почему боги так несправедливы к нему?

Ганнон беззвучно рыдал над телом умирающего сына, находясь в полной прострации, но вдруг какое-то давнее воспоминание заставило вздрогнуть его, мгновенно вернув в реальность. Он осторожно положил голову Гамилькара на каменный пол и решительно поднялся с колен. В его глазах вспыхнула слабая тень надежды.

– Тайный свиток! О, боги, и как я мог забыть о нём?! Да, надо использовать его! Использовать, пока ещё не поздно! О, мудрые предки, простите и вразумите неразумного потомка своего! – взволнованно прошептал Ганнон, и со всех ног бросился в густую темноту за алтарь, в которой скрывался узкий проход ведущий в глубь скалы. Там, далеко в глубине, находился тайник, хранивший родовую реликвию. Тайный свиток Зенов.

Свиток этот бережно хранился в их роду вот уже несколько сотен лет. Но в отличие от статуи богини Тиннит, он хранился в глубокой тайне и лишь перед самой смертью умирающий передавал его своему наследнику. Сам тайный свиток представлял собой небольшой кусок папируса, полностью исписанный красными чернилами. Его получил в награду легендарный основатель их славного рода – Магон Зен. Он получил его ещё там, в далёкой, изначальной земле предков. Предание об этом было записано и передавалось вместе с тайным свитком, дабы ни одно слово о тех событиях не затерялось в черед сменяющихся друг друга поколений.

Осторожно убрав камень, закрывающий вход в тайник, Ганнон глубоко засунул руку в расщелину в скале и осторожно, стараясь не повредить, вытащил завернутый в ткань папирусный свиток – послание Магона Зена своим потомкам. В нём говорилось – это старик помнил и так – о том, как благородный Магон Зен, рискуя своей жизнью, спас от смерти Верховного жреца одного древнего египетского храма, переправив его на своём корабле в тихое безопасное место.

Быстро освободив папирус с посланием Магона от ткани, Ганнон аккуратно развернул его и, чтобы освежить свою память, торопливо пробежался по тексту глазами. По мере чтения его воображение само рисовало картины тех событий, что происходили несколько сотен лет тому назад.

И вот он, как наяву, увидел плавно покачивающийся на волнах большой морской корабль, а на нём самого Магона Зена рядом со старым египетским жрецом в строгом белоснежном одеянии. Древний, седой как лунь, старец как-то странно посмотрел поверх головы Магона, а затем торжественным голосом произнёс:

– Сын мой, прежде чем сойти на берег, я хочу отблагодарить тебя. Я мог бы вознаградить тебя золотом, металлом столь ценным твоим народом, но решил дать тебе другой, куда более ценный подарок. Вот этот свиток, – жрец вытащил из рукава небольшой папирусный свиток, перетянутый чёрной ленточкой. – Он мал и как будто бы ценности не представляет никакой. Но когда-нибудь он будет нужнее и дороже всего золота мира одному из твоих потомков. Он будет его единственной надеждой. Я не могу приоткрыть тебе завесу будущего, так же как и не могу сделать выбор за тебя, Магон Зен. Ты должен сделать выбор сам. Сам, как подскажет тебе твоё сердце. Итак, что же ты возьмёшь: золото или надежду на спасение одному из твоих потомков?

Магон Зен – жестокий воин и опытный торгаш – уже хотел было выбрать золото, как вдруг что-то остановило его. Он внимательно посмотрел на жреца и замер в полной растерянности. Он никогда не доверял жрецам. А, зная их корыстолюбие, порой даже сомневался в самом существовании богов, считая, что их вполне могли выдумать сами жрецы, дабы обогащаться за счёт них. Но тут его убеждённости впервые дала трещину. Что-то было в лице, в голосе и фигуре старого жреца такое... такое мудрое, доброе и, в то же время, столь далёкое от его Магона Зена мира, мира полного ненасытной жажды богатств, славы, почестей, что заставляло верить в то, что есть в этом мире и нечто совсем другое, вечное, неземное. То, перед чем бессилён и жалок ум человеческий, то, чего нельзя купить ни за какие земные богатства. И Магон Зен верил, кожей чувствовал, что этот странный, непонятный ему старик говорит сейчас правду, и от этого ему вдруг стало почему-то неудобно и страшно. И подумав немного, он, чуть запинаясь, несмело попросил у жреца второе.

Верховный жрец, мягко улыбнувшись, протянул папирусный свиток Магону.

– Возьми его, сын мой. Я знал, что ты выберешь свиток, а не золото, поэтому написал его заранее. И не переживай, ты сделал правильный выбор! – Магон, немного вспотев от волнения, осторожно взял свиток в свои руки. – Не жалею об утраченном золоте – оно не всемогуще, и пусть блеск его не затмит твой разум, и да не станешь ты рабом его!

После этих тёплых слов старого жреца, у Магона Зена как-то разом отпали все сомнения, колебания насчёт этого странного, прямо-таки неестественного для него выбора, и какая-то волна облегчения прошла по его возбужденному телу, и уже совершенно успокоенный он последовал за старым жрецом на нос корабля. Там, наедине, твёрдо глядя в глаза своему собеседнику, старик тихо продолжил:

– В глубокой тайне храни свиток сей! О нём никто не должен знать! Ты можешь рассказать всё только своему наследнику – ибо своего смертного часа не ведаёт никто и знание о свитке не должно умереть раньше времени. Но помни – свиток нельзя разворачивать, иначе он потеряет свою силу! Я написал его на твоём родном языке. Смысл написанного ты не поймёшь. Это старый, мёртвый язык, и едва ли во всём мире найдётся с десятков человек, знающих его. В свитке – прямая просьба к древнему божеству продлить жизнь, дабы успеть довершить дело, которое мучает тебя и не даёт спокойно умереть! – Заметив радостный блеск в глазах Магона, старик медленно покачал головой. – Нет! Просить можно только один раз, и только в том случае, о котором я тебе только что поведал! Если же ты просто попросишь продлить себе жизнь, то в лучшем случае ничего не произойдёт, а в худшем – просителя ждёт медленная, мучительная смерть... И ещё! Не продавай свиток!

Египетский жрец отвернулся от Магона, посмотрел на ласковое лазурное море и, глубоко вздохнув, устало добавил:

– Наш храм сотни, ты слышишь, Магон, многие сотни лет хранил подлинник этой молитвы! И только два раза Верховные жрецы, не выдержав искушений, продавали копии правителям... Правителям свитки не помогли, а вот конец тех Верховных жрецов был ужасен... Знай же: Верховный жрец всегда даёт копию молитвы сам, по знаку свыше, только одному, одному конкретному человеку. И даже передаривать сей свиток нельзя! Иначе он потеряет свою силу. Этот свиток – только для твоего далёкого потомка! Только для него одного! Оставь ему шанс на спасение... Помни о том, что я поведал тебе, Магон! Помни и передай потомкам своим!

Последние фразы жрец считай прокричал, до предела повысив свой голос. Затем он отвернулся от Магона и вновь устремил свой взор к спокойному морю. Жрец молчал. Молчал и Магон Зен, он стоял неподвижно, боясь проронить хоть слово. Он терпеливо ждал, что старый жрец скажет ещё. Громко прокричала пролетевшая над кораблём чайка. Жрец, погружённый в свои мысли, вдруг вздрогнул и, обращаясь неизвестно к кому, со скорбью и горечью заговорил:

– Моего храма больше нет, и некому его восстановить. Он прослужил моему великому народу три тысячи лет. Вдумайся в эту цифру, чужеземец! Три тысячи лет!!! Но храм разрушен, его нет, как и нет моего великого народа. Мы прошли свой путь, мы слишком стары, наша молодость давно прошла, угасли силы... Благословенный Нил, как и прежде, сотни и тысячи лет назад, несёт свой плодородный ил на наши поля, но изменились мы, и скоро от нашего бывшего величия, от Великого Египта останемся лишь мы – жалкая кучка жрецов, неграмотные крестьяне, да могилы наших предков. Да, люди остались – они чинят плотины, чистят каналы, сажают хлеб, возводят дома... Они по прежнему искусны в ремёслах, но не более того... Нет в них жизни, нет жажды свершений. Пойми, чужеземец, это просто кучка людей, а не народ. И эти люди скоро забудут свою историю, забудут веру предков и своё бывшее величие, и останется одна лишь территория, носящая название Египет, кусок земли, переходящий из рук в руки, словно продажная женщина, у жадных, чуждых нам народов. Народы рождаются, взрослеют, стареют и умирают, совсем как люди. Быть может и боги рождаются вместе с ними, достигают могущества и славы, а затем, так же, теряя силы, медленно угасают, уходят в небытие, бессильные помочь народам своим?..

Вопрос сей повис в воздухе, ответа на столь кощунственный вопрос Магон не знал.

Внезапно верховный жрец словно проснулся, очнулся от сна, его потухшие глаза заблестели, сторбленные плечи расправились, и дряхлая старческая фигура приобрела гордый, величественный вид.

– Нет! – выкрикнул он оробевшему Магону, устремив на него яростный взгляд своих ясных, по детскому чистых, чёрных глаз. – Нет! Боги не умирают! Это святотатство! Боги лишь меняют свои имена! Они вечны! Они не теряют могущества своего! Я верю в это! Верь и ты, Магон! Верь, и боги в трудный час помогут роду твоему!

И долго ещё Магон Зен стоял и смотрел в след этому величественному, но дряхлому, уже стоящему пред воротами вечности, старику, олицетворявшему собой знания и мудрость умиравшего народа.

Дочитав, старый Ганнон решительно отложил папирус с преданием и, не колеблясь более, вынул из тайника старый глиняный кувшин. Кувшин, высотой около тридцати сантиметров, имел форму греческой амфоры, но без ручек. Горлышко было заткнуто тряпкой и обильно залито воском, предохраняющим содержимое от сырости. Прижав драгоценную ношу к груди, Ганнон быстро вернулся к сыну.

Гамилькар – слава всем Богам! – был ещё жив. Но старик видел, что только верность долгу и воля сына удерживали сейчас жизнь в этом окровавленном, измученном теле – он решительно отказывался умирать, не сдержав своей клятвы.

Медлить больше нельзя! Ганнон, встав на колени, одним ударом разбил кувшин об пол и, дрожащей рукой, достал из кучи глиняных осколков свиток папируса. Как ни странно, но свиток, пролежавший в сосуде сотни лет, выглядел абсолютно новым и свежим, словно его положили туда только вчера. Ганнону, однако, было не до таких подробностей. Быстро развернув свиток, он начал громко читать, тщательно выговаривая каждое слово незнакомого ему языка, интуитивно чувствуя, что ошибаться тут было нельзя.

Пришедший в сознание Гамилькар, сразу узнал разбитый кувшин и понял, что отец, в отчаянной попытке спасти его, решил воспользоваться тайным свитком – ещё одной реликвией их древнего рода. Правда сам он не очень-то верил в силу этого старого свитка, считая всё это лишь красивой легендой. Однако свиток дарил хоть какую-то надежду, и Гамилькар, подавив в себе малейшие сомнения, принялся внимательно слушать отца, старательно повторяя про себя все те знакомые слова, что тот вещал.

Внезапно послышался топот множества ног, и вскоре в освещённый факелами круг, тяжело лязгая железным облачением, молча вступили шесть человек с обнажёнными мечами. Вошедшие устремили свои взоры прямо на лежащего на полу Гамилькара. Не нужно было даже

гадать – враги это или друзья. Вид их свирепых, мрачных лиц говорил сам за себя. Исходящая от них аура ненависти незримым холодом дохнула в лицо Гамилькару. Нашли-таки, подонки... Кроме Автарита, он узнал в вошедших ещё двоих – их он сам недавно выгнал из дворцовой стражи за пьянство, грабежи и насилие. «Впрочем, каков сам Малх, таких и помощников он себе набрал», – с презрением подумал Гамилькар и внутренне усмехнулся.

Ганнон же, полностью погружённый в чтение, даже не заметил вошедших. Он быстро дочитал свиток до конца и едва торжественно произнёс последнее слово, как папирус быстро сморщился, почернел... А затем, с громким хлопком, рассыпался в прах прямо на руках у изумлённого Ганнона. Свершилось, свиток не потерял своей чудодейственной силы! Ганнон весь замер в ожидании чуда и...

И ничего не произошло! Совершенно ничего! Сын по-прежнему лежал весь в крови на полу пещеры и не двигался, смотря куда-то в пустоту.

Ганнон бросил недоумевающий взгляд на остатки папируса – его последней надежды – и вновь посмотрел на статую богини Тиннит. Игра теней образовала на её устах странную, таинственную улыбку. Но не этого ждал от неё Ганнон. Он ждал чуда. Чуда! Мгновенного исцеления сына! А отнюдь не новой насмешки...

Внезапно, услышав какой-то шум, Ганнон резко повернул голову и с крайним изумлением уставился на шестерых воинов с мечами, что незаметно для него проникли в пещеру. Один быстрый взгляд на их лица и Ганнон мгновенно определил: кто они. Убийцы! Перед ним стояло шестеро убийц – внутреннее чувство опасности буквально кричало об этом. Он забыл про осторожность. Вот только исправить что-то уже было нельзя. Поздно, враги уже пришли в его дом...

Убийцы же, чувствуя себя хозяевами положения, злорадно скалились и откровенно неспешно так осматривались вокруг – куда спешить, ведь жертвы теперь никуда не денутся от них. И бойцы из них теперь никакие: умирающий юноша да тщедушный старик... Зато при виде лежащей на полу Элиссы, лица воинов мгновенно осветились довольными похотливыми улыбками, они уже заранее предвкушали ночь удовольствия – Автарит уже твёрдо решил, что привезёт во дворец только трупы.

С удивлением узнав в повернувшемся старике Ганнона – отца столь ненавистного ему Гамилькара, Автарит сначала опешил, а затем с деланной радостью воскликнул:

– Как, Ганнон, мерзкая подлая скотина, ты всё ещё жив? Ах, ах, как нехорошо. Совсем нехорошо. А ведь твоя драгоценная супруга с детками уже небось заждалась тебя на том свете? А?

Через мгновение, сбросив добродушную личину, он со злостью добавил:

– Ничего, подлая тварь! Я снова помогу тебе, Ганнон, как помог много лет тому назад! Скоро, очень скоро, я отправлю тебя на небеса вместе с твоим последним выродком! Ты помнишь, как убил моего отца, Ганнон?! Помнишь?! Или уже забыл, старая гиена?! Ничего, теперь я полностью рассчитаюсь с тобой!..

Распалённый ненавистью, Автарит ещё долго что-то кричал, брызгая во все стороны слюной, но старый Ганнон уже не слышал его.

– Ты!.. Так это был ты!.. – только и смог выкрикнуть с искажённым от ненависти лицом Ганнон и с яростью выхватил из ножен свой меч. Но через мгновение он схватился за грудь и, жадно глотая воздух, начал медленно оседать на пол. Старое сердце не выдержало...

– Отец... – только и смог вымолвить Гамилькар.

Враги глумливо засмеялись. Автарит меденно подошёл к хрипевшему, хватающемуся за сердце старику и, злобно оскалившись, пнул его несколько раз в живот, постоянно приговаривая:

– На, получай, старая скотина! Сдохни, подлая тварь!

Никогда ещё Гамилькару не было так мучительно больно осознать своё бессилие. Он был в сознании, он всё понимал, но, одновременно, был лишён всякой возможности действовать – его израненное тело просто отказывалось повиноваться ему. Он больше походил на труп, и лишь слезящиеся, горящие ненавистью глаза доказывали окружающим, что он всё ещё жив, отражая как в зеркале все те чувства, что кипели в его измученной душе. Собрав последние силы, Гамилькар, преодолевая боль и слабость, потянулся к своему мечу, желая умереть с оружием в руках. А меч лежал так рядом и, в тоже время, так далеко от него. Гамилькар отчаянно пытался, но никак не мог дотянуться до меча, а враги стояли рядом и открыто смеялись над ним. И никто не спешил добить его. Это же так весело поглумиться над своим поверженным врагом... Вскоре, однако, одному из них надоела эта игра, он подошёл к Элиссе и, довольно скаля зубы, провёл рукой по её высокой груди, а затем, повернувшись к Гамилькару, предложил ему посмотреть, как он будет заниматься с ней любовью.

– Тебе это очень понравится! Понравится...

Его глумливый голос и мерзкий смех эхом отдались в голове Гамилькара. Его глаза буквально полыхнули от ярости. Жгучая, всепоглощающая ненависть придала ему сил, и пальцы судорожно охватили рукоятку меча...

Но в это время оглушающе громко прогремел первый гром, и тут же молния с жутким треском ударила в скалу над пещерой. Ослепительно-яркий свет, через окно в потолке, колонной рухнул в пещеру, захватив в свой сияющий круг Гамилькара. И этот яркий, режущий глаза белый свет – было последнее, что успел запомнить Гамилькар, перед тем как провалиться в густую, непроглядную тьму...

Глава третья

18 декабря 2015 года. Ботсвана. Южная Африка.

18 декабря 2012 г. Бо

- Осторожно, яма!

Но предупреждение
несколько раз чувству
ушибленное место на го

- Ты всё же поаккур
новую кабину пок

Чернокожий водител
шерстяную шапочку –
шутливо заметил:

- Я же предлагал ва
Глядишь и ваша п
самый лучший го.
от вечернего и ут
пуме. Возьмёте?

- Нет, спасибо, Дже

Однако предупреждение профессора Туманова явно запоздало. Грузовик несколько раз чувствительно тряхнуло, и Туманов, потирая рукой ушибленное место на макушке, начал беззлбно выговаривать водителю:

– Ты всё же поаккуратней вези, Джек, а то вот пробью головой крышу – заставлю потом новую покупать.

Чернокожий водитель в ответ только засмеялся и, показывая рукой на свою шерстяную шапочку – пуме, что наподобием шлема закрывала его голову, шутливо отмолвил:

– Я же предлагал вам, господин профессор, утром надеть такую же. Глядишь, и ваша голова осталась бы целой. Вот мне же хоть бы хны... Для нас, тсвана, пуме – это самый лучший головной убор. Защитит не только от ушибов, но и от вечернего и утреннего холода. Да, кстати, у меня есть ещё одна пуме. Может всё-таки возьмёте?

– Нет, спасибо, Джек. Не возьму, – Туманов широко улыбнулся. – Уж больно у меня дурацкий вид в ней, лучше я останусь так, с непокрытой головой.

– Ну как хотите, дело ваше, – философски прокомментировал Джек. – На дороге ещё много ям... Но если передумаете, знайте, что моя пуме всегда к вашим услугам.

– Спасибо, Джек, если что, я охотно воспользуюсь твоим предложением. – Туманов бросил быстрый взгляд на шапочку ботсванца и поинтересовался: – Эти пуме вяжут ваши женщины?

– Да. Тсванские женщины по-прежнему очень искусные вязальщицы, даже вездесущий китайский ширпотреб не убил в них это умение. Они могут вязать даже на ходу. Вспомните тех трёх женщин, что мы встретили полчаса назад. Они шли на местный базар. Так вот, двое из них вязали прямо на ходу. При этом у одной из них за спиной был привязан ребёнок, а у другой – корзина с початками кукурузы, – с гордостью пояснил Джек и тут же отчаянно закрутил рулём, дабы избежать столкновения с неизвестно откуда взявшейся на этой пустынной дороге коровой, что гордо шествовала прямо посередине.

Когда тощая как вобла корова благополучно осталась позади, Джек облегчённо выдохнул и, заметив, что профессор Туманов, по-прежнему, внимательно слушает его, продолжил свой рассказ о жителях Ботсваны, их обычаях и традициях.

Чуть заметно улыбаясь, профессор Туманов с неподдельным интересом слушал своего чернокожего водителя, не перебивая и не задавая лишних вопросов. Перебивать собеседника вообще было не в его правилах, а во-вторых, он всегда любил когда человек рассказывал всё сам, без принуждения, по собственному желанию, ибо такой человек, по его личному убеждению, почти всегда искренен в своих высказываниях и, следовательно, его легче понять и узнать.

Ну, а Джек, найдя в лице профессора благодарного слушателя, по мере своего рассказа всё больше и больше воодушевлялся. Он отчаянно размахивал руками и жестикულიровал, успевая при этом следить и за дорогой, и едущими сзади машинами.

Однако многое из рассказа Джека Туманов уже знал. Он не в первый раз был в Ботсване, да и, к тому же, успел перед поездкой изучить пару справочников. И теперь его тренированная память, по мере рассказа водителя, послушно выдавала информацию о стране в сжатой, в виде коротких справок, форме.

Ботсвана – небольшое государство в Южной Африке. Территория – шестьсот тысяч квадратных километров. Это двадцать первое место среди африканских стран. Однако большую часть территории занимает одна из самых засушливых пустынь мира – пустыня Калахари.

По политическому устройству Ботсвана – республика, её глава – президент избирается на пять лет при проведении парламентских выборов. Страна делится на десять провинций. Официальные языки – английский и тсвана. Национальный праздник День провозглашения независимости – 30 сентября. До 1966 года страна являлась британским протекторатом под названием Бечуаналенд. Столица государства – город Габороне.

Население – более двух миллионов человек. Однако каждый четвёртый житель ВИЧ-инфицирован, из-за чего произошло снижение продолжительности жизни на 20 лет. И всё равно численность населения быстро растёт. Начиная с конца двадцатого века в стране настоящий бум рождаемости. И по расчётам специалистов, лет так через пятьдесят, Ботсвана по численности населения обгонит Украину и Белоруссию...

Само население Ботсваны почти целиком, на девять десятых, состоит из народности тсвана, или бечуана, которая делится на несколько этнографических групп, самая многочисленная из них – нгвата.

Все они принадлежат к языковой группе юго-восточных банту, относящихся к негроидной расе. Среди этнических меньшинств страны, таких, как гереро, шона, коса, педи, ндебели, балози и другие, большинство также принадлежит к банту.

И лишь в пустыне Калахари живут представители койсанской языковой семьи – бушмены и готтентоты, которых племена банту оттеснили в глубину пустыни ещё до начала европейской колонизации.

Большинство банту занимаются скотоводством и земледелием, но с каждым годом увеличивается число работающих в горной промышленности. Фактически восемьдесят процентов населения живёт на узкой полосе плодородной земли восточной Калахари...

Продолжая слушать Джека, Туманов, незаметно для себя, погрузился в собственные воспоминания о том, как и почему он оказался здесь...

Всё началось в октябре, когда ему неожиданно позвонил его старый друг и однокашник Вадим Дмитриевич Дербенёв. Как раз за день до этого Туманов выписался из больницы, где долго лежал с пневманией.

С Вадимом Дербенёвым они дружили с детства. Жили рядом, вместе ходили в детский сад, вместе учились в школе, вместе ходили в волейбольную секцию. Однако после окончания школы, учиться они пошли в разные ВУЗы: он в Московский Государственный Университет, а Дербенёв – в Московский горный институт. Но дружить не переставали. Вместе ухаживали за девушками, а после почти одновременных свадеб дружить стали уже семьями. Нечего и говорить, что звонок очень обрадовал Туманова, ведь они с Вадимом не виделись уже целых шесть лет. После радостных распросов, Дербенёв попросил разрешения приехать к нему, сказав, что у него есть для старого друга потрясающий сюрприз. Естественно, такое разрешение было немедленно дано.

Профессор Аркадий Александрович Туманов – известный российский археолог и специалист по истории Древней Африки, а также автор ряда популярных книг и научных статей – жил в Москве, рядом с Кутузовским проспектом. У него была уютная четырёхкомнатная квартира, где он тихо жил вместе со своей женой Любовью Владимировной. Их взрослые дети давно уже жили отдельно, и навещали родителей лишь по праздникам, приезжая в гости вместе с внуками.

Ровно в семь часов вечера раздался звонок в дверь – пришёл долгожданный Вадим Дмитриевич Дербенёв. После традиционного чаепития, распросов и воспоминаний, Любовь Владимировна позволила старым друзьям уединиться, наконец, в рабочем кабинете Аркадия Александровича.

Рабочий кабинет для профессора Туманова был одновременно и любимым местом работы, и любимым местом отдыха. В нём же он и принимал своих гостей. Кабинет был достаточно просторным и, в то же время, весьма уютным. У дальней стены находилось окно, наполовину закрытое тяжёлыми тёмно-синими шторами с золотистой бахромой. Прямо перед окном стоял массивный письменный стол с высоким кожаным креслом. Одну половину стола занимал компьютер с различными вспомогательными устройствами, а другую – уложенные в три аккуратные стопки книги, журналы и папки с документами. Вдоль длинных стен, как в какой-нибудь библиотеке, стояли высокие, почти до самого потолка, деревянные шкафы. Эти мас-

сивные шкафы, до отказа заполненные книгами, статуэтками, старинным оружием и прочими предметами древности, казалось, воссоздавали в кабинете атмосферу настоящего средневекового замка с его тяжёлой старой мебелью и приличествующей ему благородно-гаинственной тишиной. Царящий в комнате полумрак лишь усиливал этот эффект. Сам Туманов в шутку называл свой кабинет «кельей учёного монаха».

Справа от двери, на толстых изогнутых ножках стоял старинный кожаный диван с двумя маленькими подушками. На полу, во всю длину комнаты, лежал настоящий узбекский шерстяной ковёр с очень сложным замысловатым узором. Освещался кабинет огромной хрустальной люстрой со множеством мелких лампочек.

Однако люстрой Туманов пользовался редко, ему не нравился её яркий, заполнявший всю комнату, свет. Он, как ему казалось, только нарушал рабочую атмосферу кабинета. А для работы ему вполне хватало света старой настольной лампы. Эта лампа, с бледно-голубым абажуром, была предметом особой гордости Туманова. Она досталась ему ещё от деда, и он её очень берёт. Настолько, что даже прикрепил её к крышке стола шурупами, дабы исключить случайное падение.

Удобно расположившись на диване, Аркадий Александрович предложил присесть и Дербенёву, но тот только отмахнулся и продолжил осмотр кабинета, внимательно разглядывая старинные предметы, лежавшие за стеклянными дверцами шкафов. Туманов подобному интересу к своей коллекциинисколько не удивился. Эта коллекция древностей, любовно собранная им за многие годы, неизменно привлекала к себе внимание любого гостя – и Вадим Дмитриевич в этом плане не был исключением. Поняв, что никакого рассказа в ближайшие десять минут от Дербенёва он не услышит, Аркадий Александрович устало положил голову на спинку дивана (недавняя болезнь всё ещё давала о себе знать) и стал внимательно изучать своего старого друга, пытаясь отыскать перемены, что произошли с ним за те несколько лет, что они не виделись.

Дербенёву, как и ему самому, недавно исполнилось пятьдесят шесть лет, но он, по-прежнему, находился в прекрасной физической форме. Элегантный, классический двубортный костюм, сделанный явно на заказ, красиво сидел на его высокой стройной фигуре, убеждая, что под ним действительно нет ни грамма лишнего жира, а его хозяин не забывает время от времени заглядывать в спортзал...

Но усы и короткая борода, как с грустью заметил Туманов, стали совсем седыми. Да и на голове заметно поубавилось волос. «Стареешь, мой друг, стареешь...», – невольно подумал он, наблюдая за ним. Однако серые глаза на сухом костлявом лице Дербенёва, по-прежнему, оставались молодыми.

Два массивных золотых перстня с бриллиантами на пальцах правой руки свидетельствовали о богатстве и высоком общественном положении гостя. Об этом же говорил его уверенный тон да и сама манера держаться. Хотя здесь, в гостях у старого друга, Вадим Дмитриевич был полностью расслаблен, он был, образно выражаясь, самим собой. Таким, каким Аркадий Александрович знал его с детства.

Слегка прихрамывая (результат недавнего неудачного катания на горных лыжах), Дербенёв медленно прошёл по толстому ковру к очередному шкафу в другом конце комнаты и, удивлённо цокая языком, остановился. Его крайне заинтересовала погребальная маска одного африканского вождя, что гневно уставилась на него своими пустыми глазницами через стекло. Продолжая разглядывать её с разных сторон, он, наконец, заговорил о деле, что привело его сюда.

– Как ты знаешь, Аркадий, шесть лет назад, я, в качестве представителя концерна «Русский медведь», полетел вместе с нашей правительственной делегацией в Ботсвану... Лишние подробности я опускаю, тебе они не интересны... В общем, там нам удалось получить для концерна концессию на разведку месторождений полезных ископаемых к югу от Маунга, площа-

дью восемьдесят шесть тысяч квадратных километров. После неширко продолжительных поисков, мы нашли ряд подходящих месторождений и начали их разрабатывать. Впрочем, опять же, как я понимаю, тебя это интересует мало... – Тут Дербенёв повернулся к Туманову и, внимательно поглядывая на него, неторопливо продолжил: – Опуская детали, могу лишь добавить, что эти проекты очень важны и выгодны для нашего концерна, и мы очень дорожим сотрудничеством с правительством Ботсваны. Думаю, и оно заинтересовано в нас. Видишь ли, вся экономика Ботсваны ещё слишком, как и в прошлом веке, зависит от ЮАР, и такая зависимость сильно мешает ей развиваться дальше. В настоящее время, правительство Ботсваны активно привлекает капиталы многих стран, и нам, чтобы получить права на разработку нескольких месторождений, пришлось победить в нелёгкой конкурентной борьбе.

Дербенёв замолчал, выдерживая долгую паузу, а затем нарочито неторопливо направился к Туманову и сел рядом с ним на диван. «Прелюдия закончилась», – с лёгкой усмешкой подумал Аркадий Александрович и приготовился внимательно слушать своего друга дальше. Ведь ясно же как божий день, что он пришёл сюда не просто так. Его явно привело сюда какое-то дело...

– Наши специалисты, – голос Вадима Дмитриева зазвучал громче и интригуяюще, – обрабатывая снимки воздушной разведки, выделили из сотен тысяч фотографий одну, которую и передали мне. Она показалась мне несколько странной, и я решил показать её тебе, – тут Дербенёв вытащил из внутреннего кармана пиджака две фотографии и одну из них протянул Туманову. – Вот взгляни. И скажи, что ты думаешь об этом.

Туманов, взглянув на торжествующе хитроватое лицо друга, осторожно взял фотографию. Знакомый лукавый блеск в глазах Дербенёва заставил его насторожиться, ибо это обычно свидетельствовало о том, что тот задумал какую-то хитрую уловку. Уж на что, на что, а на всевозможные проделки и розыгрыши Дербенёв был мастер. Их запас казался неистощим – каждый день в школе шло новое представление. Причём в роли жертвы мог оказаться любой: от лучших друзей и знакомых до преподавателей... Вот, помнится, с каким невинным видом он передал учительнице её якобы случайно упавшую со стола сумку, предварительно засунув в неё живую серую мышку. И всё это он проделал с непостижимой ловкостью и невозмутимостью буквально за одну секунду. Молодая учительница ласково поблагодарила Вадима, а затем, в конце урока, весь класс громко смеялся над её испуганным криком, когда она попыталась открыть свою сумочку. Да-а, Вадиму за эту проделку тогда здорово досталось...

На фотографии Туманов вначале не разглядел ничего: какие-то прерывистые, размытые линии, чёрные точки, пятна – полная бессмыслица. Но постепенно прерывистые линии, точки и пунктиры стали, как части головоломки, складываться в один общий рисунок. Сердце Туманова быстрее забилось от волнения. Не обращая внимание на ухмылявшегося Дербенёва, он порывисто вскочил с дивана и устремился к письменному столу. Едва усевшись в кресло, включил, стоявшую на столе, лампу и, достав из верхнего ящика лупу, начал внимательно разглядывать фотографию. С минуту он смотрел не отрываясь. Всё правильно. Если верить глазам, на фотографии изображён план развалин какого-то города. Толстые линии по краям похожи на крепостные стены, два круга и один прямоугольник – вероятно, башни и дворец, а остальные пятна и точки могут быть остатками каменных домов знати и богатых горожан...

– Не может быть, не может быть... – бормотал возбуждённый Туманов, не отрывая глаз от странной фотографии.

Его бормотание прервал радостный, довольный донельзя голос Дербенёва.

– Может, может, – поддразнил он Туманова. – Ты не ошибся, это самый настоящий древний город с крепостными стенами, акрополем, храмами, рынками и прочей, полагающейся ему ерундой! – Дербенёв торжествовал, улыбка так и расплылась по его лицу, он был крайне доволен реакцией друга – ещё бы, всё получилось именно так, как он и задумал.

– Нет-нет, подожди, – остановил Туманов своего на редкость подозрительно радостного друга. – Если это не одна из твоих милых шуточек, то всё это может оказаться естественной игрой света и тени, а также особенностями местных геологических структур... Известно, что известняк в сочетании с гранитами боковых вмещающих пород даёт порой такие странные поверхностные конфигурации...

В ответ Дербенёв только отмахнулся:

– Ерунда. Можешь дальше не продолжать. Мы всё перепроверили – это исключено. Не какой это не известняк, не обижай меня, я ведь всё-таки горный инженер и в геологии кое-что понимаю. Да и специалисты наши тоже не лыком шиты, уж известняк от гранита как-нибудь отличат. – Дербенёв широко улыбнулся и стал похожим на объевшегося сметаной большого кота, глаза которого просто лучились от безграничного счастья. – Так вот, с высоты двенадцать километров фотографии получаются идентичные той, что ты держишь в руках. А с малой высоты виден только пустой, заросший кустарником холм. Взгляни вот на вторую фотографию. Нет ни руин, ни остатков крепостных стен. Ничего нет. Должно быть сей древний город полностью похоронен под толстым слоем земли.

Туманов послушно взял вторую фотографию и быстро взглянул на неё. И в самом деле, с выводами Вадима Дмитриевича вполне можно было согласиться – на фотографии не было ни малейшего намёка на остатки древнего города. Впрочем, это ни о чём не говорило: в археологии полностью погребённые под слоем земли древние города и поселения не то что редкость, а скорее наоборот – правило.

Размышления Туманова прервал возбуждённый, нетерпеливый голос Дербенёва, вновь принявшегося ходить взад-вперёд по кабинету.

– Ну, что скажешь? Есть у тебя какие-нибудь мысли по этому поводу?

Туманов взглянул на друга и решил немного потянуть с ответом. «Пусть это будет моей маленькой мстостью за твои вечные розыгрыши, – весело подумал он. – Помучайся теперь ты немного. Да и мне надо немного подумать...»

– Да успокойся ты, Вадим Дмитриевич, – сказал, наконец, Туманов с наигранной весёлостью. – Сейчас мы проверим твою фотографию на моём компьютере и всё выясним. Эта программа, – он достал из нижнего ящика CD-диск и помахал им перед лицом возбуждённого Дербенёва, – позволит нам увидеть существует ли на самом деле твой город. Постой немного спокойно...

Туманов сел в кресло, включил сканер, и через минуту на мониторе компьютера появилось увеличенное изображение первой фотографии. Поколдовав немного над ней, Туманов ввёл ещё несколько цифр, а затем, с сильно бьющимся сердцем, запустил программу. Результат интересовал его ничуть не меньше Дербенёва. Неужели, это и в самом деле древний город?..

– А что делает твоя программа? – прервал размышления Туманова Дербенёв. – Будь любезен, объясни. А то я вижу, ты уже начал забывать о моём присутствии? Не так ли? Сидишь вот и гадаешь: город это или нет? – на его губах заиграла хитрая улыбка. – Да ответь ты, не молчи.

Туманов только вздохнул.

– С помощью этой программы, уважаемый Вадим Дмитриевич, можно по остаткам фундамента, фрагментам стен и просто в беспорядке разбросанных камней и отдельных блоков восстановить внешний вид здания, целого комплекса строений и даже целого города. Правда, для более точного воссоздания нужна целая куча дополнительных данных.

– Постой-ка, но ведь таких данных у тебя касательно нашего случая нет. Или я в чём-то ошибаюсь?

– Конечно, многих данных у меня нет. Поэтому я ввёл только то, что нам известно: место постройки, материал и, предположительно, время...

– Это какое же? – удивлённо переспросил Дербенёв и недоумевающе посмотрел на своего друга. – Как можно определить время постройки по простой фотографии?

– Я взял промежуток с шестого по пятнадцатый век, – терпеливо начал разъяснять Туманов своему другу вполне очевидные вещи. – Разумеется, нашей эры. А в качестве народа-строителя, я выбрал племена банту, они обитали и активно строили в данном районе в то самое время. Да и кое-какие характерные особенности их построек нам уже известны...

– Ну, тебе лучше это знать, ты же у нас историк, – несколько разочарованно протянул Дербенев, всем своим видом показывая, что он не особо верит в это объяснение – нет, ну не может быть всё так просто...

Туманов пропустил это высказывание мимо ушей.

– В общем, если компьютер найдёт на фотографии искусственные постройки, то мы увидим грубый план города, или отдельных его районов.

Словно подводя итог их разговора, громко прозвучал сигнал, оповещающий о том, что компьютер закончил выполнение заданной программы. Туманов и Дербенёв, как по команде, устремили свои взоры на экран компьютера. Увиденное потрясло их – вместо размытых, неясных линий появились чёткие очертания древнего города, а также грубая проекция крепостных стен, нескольких храмов и «фаллических» башен. Целую минуту друзья молча, не отрываясь, разглядывали открывшуюся перед ними картину.

Первым нарушил затянувшееся молчание Туманов.

– Странно, – размышляя вслух, удивлённо пробормотал он, – судя по фотографии, этот неизвестный город просто огромен. Он имеет площадь в несколько раз большую, чем знаменитые развалины Большого Зимбабве... Но это невозможно...

– Ага, поверил, «фома неверующая»! – в голосе Дербенёва зазвучала откровенная радость и неподдельный восторг, и он на несколько секунд из степенного, делового человека вновь превратился в того озорного мальчишку, каким его помнил Туманов.

– Ну, хорошо, хорошо, уел ты меня, Вадим. Уел. Один ноль в твою пользу... А теперь скажи, что же ты собираешься делать со своим городом? – спросил Туманов у своего торжествующего друга.

– Не я, а ты, мой дорогой друг! – Дербенёв громко рассмеялся и добавил сквозь смех: – Не я же археолог у нас.

Туманов удивлёнными глазами посмотрел на своего смеющегося друга и недоумевающе промолчал. Дербенёв, немного успокоившись, положил руку ему на плечо и серьёзным голосом сказал:

– Аркадий, ты уж прости меня, ну не смог я удержаться от небольшого представления. Ты же знаешь, что ты мой самый лучший друг. Можно даже сказать единственный друг. Поверь мне, я вовсе не смеюсь над тобой. Более того, я прилетел в Москву специально для того, чтобы лично пригласить тебя возглавить раскопки найденного нами древнего города. Руководство нашего концерна готово финансировать археологическую экспедицию. Так что за деньги не переживай, я уже обо всём договорился. Признаюсь честно, увидев фотографию этого древнего города, неизвестного современной науке, я сразу же подумал о тебе... Аркадий, я ведь прекрасно знаю, что ты мечтал о таком городе с самого детства... И вот он появился. Реальный, самый, что ни на есть, настоящий древний город. Бери и раскапывай его. Пожалуйста, Аркадий, соглашайся на моё предложение, и это будет твой город – город твоей мечты... Поверь, здесь нет никаких шуток и розыгрышей, я просто очень хочу помочь тебе. Помочь тебе осуществить твою самую заветную мечту. И я искренне рад, что действительно могу это сделать. Поверь, я не смеюсь над тобой, Аркадий, я просто сейчас радуюсь вместе с тобой. Соглашайся, прошу тебя. Я верю, что ты найдёшь там именно то, что так долго и упорно искал.

Туманов был так поражён новостью, что не знал что и ответить. Он некоторое время удивлённо смотрел на серьёзного Вадима Дмитриевича, а затем устало откинулся на спинку

кресла. Все мысли его вертелись вокруг услышанного. Неужели такое возможно? И это после стольких лет ожиданий? Неверие, страх, восторг, сомнение и радость – все эти чувства переполняли его душу, сменяя друг друга непрерывной чередой. Неужели это правда? Неужели сбудется его самая заветная мечта, о которой он мечтал ещё мальчишкой, взхлёб читая рассказы о поисках и раскопках знаменитой Трои – найти «свой затерянный город»? Город, равный шлимановской Трои.

Вадим Дмитриевич прекрасно понимал, что творилось сейчас в душе его друга, какие чувства обуревали его, и поэтому поспешил прийти ему на помощь.

– Аркадий, поверь мне, я не шучу. Я действительно предлагаю тебе возглавить археологическую экспедицию для раскопок этого города. Я приехал в Москву специально к тебе, мой дорогой друг. Ты должен поехать, я верю, что это именно тот город, который ты так долго искал. Которым ты бредил с самого детства. Ещё и меня приглашал искать его... Когда это было? В классе третьем?... Эх, много воды утекло с тех пор... Ты хочешь раскопать «свою Троию», Аркадий? Хочешь поехать со мной?

Тихий, спокойный голос Дербенёва вкупе с дружеской понимающей улыбкой окончательно развеял последние сомнения Аркадия Александровича.

– Конечно. Конечно, я хочу! Я поеду с тобой, Вадим. А где?.. Где именно на карте находится этот самый город? – внезапно, с лёгкой дрожью в голосе, спросил Туманов, выходя из мира воспоминаний и детских грёз.

Дербенёв невольно улыбнулся: уж больно Аркадий Александрович напомнил ему в это мгновение одного мальчишку, которого он знал очень давно...

И Дербенёв был прав в своём невольном сравнении, ибо многие археологи, даже давно покрытые сединой, в душе так и остаются мальчишками, такими вот неисправимыми романтиками, мечтающими отыскать «свою Троию», «свою гробницу Тутанхамона». И пусть многие из них всю свою жизнь раскапывают и изучают одни лишь мелкие невзрачные поселения, где жили, работали и умирали обычные бедные люди, и где вместо золота, серебра и других сокровищ они находят одни лишь обломки незамысловатых орудий, вперемешку с глиняными черепками и костями домашних животных, да прочий бытовой мусор (безусловно, и это важно и необходимо), но мечта, мечта о «своей Трое», о неизвестном науке городе, полном тайн и неисчислимых богатств, живёт в каждом из них до самого последнего момента их жизни. И словно мираж, эта мечта дразнит и манит своей близостью, кажется, осталось ещё совсем немного, ещё чуть-чуть и этот великий, долгожданный день наступит, придёт, наконец. И в ожидании этого великого дня, археолог кропотливо работает день за днём, год за годом, порой уставая и отчаиваясь так, что хочется всё бросить и уйти. И лишь одна, та самая давняя детская мечта, что и привела его в науку, поддерживает его всё это время, не давая сдаться, потерять веру и терпение.

И вот, в результате этой тяжёлой, неустанной работы многих археологов, постепенно тает и рассеивается мрак ушедших в небытие столетий. И перед нами, как наяву, встают картины далёкого прошлого, оживают голоса давно погибших народов, чьи великие деяния, победы и поражения, скорбь и страдания похоронил в забвении беспощадный вихрь времени... Склоним же головы в знак почтения перед всеми археологами мира, что, несмотря ни на что, остаются верными своей профессии и продолжают неустанно трудиться, чтобы дать нам ответы на те вопросы, что оставила нам история, а вернее сама жизнь, такая странная и удивительная. И это не пустой интерес, историю надо знать, чтобы жить дальше. И не совершить ошибок, уже сделанных ранее. Ибо, как сказал один учёный, в нашем будущем нет ничего такого, чего бы уже не было в прошлом...

Разумеется, Вадим Дмитриевич Дербенёв в такие философские дебри не лез, его желание было простым и понятным – он очень хотел сделать приятное другу. Раз уж ему выпала такая возможность.

Продолжая широко улыбаться, Вадим Дмитриевич неторопливой походкой подошёл к одному из книжных шкафов, где он ранее заметил большой географический атлас, достал его и, так же неторопливо, вернулся с ним к столу. Найдя нужную страницу, он взял лежащий рядом с лампой красный карандаш и поставил на карте Ботсваны маленький жирный крестик.

– Это здесь, в триста пятидесяти километрах к югу от Маунга. Само место представляет собой большой холм, который довольно отчётливо выделяется среди гряды низких холмов на севере и юге. Но это ты и так заметил из второго снимка. К западу от холма находится скалистая гряда, а восток представляет собой обширную каменистую равнину, заросшую, как и всё там, кустарником. Какой-то затерянный мир, безлюдный, безводный и никого не интересующий.

Дербенёв замолчал, затем взглянул на Туманова и, предупреждая готовый сорваться с его уст вопрос, торопливо добавил:

– Я посылая запрос в Маунг. Ответ был до безобразия лаконичен и прост – поселений в данном районе нет, и никогда не было, как по официальным данным, так и по местным преданиям. Однако меня всё равно смущает один вопрос: зачем кому-то понадобилось строить город в совершенно безводной пустыне?

Туманов встал и вышел из-за стола.

– На этот твой резонный вопрос, Вадим, – сказал он спокойным голосом, – есть весьма простой ответ: за сотни, а то и за тысячи лет ландшафт вокруг города мог кардинально измениться. Скажем, произошло смещение муссонов, обильно поливавших до этого землю. Реки, озёра и пруды пересохла, и вот, вместо цветущих нив и фруктовых садов, мы видим одну лишь голую пустыню. Таких примеров я могу привести сколь угодно много. Возьми, например, засыпанные песками древние города Средней Азии. Да и вообще, климатические условия порой меняются прямо у нас на глазах, что уж тут говорить о более значительных отрезках времени...

Тут Туманов прервал свою речь, внимательно посмотрел на своего друга и неожиданно спросил:

– Кстати, Вадим, а почему это твой концерн решил вдруг профинансировать археологические раскопки? С чего у него вдруг такой интерес к археологии? Про внезапный приступ филантропии можешь мне даже не рассказывать, не зря про жадность наших олигархов анекдоты ходят...

– Постараюсь, как могу рассеять твои сомнения, – Дербенев, улыбнувшись, громко рассмеялся, – хотя ничего подозрительного здесь нет. Во-первых, давая разрешение на строительство рудников и шахт, правительство Ботсваны обязует иностранные фирмы строить жильё для рабочих, школы, больницы, дороги. В этом вопросе я с правительством Ботсваны полностью солидарен. Пусть иностранцы, организуя своё производство, сделают что-то полезное и для всего народа. Так что, организуя археологическую экспедицию, мы делаем в глазах местной общественности весьма полезное и доброе дело. Это поднимет имидж нашего концерна у руководства страны, в прессе и, как ты сам понимаешь, поможет в дальнейшем с заключением новых договоров. Обычный пиар-ход... Ну, а во-вторых, и это самое главное: мне самому очень интересно, что же это такое мы там нашли. К тому же, чего уж тут скрывать, мне очень хочется сделать тебе подарок, Аркадий. Подарок, о котором ты мечтал всю свою жизнь. Найти и раскопать никому не известный город... И вот у меня случайно появился шанс помочь тебе, как я могу упустить его. Тем более что это мне ничего, ну почти ничего, не стоит. Не забывай, я – член совета директоров концерна «Русский медведь» и высшее лицо компании в Ботсване. Так что, решения там принимаю именно я. И дела там ты будешь вести лично со мной. Вот и всё. Надеюсь, я разрешил все твои сомнения и ты убедился, что в моём предложении нет никакого подвоха?

Аркадий Александрович удовлетворённо кивнул другу.

– Если всё это действительно так, то могу только сказать тебе спасибо. Это действительно чудесный подарок. Нераскопанный город...

Дербенёв довольно улыбнулся, но потом, словно неожиданно вспомнив о чём-то, быстро посмотрел на наручные часы и, чуть нахмурившись, произнёс:

– Ты извини меня, Аркадий, но у меня вечером ещё одна деловая встреча, пропустить которую я, увы, при всём своём желании не могу. А так хотелось просто спокойненько посидеть с тобой. Увы, это всё проклятые издержки высокого поста... Но не будем больше об этом. Раз ты согласен, Аркадий, то давай перейдём ближе к делу. Визы и лицензию на раскопки я организую сам, в Ботсване дам рабочих и машины. Ну и по мелочам там... Помогу и с деньгами на приобретение оборудования здесь, в Москве. В разумных пределах, конечно... Но это я так, шучу, не обращай внимания... Тут я целиком полагаюсь на тебя, так как мало смыслю в том, что именно тебе понадобится для экспедиции. В археологии я не силён...

– Ничего страшного, многого нам и не надо, не переживай об этом, Вадим, – отмахнулся Туманов и задумчиво посмотрел на монитор компьютера, где был изображён грубый план несуществующего (пока несуществующего!) города. – Первый сезон, я думаю, у нас будет чисто разведывательным – нам, прежде всего, нужны реальные доказательства существования города. Это нужно, как ты понимаешь всем: и мне, и тебе. С собой я возьму всего двух-трёх человек. Часть оборудования, я надеюсь, мне удастся добыть в университете. Да, кстати, Вадим, а ты долго ещё пробудешь в Москве?

– Нет, к сожалению, всего несколько дней. Два дня займёт собрание совета директоров, есть несколько деловых встреч и вечеринок, увы, тоже обязательных. Но ты не волнуйся, мы ещё встретимся... Ой, а как у тебя со здоровьем-то? Аркадий, извини, я на радостях совсем выпустил это из вида? Ты ж только из больницы...

Вид у Дербенёва действительно был виноватый, и Туманов воздержался от возможности немного подколоть своего друга. Не стоило оно того, и так вон как переживает...

– Да всё нормально, Вадим, не извиняйся, через три дня я буду совершенно здоров. Врач пообещал выписать меня...

– Вот и отлично! – искренне обрадовался Дербенёв и ловким движением вытащил из кармана пиджака небольшую тонкую пластиковую карточку, которую сразу же протянул Туманову. – Вот, Аркадий, здесь номер ещё одного моего сотового телефона. Если что – сразу звони, не стесняйся. А пока составь список необходимого оборудования и договорись с нужными тебе людьми. Фотографии эти я оставляю тебе, хоть будет что показывать... Да, чуть не забыл, – Вадим слегка хлопнул себя ладонью по лбу и поспешно достал из внутреннего кармана пиджака небольшой белый конверт, – здесь пластиковая карточка с небольшой суммой на закупку необходимого оборудования. Пин-код внутри, трать деньги не задумываясь, я потом дам ещё. Через два дня я снова заеду к тебе и тогда всё окончательно обмозгуем. Уже спокойно, за чашкой чая, как в добрые старые времена. Надеюсь, Любовь Владимировна не прогонит меня шваброй за то, что я похищаю тебя. Шучу, конечно... А сейчас, Аркадий, ещё раз извини, я должен уходить – увы, неформальная встреча в деловых кругах.

Туманов в ответ только махнул рукой – что поделать, издержки профессии. Ничего, они ещё встретятся. Проводив друга, Туманов вернулся в свой кабинет в радостном, возбуждённом состоянии. Мысль о предстоящей экспедиции настолько взбодрила его, что он напрочь забыл и о своём кашле, и высокой температуре. В мечтах он был уже там – в знойной африканской пустыне, где его ждал прекрасный таинственный город. Ох, скорей бы оказаться там...

Машину несколько раз изрядно тряхнуло, и это вернуло Туманова из мира воспоминаний к суровой реальной действительности. Он ещё раз потёр ушибленное место на голове и, посмотрев в боковое зеркало, убедился, что две машины с остальными членами российской археологической экспедиции продолжают исправно двигаться за ними.

Экспедиция продолжала следовать на юг. Они выехали сегодня рано утром из Маунга – небольшого городка на севере Ботсваны. Этот город являлся центром охотничьего племени тавана и был одним из немногих здесь оазисов среди песков и болот дельты Окаванго.

День был в самом разгаре. Огромное африканское солнце палило нещадно, очевидно, решив сразу показать гостям из холодных умеренных широт, что их здесь ожидает. Машины медленно ехали по грунтовой дороге обильно усеянной многочисленными ямами и кочками. Аналогия с дорогами российских глубинок напрашивалась сама собой, с той лишь разницей, что вместо привычных полей и берёзовых рощ, вокруг лежала пустынная, бледно-красная равнина. Взгляду зацепиться было не за что. Лишь кое-где громады баобабов возвышались над зарослями низкорослого кустарника. Из-за полного безветрия, красноватая пыль, поднимаемая машинами, долго висела над дорогой, чёткой линией отмечая только что пройденный экспедицией путь.

Кроме профессора Туманова и шести ботсванских рабочих, включая сюда и Джека, в экспедиции участвовали ещё пять человек. Это Иван Юрьевич Селиванов – старый друг Туманова и участник двух его последних археологических экспедиций. Двое молодых историков – Ирина Турнина и Владимир Астахов; они только в этом году закончили свои университеты. Ирина Турнина к тому же ещё являлась и родной племянницей профессора Туманова – она была дочерью его младшей сестры. И, наконец, двое охранников посланных Вадимом Дмитриевичем Дербенёвым – Юрий Бочаров и Сергей Калинин. Правда, их участие в экспедиции изначально не планировалось.

В прошлом Сергей с Юрием были бойцами рязанского ОМОНа. Но при освобождении захваченной бандитами гостиницы, они оба получили тяжёлые ранения и, по выходу из госпиталя, к своему большому сожалению, были вынуждены оставить любимую службу. В это же время службе безопасности концерна «Русский медведь» как раз требовались крепкие надёжные парни и их, по рекомендации бывшего руководства, с удовольствием приняли на работу. А ещё через шесть месяцев они улетели в Ботсвану, где и проработали больше года. Но местная экзотика и однообразная жизнь быстро наскучила им. Они жаждали опасностей, приключений и когда в Маунг прибыли археологи, они поняли, что это их шанс. Вадим Дмитриевич Дербенёв не смог устоять перед их дружным напором и попросил Туманова взять их с собой. Тот, подумав, согласился, справедливо рассудив, что две пары сильных рук экспедиции не мешают. Так Сергей с Юрием и стали археологами.

Новоявленные археологи были ещё достаточно молоды – двадцать семь им исполнилось три месяца назад. При этом, Юрий был ровно на две недели старше Сергея, что давало ему повод в шутку называть себя старшим братом. Сергей с Юрием были так дружны, что порой казалось, что они и вправду самые настоящие братья.

В отличие от остальных членов экспедиции, Сергей с Юрием были вооружены. Они взяли с собой ножи, которые постоянно висели у них на поясе, и охотничьи карабины с оптическими прицелами. Жаль более привычные для них автоматы Калашникова им взять не разрешили... В пустынной, безлюдной местности их желание иметь под рукой серьёзное оружие было вполне оправданным. Мало ли каких лихих людей там можно встретить, к тому же, нельзя было исключить и нападение диких зверей.

Сами археологи ехали на двух новеньких «вахтовках», а всё оборудование и припасы вёз крытый грузовик с прицепом.

Каждая машина имела по три ведущие моста и лебёдке. Всё это позволяло легко передвигаться по здешнему бездорожью. Мощные кондиционеры, несмотря на жару, поддерживали внутри «вахтовок» и в кабинах у водителей приятную прохладу, а герметично закрывающиеся окна и двери защищали от вездесущей пыли.

Все машины были российского производства. Новые «Уралы» прекрасно зарекомендовали себя в местном климате и концерн «Русский медведь» теперь использовал в Ботсване только их. Вдобавок, это было и одним из проявлений патриотизма или, как это модно сейчас говорить, «импортозамещением».

В первые часы своего путешествия, русские археологи буквально не отходили от окон автомобилей, с интересом разглядывая лежащую вокруг местность, а также животных, птиц и, изредка попадавшиеся, посёлки тсванов.

Современные сборные дома, обычные для Маунга и его промышленных посёлков, по мере продвижения к югу, встречались всё реже и реже, пока не исчезли совсем. Их заменили собой, самые что ни на есть, настоящие глиняные хижины, и теперь, появлявшиеся на пути посёлки-краали всем своим видом почти полностью соответствовали картинам описанными путешественниками, что побывали здесь двести-триста лет тому назад. Казалось, время совсем остановило свой бег в этих местах. И это не было преувеличением.

В самих краалях, как и лет двести тому назад, а может быть и всю тысячу, жило всего несколько семей. Человек двадцать-тридцать.

Постройки в краале представляли собой круглые в основании хижины без окон и навесных дверей, крыша коническая тростниковая и соломенная с большим выносом. Сооружают такую хижину следующим образом. Сначала делают каркас из жердей. Длинные, тонкие жерди закапывают в землю по окружности, вершины их нагибают, переплетают и связывают. На получившийся полусферический остов, поддерживаемый несколькими столбами, накладывают слой травы, связанной пучками. Затем складывают стены из глины, камня, соломы или тростника – в зависимости от того, что имеется в наличии в данной местности и устраивают очаг в центре хижины, а в крыше над ним дымоход.

Эти подробности строительства рассказал всем Иван Юрьевич. Он ехал в машине вместе с Владимиром, Ириной и Сергеем с Юрием и охотно отвечал на все их вопросы, коих надо сказать, набиралось изрядно.

– Да, и ещё, – добавил Иван Юрьевич, показывая на ближайшую к ним хижину, – деревянных построек банту не знали, и до сих пор кровати, столы и стулья нередко заменяются циновками и матами из трав. Но это, как вы понимаете, совсем уж у бедных семей... Теперь обратите внимание на забор рядом с хижинами. Он вовсе не для защиты от людей, как вы подумали. Он призван лишь защищать скот от местных хищников, и сделан из узловатых стволов дерева кагей – дерева на редкость твёрдого, и которое очень трудно распилить на доски. Так что не портите об него свои перочинные ножички – пожалейте добрую сталь. И вообще, пусть вид этих средневековых посёлков вас не смущает. Крааль, до сих пор, является основной формой расселения и низшей административной единицей в Ботсване. Настоящих городов и посёлков городского типа в стране пока ещё очень мало.

Пузатые, толстенькие ребятишки голышом стояли возле дороги и во все глаза смотрели на проезжавшие мимо машины, затем бежали им вслед, что-то весело крича, пока совсем не пропадали в облаке пыли. Взрослых и подростков в краалях было мало. Селиванов объяснил этот факт тем, что с началом сезона дождей женщины переселяются из своих деревень на земельные участки, находящиеся порой за пять, а то и за десятки километров от дома, где-нибудь у колодца или близ редкого в саванне естественного водоёма. Они пахут землю, сеют зерновые, сажают тыкву, дыню. В основном земледелием занимаются женщины, а мужчины пасут скот на пастбищах, тоже весьма удалённых от дома.

– Влажный сезон, – начал пояснять Иван Юрьевич Владимиру и Ирине, – длится в Ботсване четыре месяца, с декабря по март. За это время в основном и выпадают осадки. Сухая земля, щедро политая дождём, быстро оживает, покрывается зеленью, разноцветными цветами... Кстати, о цветах... Смею вас заверить, цветов, всевозможных форм и расцветок, здесь будет превеликое множество, от их неземной красоты просто будет невозможно отвести взгляд... Но что я всё это вам рассказываю? Вы всё это увидите своими глазами. Всему своё время. Когда?.. Ну, в этом году влажный сезон почему-то запаздывает: за всю прошлую неделю не выпало ни капли. Но ничего, дожди всё равно будут – природу не обманешь. – Иван Юрьевич бросил быстрый взгляд на наручные часы. – Шесть часов вечера. Что ж, дождя сегодня, по

всей видимости, уже не будет. Почему спросите вы, я так думаю? Потому что во влажный сезон тучи обычно накапливаются к двум с половиной часам пополудни и разряжаются ливнем, часто с грозой. Дожди обычно не бывают затяжными, за один раз выпадает всего по десять-двадцать миллиметров осадков. Но случаются и мощные ливни, когда количество осадков достигает и трёхсот миллиметров... Однако я надеюсь, что в такой ливень мы с вами не попадём, а то ещё застрянем в каком-нибудь болоте.

Все невольно рассмеялись. Болотами на этой каменистой, сухой земле и не пахло.

– Да, искупаться бы сейчас, смыть дорожную усталость, – мечтательно сказал Владимир, устало потягиваясь.

– Да ты, мой друг, не в ту сторону поехал, тебе надо бы на север, там в местной речушке под названием Окаванга и искупался бы, – шутливо поддержал его Сергей.

Иван Юрьевич на эти слова неприязненно поморщился.

– Не советую я всем вам купаться в этой самой речушке.

– Почему Иван Юрьевич? – в один голос спросили Владимир с Ириной. Один лишь Юрий загадочно улыбался.

– Объясняю. Если вас ненароком не съест крокодил, то вы можете легко стать жертвой другого хищника – крохотного паразита белхасиа, его разносчиком служит один из видов улиток. Белхасиа проникает под кожу человека и разъедает его внутренние органы. Так что советую подумать перед купанием. Тем более что местные жители уверяют, что белые люди для них особенно привлекательны...

– Всё, всё, убедили, Иван Юрьевич – никаких купаний, – бодро ответил за всех Сергей.

– Вот-вот, никаких купаний. И в местные водоёмчики и озёра лучше не лезть, от греха подальше. Это я уже вам не только как друг говорю, но и как ваш непосредственный руководитель. А то вы у меня совсем как дети малые...

– Всё поняли, Иван Юрьевич, в воду больше ни-ни, ни ногой... – шутливо заверил Селиванов Сергей и ножкой так подрыгал, будто убирая её подальше от мифической воды.

Вновь все рассмеялись. А Иван Юрьевич в ответ лишь погрозил пальцем – смотри мол у меня, шутник, дошутишься...

Невысокий, полноватый Иван Юрьевич Селиванов быстро завоевал симпатии членов экспедиции. Весёлый, общительный, он постоянно улыбался и так и сыпал по любому поводу различными шутками-прибаутками, коих у него было превеликое множество. Казалось грусть и уныние ему совершенно неведомы. Катаясь словно колобок на своих маленьких толстеньких ножках, он всегда находился в движении, постоянно размахивая руками. Однако мало кто знал, что, приступая к работе, Иван Юрьевич полностью преображался. Куда исчезали весёлость и порывистые движения, когда он брал в руки кисточку, чтобы очистить от слоя песка и пыли хрупкий глиняный горшочек или сломанную кость. Полная сосредоточенность и сама серьёзность. Тут его точным, уверенным движением мог бы позавидовать даже самый опытный хирург.

В свои сорок четыре года Иван Юрьевич был женат и имел взрослую дочь. Побывал в трёх крупных археологических экспедициях и защитил докторскую диссертацию. Кроме того, он прекрасно разбирался в компьютерах и был известным программистом. Его особенно интересовали вопросы по компьютерной обработке археологических находок. Не секрет, что после раскопок, количество находок обычно исчислялось сотнями, тысячами, а порой и десятками тысяч предметов, и на их обработку уходили порой целые годы напряжённого труда. Целью Ивана Юрьевича было облегчить труд археологов. Ведь с помощью специальных программ, введя в компьютер фотографии предметов, мест их раскопок, данные о весе, материале и прочие данные, коих может быть великое множество, справиться с этой работой можно было

намного быстрее. Более того, часть этой работы можно сделать и во время раскопок, последовательно обрабатывая поступавшие находки и использовать полученные данные опять же непосредственно на месте. Кстати, одной из таких программ и воспользовался профессор Туманов, чтобы реконструировать план города с фотографии Дербенёва. Автором её как раз и являлся Иван Юрьевич.

Собственно программированием Селиванов и занимался последние три года. Он работал в Москве, в дружной компании единомышленников. Но, будучи человеком непоседливым, с кипучим характером, долгая работа в тиши кабинетов раздражала его. Поэтому, когда профессор Туманов, с которым он был знаком более двадцати лет, предложил ему поучаствовать в новой археологической экспедиции, Иван Юрьевич охотно согласился.

Свой мощный компьютер он в грузовик класть побоялся. По договорённости с Вадимом Дмитриевичем Дербенёвым, при первых же находках, компьютер со всеми нужными устройствами ему доставят в лагерь на вертолёт. Сейчас с собой он взял только небольшой походный ноутбук.

Ехавшая вместе с Иваном Юрьевичем молодёжь, веселилась весь день, перебегая от одного окошка к другому, задорно смеясь при этом над многочисленными шутками и анекдотами. Молодые археологи радовались совсем как дети, вырвавшиеся наконец из скучного и привычного дома на долгожданный пикник.

К концу дня, мелькавший за окном ландшафт, стал настолько привычным, что на него перестали обращать внимание. Все сели за небольшой столик, обсуждать и комментировать шахматное сражение, что разыграли Сергей с Юрием – страстные поклонники этой древней интеллектуальной игры. Шахматные фигуры, снабжённые магнитами, прочно держались на доске, не боясь дорожной тряски.

Ботсванские рабочие, принадлежащие к местному племени тсвана, ехали отдельно, в другой «вахтовке». И дело тут было не в пресловутой расовой дискриминации, а в обычном языковом барьере. За исключением Джека, сидевшего за рулём первой вахтовки, никто из них не владел в достаточной степени разговорным английским языком – они прибыли из весьма отдалённых от Маунга деревень, где в ходу было больше местное наречие. К тому же, всем им было не больше двадцати... В любом случае, сейчас молодым ботсванцам отдельно ехать было намного удобнее. И места в машине больше и психологически комфортнее.

Джеку же – высокому мускулисту негру, типичному представителю народности банту – на вид было около тридцати пяти лет. Он прекрасно владел английским языком, а за два года общения с русскими инженерами начал понимать и русскую речь. Помимо этого он знал несколько наречий других племён. Знание языков и местности вокруг Маунга, особенно к югу от него, а также умение водить машину, делало Джека просто незаменимым участником экспедиции. И хотя Джек неохотно говорил о своём прошлом, по его рассказам и отдельным репликам чувствовалось, что он многое повидал в своей жизни. Он легко, без тени смущения, как равный с равными, общался с «белыми», не особо, впрочем, сближаясь с ними. Он всегда сохранял дистанцию. Но в то же время, Джек держался несколько обособленно и от своих более молодых соплеменников.

К тому времени, когда солнце уже готовилось спрятаться за облака, низко висевшими над горизонтом, экспедиция уже встала на свою первую ночёвку. Машины дружно окружили огромный баобаб, одиноко возвышавшийся над плоской, высушенной зноем, равниной.

Услышав долгожданное слово «привал», все поспешили вылезти из машин, размять затёкшие ноги. Владимир Астахов, ловко опередив Сергея, первым протянул руку Ирине, помогая ей спрыгнуть на землю, за что заслужил благодарный взгляд девушки.

Владимир смотрел на Ирину восхищённым взглядом, не выпуская её руку из своей. Так приятно было ощущать в своей руке тонкие, прохладные пальчики девушки. Но ни что не

длится вечно... С трудом разжав пальцы, Владимир выпустил руку девушки и широко улыбнулся.

Если говорить честно, Владимир с первого взгляда влюбился в Ирину. Влюбился как мальчишка. Ирина была красивее всех тех девушек, что когда-либо ему приходилось видеть. Он смотрел на неё и не мог насмотреться. Он многое хотел бы ей сказать, но не мог, не решался. Он почему-то сильно робел в её присутствии, а все нужные слова куда-то вдруг разом пропадали... Нет, в свои двадцать шесть лет Владимир не был законченным «ботаником», полностью чуряющимся женщин. Нет, он встречался со многими девушками и чувствовал себя вполне уверенно в общении с ними. Но Ирина... Ирина была совсем другой, особенной. Взгляд её чистых, невинных синих глаз разил наповал, он просто не мог отвести взгляд от её прекрасного, писанного словно с иконы лица. При виде девушки сердце Владимира само собой вдруг начинало бешено колотиться в груди, готовое вот-вот выпрыгнуть оттуда, а вот душа, словно найдя, наконец, давно потерянную половинку, ликовала и пела. В эти мгновения Владимир птицей-счастья взлетал ввысь на крыльях любви и тут же стремительно падал вниз при одной только мысли, что эта удивительная девушка никогда не полюбит его...

В присутствии Ирины, Владимир старался казаться суровее и решительнее, но перед мягкой, застенчивой улыбкой девушки он устоять не мог, и вся его напускная суровость куда-то вдруг разом пропадала и восхищённый взгляд выдавал упорно скрываемые им чувства. Владимир мысленно ругал себя, но сделать ничего не мог. Увы, он как был, так и остался неисправимым романтиком...

Ирина – высокая и стройная – производила впечатление хрупкой, нежной, беззащитной девушки. И при взгляде на неё у Владимира каждый раз появлялось безудержное желание всячески оберегать и защищать её. В её красоте не было ничего порочного, только чистота и невинность, такую можно было только любить и обожать... Владимиру в Ирине нравилось всё: тонкие черты лица, маленький ротик с жемчужно-белыми зубками, тёплая улыбка, искрящиеся смехом глаза... Глаза... Как раз её глаза нравились ему больше всего. Большие, ярко-синие, окружённые длинными густыми ресницами, они эффектно контрастировали с белоснежной кожей её лица и неизменно приковывали к себе взгляд. В них так и хотелось утонуть...

Длинные, тёмно-каштановые волосы Ирины были умело уложены в высокой причёске и густыми прядями спадали ей на спину и грудь, выгодно подчёркивая её красоту. Серебристая футболка не могла скрыть тонкую талию, а подобранные в тон серые брюки эффектно обтягивали красивые стройные ноги.

Ирина, прижав свою чудом освобождённую руку к груди, посмотрела на Владимира недоумевающим, чуть растерянным взглядом, затем неуверенно улыбнулась в ответ и пошла дальше.

Владимир остался стоять на месте, и некоторое время продолжал смотреть на неё взглядом полным любви и обожания. Затем, словно опомнившись, он быстро опустил глаза, ругая себя за непростительную оплошность, и тут же бросил беспокойный взгляд на своих товарищей – не заметили ли? Но всё было спокойно: все занимались своими делами, и никто не смотрел в его сторону. Владимир ещё не знал, что они давным-давно раскрыли его секрет и, теперь, улыбаясь в душе, старательно подыгрывали ему. Немного успокоившись, он со спокойной душой пошёл помогать остальным разбивать лагерь.

Совместными усилиями археологи быстро установили палатки, разожгли костёр и выгрузили необходимые для ужина продукты. А ещё через сорок минут все дружно приступили к ужину, состоявшему из разогретых мясных консервов, овощного салата, булочек с сыром и крепкого ароматного кофе.

Большой костёр ярко горел, потрескивая сухими ветками, которые, к радости археологов, почти не давали дыма. После ужина, без какой-либо подсказки, вся экспедиция дружно собралась вокруг него. Усталые археологи просто смотрели на огонь и наслаждались долго-

жданнами минутами отдыха и покоя. Всё-таки трястись целый день в кузове грузовика достаточно утомительное занятие...

Горячее кофе взбудрило Владимира, прогнало усталость и сон. Накинув на плечи одеяло, он отошёл подальше от костра и сел на небольшой бугорок. Посмотреть на закат, а заодно и побыть немного в одиночестве.

Величавое, багрово-красное солнце медленно уходило за горизонт. Весь мир, куда не кинь взгляд, был окрашен различными оттенками красного, и от этого казался ещё таинственнее и прекраснее, чем днём. А последние солнечные лучи, с трудом проникнув через разрывы в облаках, лишь добавляли красок, веером скользя по равнине и подсвечивая её как бы изнутри.

Огромное африканское солнце мало походило на то, что освещало маленький, затерянный в просторах Сибири, городок – Белово. Родину Владимира. Здесь оно было куда больше и ярче. И одновременно совсем чужим. Задумчиво глядя на заходившее солнце, Владимир вдруг вспомнил о том, что уже давно не видел свой город, своих родителей и друзей. Как они там?.. Белово... Милый его сердцу город. Родной и близкий. Город, окружённый многочисленными угольными шахтами и разрезами, – один из многих таких в Кузбассе, и где, увы, теперь не встретишь ни чистых рек, полных рыбы, ни вековой тайги, ни медведей, которые, как думают многие москвичи, обязательно должны были быть там. Бродить по вечерним улицам... Владимир грустно улыбнулся: за всю свою жизнь, он так ни разу и не увидел на воле ни одного живого сибирского медведя. Зато он видел как разрезы, добывая уголь, безжалостно уродуют землю, оставляя за собой лишь горы пустой породы и глины, которые, даже будучи засажены облепихой, выглядят также мрачно и безжизненно, как эта выжженная солнцем равнина.

Противный хохот гиен вывел Владимира из задумчивости. Он покрутил головой, но самих гиен нигде не увидел. Очевидно, хитрые животные прятались где-то в кустах неподалёку, где обнаружить их было практически невозможно. Поняв, что на гиен ему поглядеть не удастся, Владимир разочарованно вздохнул и вновь устремил взор к заходящему солнцу. Оно опускалось всё ниже и ниже, и равнина медленно погружалась в темноту. И так же медленно, из глубин памяти начали приходить воспоминания...

Владимир вырос в обычной шахтёрской семье, которых весьма много в Белово. Как, впрочем, и во всём Кузбассе. Край всё-таки шахтёрский... Закончив школу, он, как и многие его одноклассники, попробовал поступить в институт на горный факультет... Увы, неудачно... Весной его призвали на службу в армию. Он попал в зенитно-ракетную часть, базировавшуюся недалеко от Москвы. Возможно, именно это случайное распределение и определило его дальнейшую судьбу. История, загадки и тайны прошлого влекли его с детских лет, и Владимир твёрдо решил, что после окончания службы, он будет поступать в Московский государственный университет. Естественно, на исторический... Забыв про первую неудачу, он упорно занимался все последние месяцы службы, используя для этого каждую свободную минутку.

Его упорство было вознаграждено – он поступил. И с таким же неослабевающим упорством учился. В МГУ Владимир и познакомился с профессором Тумановым, который читал там курс лекций по истории древней Африки. Энергичный, суровый на вид профессор сразу понравился ему, и он не пропустил у него ни одной лекции или дополнительного занятия. Дипломную работу он делал под руководством профессора Туманова и долго не мог поверить своему счастью, когда Аркадий Александрович нашел его в Москве и предложил отправиться вместе с ним в Южную Африку на раскопки таинственного города. Это было похоже на чудо, ибо интересной работы по специальности Владимир в Москве найти не мог. И вдобавок на квартире у Аркадия Александровича он впервые увидел Ирину...

– Ирина... – еле слышно прошептал Владимир и улыбнулся. При звуках этого имени приятная тёплая волна прошла по его телу, вырывая из мира воспоминаний к реальной действительности. Не выдержав соблазна, он чуть повернул голову и тут же, совсем неожиданно

для себя, сразу увидел Ирину. Она неподвижно сидела у костра лицом к нему и отрешённо смотрела на огонь.

Кто-то подложил в костёр новую порцию веток и пламя, резко взметнувшись ввысь, ярко осветило девушку, на краткий миг вырвав её из плена темноты. От неровного света по её лицу пробежали таинственные тени, и Владимиру на какое-то короткое мгновение, показалось, что он видит сейчас не Ирину, а прекрасную молодую жрицу, читающую в пламени костра строки чей-то судьбы. Возможно, даже его собственной...

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, Ирина посмотрела по сторонам ищущим взором. И сразу же увидела сидевшего на небольшом пригорке Владимира – это он смотрел сейчас на неё. Странно, но она почему-то ничуть не удивилась этому... Ирина гордо подняла голову и решительно встретила его взгляд. Она не привыкла отступать.

Ирина глянула прямо в тёмные глаза Владимира и – и как в душу его заглянула, прочитав в них невысказанные слова любви и, одновременно, твёрдую решимость бороться за свою любовь. От такого неожиданного открытия, она удивлённо ахнула, затем, смутившись, поправила рукой причёску и, пряча выступивший на щеках румянец, поспешно отвернулась.

Владимир, естественно, ничего не понял, и такая реакция девушки его немного испугала. Не сделал ли он опять какую-нибудь глупость? Или непоправимую ошибку...

Совершенно неожиданно для всех, и особенно для Владимира с Ириной, в вечерней тишине раздался громкий голос профессора Туманова.

– Так, уважаемые участники экспедиции, предлагаю закончить на этом вечерние посиделки и пойти спать. День был не из лёгких, а завтра нам всем рано вставать. Поэтому прошу всех пройти к своим палаткам.

Ослушаться профессора никто не решился, и все потихоньку начали вставать.

Ирина, воспользовавшись столь удобным предлогом, быстро поднялась и, стараясь не глядеть в сторону Владимира, поспешно юркнула в свою палатку. Как у единственной женщины в экспедиции, у неё была своя, отдельная палатка. «Такая привилегия даёт неплохую возможность хоть изредка побыть одной», – отвлечённо подумала она, укладываясь спать.

Ирина долго не могла заснуть. Ворочалась, пробовала считать «овечек» и «барашков», но сон всё равно не приходил. В конце концов, она сдалась и просто осталась лежать с открытыми глазами, размышляя о своём недавнем открытии. Да, теперь ей стали понятны все эти странные взгляды Владимира и его некоторое смущение в разговорах с ней. А это так удивляло её, ведь, несмотря на мягкие манеры и учтивость, во Владимире с первого взгляда угадывалась большая внутренняя сила, гордость и независимость. Настоящий «скорпион» (Ирина вспомнила, что он родился в начале ноября). Знание того, что в неё кто-то влюблен, чего уж тут скрывать, было весьма приятно. Но, в тоже время, её немного пугала та решимость, что она увидела в глазах Владимира. Такие люди обычно не отступают. Ирина вздохнула и механически поправила съехавшее одеяло.

Не могла она и сказать, что Владимир был безразличен ей. Наоборот, с самой первой же встречи, она почувствовала безотчётную симпатию к нему. И ещё, у неё тогда почему-то вдруг защемило сердце, оно будто почувствовало, что это не простая встреча, из разряда забываемых, а нечто другое. Совсем другое... Ирина закрыла глаза и попыталась вызвать из памяти его образ. И неожиданно для себя самой, она сразу же увидела Владимира. Причём таким, каким он запомнился ей в день их самой первой встречи – высокий, стройный, со спокойным уверенным лицом, коротко подстриженные тёмные волосы, прямой нос и обвораживающий взгляд серо-голубых глаз... Образ получился настолько ярким и чётким, что Ирине показалось, будто Владимир стоит сейчас прямо перед ней. Живой, во плоти. Такого от своей памяти она не ожидала. Значит, Владимир действительно, не на шутку, взволновал её деви-

чью душу... Далёкий вой гиен заставил её вздрогнуть и проверить, плотно ли закрыто входное отверстие палатки. А тем временем нарисованный памятью образ Владимира потускнел и растворился, словно зыбкий мираж.

Ирина давно перестала доверять первому впечатлению. Несчастливая любовь, когда она влюбилась на втором курсе университета, оставила в её душе глубокую, незаживающую рану. Как она была слепа и глупа тогда. Верила его красивым словам, а ему... ему нужно было только одно – затащить её в постель. И вскоре после того, как он добился желаемого, он быстро охладил к ней, а затем, посмеявшись над её чувствами, бросил и навсегда исчез из её жизни. Он оказался самым обыкновенным плейбоем, коллекционером женских сердец. Позже, она долго ни с кем не встречалась и, чтобы забыться, налегла на учёбу. Иногда, правда, она всё же ходила на свиданья, но в постель больше ни с кем не легла. Красивым словам она больше не верила, да, и парня, которого искренне могла бы полюбить, не было среди её знакомых. «Ты ещё молода, доченька, и ещё встретишь свою настоящую любовь. Надо только верить», – часто говорила ей мать, стараясь утешить её. Родители жили дружно, любя и понимая друг друга. Их семейное счастье заставляло верить, что чистая и преданная любовь есть на свете, и ждёт её где-то там, впереди.

– Мне всего двадцать три года и жизнь действительно вся впереди. И пусть всё пока идёт своим чередом – не хотелось бы разочароваться и в Володе, – еле слышно прошептала Ирина и, успокоившись, быстро уснула.

Как-то незаметно в свои права вступила ночь. Небо зажглось миллионами ярких звёзд. Их загадочное мерцание невольно притягивало взор. Владимир, устав сидеть, лёг на траву и, закинув руки за голову, долго смотрел на незнакомые созвездия южного полушария, звёзды которых сверкали словно бриллианты, рассыпанные чьей-то щедрой рукой, по чёрному бархату небосклона. Всё это было зачарованно красиво, и уходить в палатку почему-то совершенно не хотелось, хотелось просто лежать, лежать и не о чём не думать...

Но ничто не длится вечно. Владимира громко окликнул Иван Юрьевич, разом разрушив всё очарование. Владимир неохотно встал и, подбросив несколько веток в затухавший костёр, направился к своей палатке. Устав за долгую дорогу, он быстро провалился в глубокий, без всяких сновидений, сон.

Глава четвёртая

Поднимающееся утреннее солнце застало экспедицию в торопливых сборах. Туманов хотел выехать сегодня пораньше, чтобы к вечеру добраться до нужного им места. Или хотя бы максимально приблизиться к нему, пока погода позволяет. С дождями везде шутки плохи, даже в знойной Африке... Впрочем, за ночь археологи хорошо выспались и отдохнули, за ранним завтраком все только и делали, что смеялись и шутили. Затем дружно погрузили в машины палатки, спальные принадлежности, убрали за собой мусор и тронулись в путь.

Профессор Туманов, как и в предыдущий день, сел в кабину к Джеку, сидевшему за рулём «вахтовки» с русскими археологами, и периодически сверялся с картой. Остальные «Уралы» следовали за ними на некотором расстоянии, дабы дать бледной пыли, поднимаемой после первой машины, немного осесть.

Время от времени дорогу пересекали русла высохших рек, дно которых было сплошь усеяно камнями всевозможных форм и размеров. Приходилось проявлять осторожность, шины у машин тут можно было повредить запросто... После обильных дождей влажного сезона, большая часть этих рек и речушек вновь наполнится водой, давая жизнь животным и растениям по своим берегам. И так будет продолжаться несколько месяцев – до начала следующего сухого сезона, когда все они опять пересохнут. Увы, такова судьба всех рек южной и центральной Калахари, пересыхающих в сухой сезон. Поэтому профессор Туманов был несказанно рад тому обстоятельству, что нынешний влажный сезон немного запаздывал и дождей не было уже целую неделю, потому как переправа через такие речки с крутыми берегами и дном, усыпанным камнями, была бы делом весьма и весьма затруднительным. А так, найдя более пологие склоны, машины легко перебирались на другой берег и ехали дальше.

По мере продвижения к югу, саванна, с возвышавшимися там и сям баобабами, постепенно уступила свои владения пустыне Калахари. Значительная часть Калахари, как утверждают многие учёные, – это опустыненная саванна. И пустыня, как это не печально, продолжает расти, и отчасти в этом повинен сам человек, со своей бездумной хозяйственной деятельностью. Прочитав описания этих мест, оставшихся от путешественников прошлых столетий, можно легко убедиться, что наступление Калахари это не чей-то вымысел, а суровая реальность, и судьба постепенно высыхающих когда-то великих озёр Нгами и Макгадикгади – наглядный тому пример.

Ботсванцы называют Калахари краем «великой жажды». А само название Калахари происходит от слова «карри-карри», что на языке тсвана означает «мучимая жаждой». При этом ботсванцы часто добавляют к названию пустыни слово «кхофу» – «страшная».

После трёх часов движения по заросшей кустарником местности, дорогу машинам преградила большая, насколько хватало глаз, соляная равнина. Эта соляная равнина, несомненно являлась дном некогда высохшего озера. Непривычно голое, лишённое всякой растительности, дно бывшего озера ярко блестело под высоким голубым небом, сливавшимся с горизонтом. Передовой «Урал» остановился, и археологи поспешили выйти из машины, дабы размять немного ноги. Все подошли к краю равнины и замерли в немом восхищении, глядя на ровный, искрящийся под лучами солнца, соляной покров.

Дно бывшего озера напоминало гигантский ледяной каток, каким-то чудом перенесённый сюда из Арктики. И оглушающе громко в этой благоговейной тишине закрипела соль под ногами профессора Туманова, рискнувшего первым ступить на соляную равнину.

Вынужденная остановка была недолгой. Профессор Туманов и Джек, после недолгого обсуждения, быстро пришли к единому мнению о том, куда надо двигаться дальше, и направились обратно к своей машине. Это послужило сигналом для всех остальных, и уже через минуту караван машин двинулся по краю соляной пустыни прямо на восток.

Путь оказался не из лёгких. Ехали то по песчаной плотной кромке вдоль соляной равнины, то, объезжая мелкие, но глубокие овраги, углублялись в заросли кустарника. По совету Джека заезжать на саму соляную равнину избегали – под прочной на вид соляной коркой встречались мягкие места, в которых даже мощные грузовые машины могли легко увязнуть по самые оси. Треск ломаемого «Уралами» плотно переплетённого сухого кустарника порой перебивал шум работающих двигателей. Двигаться в зарослях кустарника приходилось с минимальной скоростью, дабы избежать встреч с многочисленными ямами-ловушками. Естественно, труднее всего приходилось самой первой машине, ведь именно она пробивала путь.

Малая скорость движения и натужный рёв работающих на пределе двигателей выматывали куда больше, чем непрерывная тряска. Все в машинах невольно хранили молчание, крепко держась за спинки соседних сиденьев, лишь изредка чертыхаясь при особо сильных

толчках. И когда около двух часов дня остановились на отдых, люди с нескрываемым облегчением вздохнули.

Владимир, потирая рукой затёкшие и ушибленные места, только позавидовал выносливости профессора Туманова, который, легко спрыгнув с картой на землю, весело подбодрил их. «Железный он, что ли?» – с восхищением подумал он, глядя, как Аркадий Александрович, не отдыхая, обошёл все машины, отдал распоряжение об обеде, а затем пригласил Джека и Ивана Юрьевича на совещание.

Когда подошёл Иван Юрьевич, Туманов быстро развернул крупномасштабную карту и они принялись за обсуждение дальнейшего маршрута. Тот путь, что они первоначально наметили в Маунге, оказался не совсем удачным и теперь нуждался в коррекции. Через несколько секунд к ним присоединился и Джек. Подумав немного, Владимир решил подойти тоже. Он не считал себя большим специалистом в прокладывании пути по картам, но, всё же, читать карты и ориентироваться по ним умел. Встав рядом с Тумановым, он устремил взгляд на карту, которую держал в руке Джек.

– Вот здесь, где соляная равнина вклинивается в заросли кустарника, обозначено сухое русло реки, – чёрный палец Джека указывал на русло древней реки, упирившейся в вершину треугольного выступа на восточном берегу бывшего озера. Вероятно, эта река и наполняла когда-то водой это высохшее озеро, мысленно решил для себя Владимир. Джек подождал, когда все успели посмотреть на карту, и продолжил: – Мы можем проехать вдоль берега этой реки и здесь повернуть на юг. Пересечём три цепочки холмов и попадём в нужное нам место.

– Да, но мы можем пересечь русло реки и проехать по краю соляной равнины дальше, а уж затем свернуть, – возразил Селиванов. – Так мне кажется будет даже короче.

Но Джек отрицательно покачал головой.

– Нет, это только так кажется. Я был в этих местах с группой охотников на сернобыков. И поверьте мне, там очень трудная дорога: скалистая гряда, разбросанные везде обломки скал, камни в траве и, вдобавок, много глубоких оврагов. Не стоит рисковать там. – Джек старался придать своему голосу больше убедительности, но Владимиру показалось, что он, кроме излишнего волнения, уловил и еле заметные нотки мольбы. Джеку по какой-то причине очень хотелось избежать предложенного доктором Селивановым маршрута. Это несколько удивило Владимира: с чего бы это Джеку так беспокоиться о том, какой именно маршрут они выберут? Странно... – Пожалуйста, прислушайтесь к моему совету. Мы чуть удлиним свой путь, но зато точно выгадаем во времени. Я хорошо знаю эти места и уверен, что завтра днём мы уже будем на месте. Поверьте мне, не рискуйте.

Доводы Джека показались Владимиру вполне убедительными. Зачем им лишний риск? Но своё мнение он высказывать не стал, а решил подождать, что скажут его более опытные коллеги. Тем более, что решающее слово всё равно оставалось за ними. Туманов и Селиванов ещё с минуту изучали карту, а затем полностью согласились с маршрутом, предложенным ботсванцем.

– Ну ладно, с делами покончено, теперь можно и пообедать. Пойдёмте, – сказал в заключение Туманов и вместе с Иваном Юрьевичем направился к машине, около которой дружно обедала вся экспедиция.

Проводив их взглядом, Владимир повернул голову и увидел на лице ботсванца торжествующую улыбку, которая мгновенно исчезла, едва только Джек заметил, что на него смотрят. Джек широко улыбнулся Владимиру, блеснув белоснежными зубами, и торопливо пошёл вслед за руководителями экспедиции. Но промелькнувший в его глазах страх не остался незамеченным. Всё увиденное насторожило Владимира, и смутное, бессознательное чувство недоверия к Джеку навсегда поселилось в его душе. «Что-то тут нечисто. Джек явно темнит, надо бы приглядеть немного за ним», – хмуро подумал он, глядя в спину удалявшемуся ботсванцу.

Постояв немного в раздумье, Владимир решил не терять больше времени, и последовать примеру остальных членов экспедиции, уже приступивших к обеду. Ирина приветливо улыбнулась ему и тут же протянула кружку горячего кофе, налитого ею из большого пузатого термоса. Её улыбка мгновенно прогнала у Владимира напряжение и усталость вкупе с тревожными мыслями.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил он Ирину и, лукаво улыбаясь, неожиданно добавил: – Кофе из ваших рук – это целительный бальзам для уставшего путника.

–пей давай, поэт, а то остынет! – бойко ответила ему девушка и весело рассмеялась.

– Что ж, мне остаётся только подчиниться прекрасной даме, – улыбаясь, ответил Владимир и покорно присел на землю.

Усевшись, он поднял глаза и увидел смеющуюся Ирину на фоне солнечного диска. Её прекрасная головка с пышной высокой причёской закрывала собой почти всё солнце, и солнечные лучи образовали вокруг её стройной фигуры сверкающий ореол. Тёмно-каштановые волосы посветлели и начали отливать нежным золотистым цветом. Солнечные лучи, как рентген, просветили её одежду и, словно лишившись вдруг одеяний, девушка предстала перед ним в своей первозданной, божественно-прекрасной наготе. Время и реальность утратили для Владимира всякий смысл, он ничего не слышал и не видел, кроме восхитительного, таинственно-сверкающего обнажённого тела своей богини. Её смех казалось, превратился в искрящиеся снежинки, которые вихрем кружили вокруг неё, а затем медленно падали к её ногам... Владимир зачарованно замер, затаив дыхание. Он во все глаза смотрел на неземной красоты лик богини, что околдовала его. Чувственные губы богини чуть приоткрылись, она что-то шептала ему. Владимир чуть шевельнулся, пытаясь услышать что именно, и в тоже мгновение воздух вокруг внезапно замерцал, утратив прозрачность, рябь невидимых волн, как на потревоженной зеркальной глади тихого пруда, образовала впереди непроницаемую завесу и скрыло за собой волшебное виденье. Затем прошёл ещё один миг, и звуки окружающего мира горным водопадом обрушились на Владимира вместе с солнечными лучами, что били ему прямо в глаза, мешая смотреть. Владимир поспешно моргнул, и прекрасный образ богини мгновенно растаял в воздухе. Но девушка – земное воплощение прекрасной богини – осталась. Она стояла перед ним и смотрела прямо на него...

Владимир поспешно опустил глаза и, избегая больше смотреть на девушку, протянул руку к стоявшему на земле пластмассовому контейнеру. Не особо выбирая, он взял первую попавшуюся булочку с повидлом. Аппетита не было. К тому же, стоявшая жара и не располагала особо к обильному приёму пищи. Владимир медленно ел, запивая булочку сладким кофе, и мечтательно смотрел вдаль, на пустынную равнину. Ирина тихонько подошла к нему и села рядом. Никто не произнёс ни слова. Приятное, волнующее молчание никому не хотелось нарушать.

– Смотри, антилопы, – вдруг, негромко вскрикнул Владимир. Он легонько коснулся руки девушки и указал на круглую пустошь среди зарослей кустарника метров в пятидесяти от них. – Смотри...

На открытое место из кустарника вышли одна за другой шесть антилоп с длинными саблевидными рогами.

– Это ориксы! Я видела их на картинках... Какие же они красивые, – восхищённо промолвила Ирина, любуясь грациозными животными.

Ориксы неподвижно замерли, давая себя рассмотреть. Их большие тёмные глаза настоженно смотрели на людей. Владимир мысленно улыбнулся словам Ирины. Ориксы и в самом деле были очень красивы. Изящная тонкая шея, стройные длинные ноги, легкость и стремительность, застывшие в неподвижности... Витые рога у двух крупных самок достигали длины

больше метра и смотрелись весьма и весьма эффектно, если не сказать грозно. Владимир не обманывался. Это действительно было оружие. Причём, весьма грозное оружие. Известны случаи, когда львы, пытаясь напасть на антилопу орикс, напарывались на её острые рога, как на шпагу. Сложный чёрно-белый узор на мордах и белый живот чётко выделялись на фоне серой равнины. Похоже, ориксов заметили не только Владимир с Ириной, кто-то из археологов неосторожно привстал и звон упавшей металлической тарелки прозвучал тревожным сигналом для осторожных антилоп. Слегка откинув голову с рогами назад, они стремительно бросились бежать, энергично размахивая длинными чёрными хвостами.

После короткого обеда, экспедиция, сохраняя прежний порядок, двинулась дальше. Грунт по-прежнему оставался очень тяжёлым для движения, и увеличения скорости, на которое так надеялись молодые археологи, не произошло. Колёса всё также вязли в песчаном грунте, а двигатели натужно ревели... Один раз передовая машина даже застряла, враз провалившись в песок выше колёсных осей. Самостоятельные попытки выбраться ни к чему не привели – колёса лишь ещё больше зарывались в песок... Только с помощью второй вахтовки и крепкого стального троса её удалось освободить из песчаного плена. Пришлось ехать ещё осторожнее. Однако относительно твёрдые участки старались проходить с максимальной скоростью, чтобы хоть как-то компенсировать потери времени.

Наконец, после трёх часов утомительного движения, вышли к искомому руслу древней реки, что когда-то питала собой озеро. Только вот вид этой самой древней реки нисколько не обрадовал археологов. Ещё бы, ведь её ровные берега сразу круто обрывались вниз метра на три-четыре, превращая её тем самым в самый что ни на есть настоящий противотанковый ров. Только без эскарпов и противотанковых «ежей». Само дно, правда, было сухое, но обильно усеяно острыми камнями и остатками деревьев, которое принесло течение в предыдущие влажные сезоны. Не очень приятная вырисовывалась перспектива...

Все невольно устремили взгляды на Джека. Тот однако нисколько не смутился и весёлым голосом заявил, что всё в порядке, переправляться им тут вовсе и не нужно, как все почему-то дружно подумали. Им надо только немного проехать вдоль русла реки. А там... а там они спокойно переберутся на другой берег и поедут дальше, уже без всяких проблем.

– Верьте мне, – сказал он в заключение археологам и ободряюще улыбнулся. – Осталось совсем немного, дальше будет прямая ровная дорога.

И Джек не обманул их – ехать вдоль берега древней реки оказалось действительно легче. Твёрдые ровные участки на их пути встречались всё чаще и чаще, и машины с повеселевшими археологами резко увеличили скорость. А вскоре, нашлось и удобное место для переправы, о котором толковал им Джек. Склоны тут были пологие, камней на дне практически не было, и машины без всяких проблем благополучно перебрались на другой берег.

А дальше дорога стала ещё лучше.

К вечеру, за час до захода солнца, экспедиция достигла наконец того места, от которого следовало повернуть на юг, к конечной цели их путешествия. До холма, скрывавшего внутри себя остатки загадочного города, оставалось примерно тридцать километров. Дальше решили не ехать, а остановиться и переночевать.

Как награда за тяжёлый и безрадостный путь, окружающая местность вокруг стоянки приятно радовала взгляд. Песчаную почву, насколько хватало глаз, покрывал разноцветный ковёр из множества цветов. Их было много, целое море цветов, всевозможных форм и оттенков. После блёклой, унылой пустыни эти цветы буквально резали глаза своими сочными, яркими красками. Но особенно непривычно было видеть ярко-зелёную листву на колючих ветках кустарников и акаций – кто бы мог подумать, что они тоже могут цвести? Африканская растительность словно извинялась и спешила похвастаться перед усталыми археологами своей самобытной чарующей красотой.

Всё это буйство красок, естественно, возникло не случайно и не вдруг, его породили обильные дожди, прошедшие здесь несколько дней назад. Сейчас почва была сухой – вода сквозь песок быстро ушла вглубь, откуда её теперь достают длинные корни растений.

Именно обильная влага, пролившаяся с небес, позволила семенам и луковицам цветов, которые несколько засушливых лет находились в состоянии покоя, прорасти. Цветов было много, русские археологи едва успевали крутить головой, чтобы успеть рассмотреть их. Ирина насчитала более двадцати видов цветов, и каждый отличался неповторимой красотой. Но наибольшее внимание привлекли ярко-красные цветы «царь Чака». Они ярко взвивались языками пламени среди маргариток «намагуа», звёздных лилий, вереска, золотистых газаний. Незнакомый, приятный аромат витал над цветочной поляной, притягивая и маня. Ирина не удержалась и нарвала небольшой букетик цветов – всего девять разных цветков. Она не стала рвать больше, признавшись Ивану Юрьевичу, что ей просто жалко губить такую красоту.

Иван Юрьевич понимающе кивнул, а стоявшему рядом Владимиру сказал:

– Всё это прекрасно. Но вот нужной мне растительности я что-то здесь не нахожу.

– А что именно вы ищете? – любопытно спросил Владимир.

– Рощу мерулы. Сладкие плоды этого любопытного дерева созревают лишь раз в три-четыре года, когда особенно жарко. Я давно мечтаю попробовать их, а в этом году, как мне сказали, они должны обязательно поспеть.

– Вон оно что... А я уж думал вы ищите дикие арбузы.

– Нет уж, спасибо, – Иван Юрьевич рассмеялся. – Они то мне как раз и даром не нужны. Я как-то по молодости попробовал один такой арбуз – горький и терпкий до невозможности, наш хрен с редькой и то слаще... Люди их не едят, а вот скот и дикие животные в сухое время охотно утоляют ими жажду... Погоди-ка, а это тебе, случайно, не Аркадий Александрович посоветовал попробовать этот самый дикий арбуз?

– Нет, не он. Это Сергей с Юрием. Заявили мне, что он слаще «астраханского». За уши не оттащишь, мол... Вот шутники! – Владимир тоже засмеялся.

Вдоволь налюбовавшись на цветочный рай, все трое отправились помогать разбивать лагерь и готовить ужин.

Через час четырнадцать человек дружно уселись вокруг большого костра. Ужинали молча, наслаждаясь долгожданной тишиной и покоем. Накопившаяся за день усталость постепенно брала своё, и после ужина, многие, расслабившись, стали откровенно клевать носом.

Сергею такая тишина вскоре надоела, и он, подскочив, сказал:

– Нет, так дело не пойдёт. Пойду включу автомагнитоу, если никто не возражает.

Возражений не последовало, и негромкая романтическая музыка вскоре зазвучала в ночной тишине. Сергей открыл в «Урале» обе дверцы, чтобы всем было лучше слышно.

Приятный мужской голос запел о неразделённой любви, о страданиях и горечи после расставания с любимой. Не понимая слов песни, молодые ботсванцы тоже внимательно слушали. Впрочем, слова тут особо были не нужны – грустная мелодия рассказывала обо всём сама.

Следующая песня оказалась знакомой для Владимира и Ирины, сидевших рядышком в нескольких метрах от костра. После первых же аккордов, Ирина не выдержала и призналась Владимиру:

– «Палал снег». Это одна из моих самых любимых песен. Я всегда её включаю, когда мне немного грустно или тоскливо.

Владимир посмотрел Ирине в глаза и, в свою очередь, признался:

– Она мне тоже очень нравится. Кажется, ей очень много лет, наверное, не меньше тридцати.

– Да, это очень старая песня. Я её часто слышала в детстве. Это самая любимая песня моей мамы. Она познакомилась с моим отцом на одной вечеринке. Вечеринка закончилась поздно, и он пошёл провожать её. Они шли пешком по ночному городу, тихо беседовали, и

тогда, как в песне, тоже шёл снег. «Это песня нашей любви», – часто повторяла мне моя мама. – Ирина задумчиво помолчала, а затем добавила тихим голосом: – Я тоже люблю гулять по вечернему городу, когда идёт снег. Ветра нет, и большие пушистые снежинки медленно кружатся в воздухе, тают у тебя на лице, в ладонях... Или тихо, тихо падают невесомым пухом на землю, по которому так приятно идти...

– ...а снег не знал и падал,

а снег не знал и падал,

земля была прекрасна,

прекрасна и чиста...

– проникновенным голосом пел молодой певец.

Владимир, поддавшись порыву чувств, не выдержал и, нежно глядя на девушку, тихо сказал:

– Я был бы безумно счастлив идти по ночному городу... вместе с тобой, Ирина. Ты очень красивая... – он осторожно дотронулся до локтя девушки, провёл по руке кончиками пальцев, затем легко сжал в ладони её тоненькие прохладные пальчики. Ирина не убрала руку, чего внутренне немного опасался Владимир, а лишь повернула к нему своё лицо и подняла глаза. Владимир смотрел в глаза девушки и тонул в них. При неровном свете костра её синие глаза стали тёмно-синими и завораживающе глубокими, словно синь бездонных горных озёр, с мерцающими где-то там, в глубине, загадочными огоньками. И эти огоньки звали и манили его...

– Пожалуйста, ничего не говори больше, – попросила Ирина тихим чарующим голосом и мягко улыбнулась ему. – Давай просто посидим вместе. Так хорошо здесь.

Владимир в знак согласия чуть сильнее сжал её пальчики в своей ладони и осторожно придвинулся к ней. Он боялся сделать лишнее, неверное движение, которое могло бы разрушить ту первую и хрупкую, подобно тонкому утреннему льду, связь, что установилась сейчас между ними. Ещё чуть подвинувшись, Владимир почувствовал волнуемое тепло, исходящее от тела девушки, и ощутил себя невероятно счастливым. А проникновенный голос пел и пел о любви, о той самой любви, о которой ему хотелось говорить и петь самому.

Песни звучали одна за другой, а они всё сидели и слушали их, тесно прижавшись друг к другу. Но любые счастливые мгновения когда-то заканчиваются, диск исчерпал запас своих песен, музыка умолкла, и Ирина, осторожно освободив свою руку, встала.

– Уже поздно, мне пора, Владимир. Спасибо за чудесный вечер. Проводишь до палатки?

– Конечно! – Владимир поспешно встал и они медленными шагами пошли к палаткам, до которых было всего каких-то двадцать шагов. «Лучше бы две сотни, или даже две тысячи», – со вздохом подумал он, и предложил: – Может, немного погуляем, такая чудесная ночь?

– Нет. Спасибо за предложение, но я, правда, очень устала. В другой раз, – улыбнувшись, пообещала Ирина.

Остановившись у входа в свою палатку, она ещё раз мило улыбнулась немного огорчённому Владимиру, и чарующим голосом сказала:

– До завтра, Володя. Спокойной ночи.

Владимир был в нерешительности. Ему очень хотелось обнять и поцеловать девушку, но какое-то шестое чувство подсказывало, что этого делать пока не следует. Подавив в себе это невольное желание, он тоже улыбнулся в ответ.

– Спокойной ночи, Ирина. До завтра, – мягко сказал он, вложив как можно больше чувств в своё пожелание.

Владимир подождал, пока Ирина не скрылась в палатке, а затем, счастливо улыбаясь, медленно пошёл к костру.

К тому времени у костра остались сидеть только профессор Туманов, да Сергей с Юрием – остальные уже ушли спать.

Туманов с Сергеем пили кофе и негромко разговаривали. Юрий сидел возле самого костра и с сосредоточенным видом занимался очень важным делом – поправлял оселком лезвие ножа. Этот нож – подарок друзей из спецотряда – постоянно висел у него на поясе, и он с ним никогда не расставался. Сделав несколько плавных движений оселком, Юрий, прищурив левый глаз, несколько секунд смотрел на лезвие, иногда трогал его пальцем, а затем вновь принимался за работу.

Увидев подошедшего Владимира, Юрий отложил в сторону свой нож и лукаво посмотрел на него. Рожа его аж расплылась в широченной улыбке. Владимир нутром почувствовал какой-то подвох – ох, неспроста ему так улыбаются... И он не ошибся. Юрий хитро подмигнул ему и весело спросил:

– Ну и как наши дела на любовном фронте?

Лицо Владимира так и застыло в каменной маске. Он гневно посмотрел на улыбающегося Юрия и решил проигнорировать вопрос – Туманов-то сидел рядом, а Ирина как-никак была его племянницей. Не вышло... Инициативу Юрия быстро перехватил Сергей. Он стремительно поднялся и, дружески похлопав Владимира по плечу, как бы извиняясь, добавил:

– Да ладно, извини нас друг! Мы-то грешным делом подумали, ты в девушку влюбился – чего тут стесняться? Ирина девушка видная, красивая... А ты, наверное, влюбился в господина профессора или ... – Сергей испуганно округлил глаза, – неужто в меня?

«Вот язва!» – мысленно ругнулся Владимир и улыбнулся. Над незлобной шуткой Сергея все рассмеялись, даже вечно невозмутимый Туманов не смог сдержать улыбки. Когда смех немного затих, он внимательно посмотрел на Владимира и спокойным голосом сказал:

– Не смущайся, Владимир. Запрещать встречаться я вам не буду, да и не хочу. Но смотри: не обидь её зря – Ирина хорошая девушка.

Владимир только облегчённо кивнул – такой тяжёлый камень сняли с души – и со спокойным сердцем сел возле костра. Сергей тут же сел рядом и положил руку ему на плечо.

– Ты, Владимир, не обижайся на нас с Юрием. Мы ведь просто хотели по-дружески поддержать тебя. А то ты ходишь сам не свой... – Сергей обезоруживающе улыбнулся, и у Владимира прошла всякая обида на него. Да и какая могла быть обида, когда он так помог ему благополучно разрешить проблему с профессором. – И не робей ты перед ней. – Продолжал давать советы Сергей. – Ну и что, что красивая? Как любил повторять один мой знакомый: «в любви везёт отчаянным».

– Это точно, – с готовностью поддакнул Юрий. – Только вот не надо следовать совету Серёги буквально, а то ещё наломаешь с дуру дров. Осторожность тут тоже не помешает. Ирина девушка особая, глупых наскоков не потерпит...

Сергей в ответ на критические слова друга только улыбнулся, затем убрал руку с плеча Владимира и, словно пытаясь загладить свою вину перед ним, поспешил перевести разговор на другую, более нейтральную тему.

– Скажите, Аркадий Александрович, а что именно мы будем искать, когда прибудем на место? – обратился он к Туманову.

Туманов на секунду задумался, огладил характерным жестом короткую бороду и, глядя в костёр, ответил:

– Город, Сергей. Древний город. Мы должны найти его и раскопать. Но это задача на будущее. А сейчас мы должны найти бесспорные доказательства существования этого города: остатки крепостных стен, руины храмов, дворцов, надписи...

– Причём, желательно такие, где бы прямо по-русски было бы указано название города, время его возникновения, число жителей и так далее, – с серьёзным видом вставил Владимир. – Найдёте такую, скажите мне – вместе получим Нобелевскую премию. Или ещё какую-нибудь. Неделю пить будем...

Сергей с Юрием дружно рассмеялись.

– Мы с Серёгой найдём, – шутливо пообещал Юрий и обратился уже к Туманову: – Аркадий Александрович, мне вот интересно, а как археологи определяют возраст находок? Если серьёзно, без шуток.

– Ну-у, если серьёзно, – протянул Туманов, улыбаясь, – то по-разному. Но самым распространённым является метод называемый радиоуглеродным. Этот метод основан на том явлении, что всякий животный или растительный организм во время жизни накапливает в своих тканях определённое количество радиоактивного углерода, который постоянно содержится в земной атмосфере. Когда организм погибает, накопленная радиоактивность начинает уменьшаться путём произвольного самоизлучения. Излучение имеет постоянную интенсивность и, зная период полураспада – 5720 лет, можно определить время смерти живого организма или древность каких-то органических остатков. Правда, с известной долей достоверности – плюс, минус 70 лет, если предмет не старше 700 года нашей эры. Ну а дальше, чем древнее, величина ошибки, как вы понимаете, будет только возрастать. Предел этого метода 35-50 тысяч лет.

– Внушительный возраст, – осторожно заметил Юрий.

– Внушительный, – улыбнулся Туманов. – В общем, принцип вы поняли. Так что, если вы найдёте в основании крепостных стен какие-нибудь части от деревянных сооружений или орудий труда, то по ним мы узнаем примерное время их возведения. Чем больше находок – тем больше цифр, а значит, тем более точной получится датировка.

Сергей с Юрием дружно закивали головой – да, они всё поняли.

– Что же касается нашего города, который мы с вами собираемся найти, – продолжил профессор, – то, зная историю Южной Африки, я сразу могу высказать предположение, что он был построен предками банту в средневековье. Ими же, кстати, был построен и другой город, лежащий в нескольких сотнях километров отсюда, – Большой Зимбабве. Про Большой Зимбабве вы, наверное, слышали – этот город имеет всемирную известность.

– Краем уха слышали, – легким кивком подтвердил Сергей, но не очень уверенно.

– Да-да, мы слышали, но только самым-самым краешком, – поправил своего друга Юрий, давая понять, что они практически ничего не знают об этом Большом Зимбабве, несмотря на все уверения Сергея. Он подождал, когда профессор Туманов допьёт своё кофе, и попросил: – Аркадий Александрович, расскажите нам немного о Большом Зимбабве и об истории этих мест. Хотя бы в общих чертах – мы ведь практически ничего не знаем про эти края. Да, собственно говоря, и не интересовались никогда. А сейчас интересно, мы ведь теперь тоже, вроде как археологи, не хотелось бы совсем профанами выглядеть.

Туманов взглянул на свои наручные часы.

– Ну хорошо, время ещё есть. Только не говорите потом, что не выспались, – предупредил он.

– Не будем, – в один голос ответили Сергей с Юрием, и дружно, не сговариваясь, подвинулись ближе к профессору.

– Честно говоря, – начал Туманов с грустной улыбкой, – я и сам, после стольких лет изучения, знаю очень мало. Да и не я один... История Южной Африки и на сегодняшний день изучена недостаточно. Полной картины нет и, думаю, в ближайшее время её и не будет. Достоверно можно утверждать, что бушмены и готтентоты, являющиеся автохонным населением Ботсваны, были оттеснены во внутренние районы Калахари племенами банту более тысячи лет тому назад. Банту пришли сюда с севера – из районов нынешней Замбии и с востока – с территории современного Трансвааля, одной из провинций ЮАР.

Предки тсвана, шона и некоторых других современных народов банту создали культуру Зимбабве, распространённую в междуречье Замбези – Лимпопо. Своё название она получила от архитектурного комплекса Большой Зимбабве, открытого в 1868 году на территории современной Республики Зимбабве. Комплекс состоит из «акрополя», похожего на средневековый замок, на котором находились хижины и столбы с изображением птиц и крокодилов, эллип-

тического строения – со стеной из гранитных блоков, с внутренним коридором и конической башней в северной части и «долины руин» с остатками круглых хижин и остатками каменных стен. Большой Зимбабве особенно знаменит среди прочих подобных памятников банту, которых было открыто ещё несколько сот, из-за огромного масштаба. Его высокие каменные стены и башни, эти ворота в виде арки свидетельствуют о высоком строительном искусстве, могуществе и силе народа-строителя. Хочу указать на размеры эллиптического строения поражающего своей внушительностью и величию. Его длина достигает девяносто метров, а ширина – шестьдесят. Массивные стены достигают десяти метров высоты и шести – толщины.

Жители Большого Зимбабве и других городов банту были ремесленниками, купцами, строителями, воинами. Об этом говорят найденные археологами орудия труда и оружие, искусно сделанные из железа, золотые украшения, лепная керамика, полированная графитом. Сохранились следы террасного земледелия и древние шахты по добыче металлических руд.

На основе культуры Зимбабве, охватывающей время неолита, раннего и развитого железного века, в четырнадцатом веке сложилось раннеклассовое государство банту Мономотапа. Его экономической основой существования являлась добыча железа, меди и золота. Первоначально государство было создано племенем каронга группы шона. Впоследствии, по мере роста, его влияние распространилось на обширные территории от Индийского океана до пустыни Калахари. Во главе государства находился монарх – мвене-мутапа, но родоплеменная знать пользовалась огромным влиянием в политической и религиозной жизни. К сожалению, разрозненные племена так и не слились в единый народ, что и погубило Мономотапа.

Португальцы, захватив в 1589 году Анголу, направили свои дальнейшие усилия на захват Мономотапа, привлекавшего их своими огромными запасами золота. Поэтому многие ценные сведения об этом государстве мы получили из записей и свидетельств португальцев.

Верховные правители Мономотапы долгое время не пускали в свои владения европейцев, справедливо видя в них захватчиков. Но португальцы, продвигаясь по Замбези, смогли возвести в Сене и Тете сильные военные опорные пункты. Это позволило им подогревать сепаратистские настроения в провинциях и усилить влияние на мвене-мутапу, оказывая ему военную поддержку, а, взамен, требуя допустить португальских торговцев и эмиссаров в подвластные ему области. Но главной их целью были, конечно, золотые копи и железные рудники. В конце концов, мвене-мутапа согласился на требования португальцев и предоставил им свободный доступ в свои владения. А за военную помощь против правящей в Большом Зимбабве династии Чангамигре, с которой правители Мономотапы находились во враждебных отношениях, португальцам удалось в 1607 году получить права на владение всеми рудниками государства, где добывалось золото, медь и железная руда.

Зависимость мвене-мутапы от португальцев всё возрастала и возрастала. Эта зависимость сильно тяготила его и, чтобы избавиться от неё, он воспользовался предложением, что португальцы прекратили выплату какой бы то ни было компенсации за рудники, и направил против них свои войска. Однако португальцы, собрав под свои знамёна многих африканцев, недовольных мвене-мутапой, разбили посланную против них карательную армию. Это был конец. Правитель Мономотапы полностью лишился своей власти. Мучительная агония продолжалась до 1693 года, когда государство Мономотапа перестало существовать, уничтоженное племенами розви группы шона в результате междоусобных войн.

Надо также отметить, что кроме добычи железа, меди и золота, значительное развитие в Мономотапе получило земледелие. На востоке Ботсваны, в частности в окрестностях города Канье, до сих пор сохранилась созданная ещё до прихода европейцев довольно сложная ирригационная система – каналы для орошения полей и пруды для водопоя скота.

Мономотапа имела чётко налаженную внутреннюю и внешнюю торговлю. Тщательные исследования показали, что задолго до появления первых европейцев по берегам Индийского океана и реке Замбези существовали торговые пути, по которым поддерживались связи с араб-

скими странами, а через них и с Индией, Персией и даже с Китаем. Арабские купцы, освоившие этот торговый путь, выступали в роли посредников во внешней торговле многих южноафриканских народов. Они привозили хлопчатобумажные ткани, предметы роскоши, причём особо ценились красные бусы из Индии, и даже фарфоровую посуду. Интересующая нас Мономотапа, экспортировала в основном слоновую кость и металлы, всё тоже золото, медь и железо.

Но вернёмся к Большому Зимбабве. Он являлся столицей Мономотапы до второй половины пятнадцатого века. В то время в нём проживало около десяти тысяч человек. Из-за перевыпаса и монокультурного земледелия земли вокруг города истощились и столицу перенесли на пятьсот километров севернее, в долину реки Замбези. Через полстолетия покинутый город и окрестные земли заселили племена розви. И именно отсюда, в 1693 году правитель по имени Чангамир вторгся в Мономотапу и окончательно разгромил его. Розви после 1725 года перестроили здания Большого Зимбабве. Они расширили их и придали тот вид, в каком мы знаем их сейчас. Прошло ещё столетие и завоеватели нгуни, шедшие с юга, разорили город и государство племён розви.

Так что и этих пустынных землях жизнь когда-то кипела и бурлила. Народы Южной Африки имели свою собственную историю и жили не менее напряжённой жизнью, чем народы средневековой Европе. Они создали свою оригинальную культуру, которая ничем не уступала европейской. Надо отметить, что португальцы совсем не питали презрения к государствам Африки, с которыми они впервые столкнулись и торговали. Это позже европейцы придумали миф о дикости и отсталости народов не только Южной, но и всей Африки, да заодно и всего мира, чтобы обосновать свои колониальные захваты. И надеюсь, наш город поможет открыть новую страницу в истории этих мест.

– Это получается, что португальцы уничтожили цветущее государство Мономота... ах да, Мономотапа так же, как испанцы уничтожили государства инков, майя и ацтеков? – переспросил Сергей, не давая передохнуть Туманову.

– Позвольте, я попытаюсь ответить на этот вопрос, – вмешался Владимир. Туманов с удивлением взглянул на него, однако с радостью согласился. Давай, давай, попробуй – было написано у него на лице.

Сергей с Юрием дружно повернулись к новому лектору.

– Аркадий Александрович обрисовал местный исторический процесс в самых общих чертах, – начал Владимир. – На самом деле всё значительно сложнее. В создании культуры Зимбабве приняло участие множество племён, которых условно называют банту. Они построили Большой Зимбабве и множество других городов и поселений, создали мощное государство Мономотапа, которое просуществовало несколько веков, а затем было разгромлено врагами. И кажется, что именно враги – португальцы и прочие африканские племена – были виновником гибели Мономотапы. Всё очень просто, на первый взгляд. Но вот так ли это? Мне кажется, здесь необходимо учесть ещё один очень важный фактор – этногенезис самого народа банту.

Первые каменные сооружения Большого Зимбабве появились с шестого века, а сами строители с четвёртого, а может и чуть раньше. Как они называли сами себя, как называлось их государство, и было ли оно вообще, мы не знаем. Нам известно только то, что племя каранга и его верховный правитель – мвене-мутапа – пришли в Большой Зимбабве в двенадцатом веке, с берегов Замбези, образовав впоследствии государство Мономотапа.

Мне думается, что первые строители Большого Зимбабве были детьми пассионарного толчка первого века нашей эры. Крайние точки этого толчка – Южная Швеция и Аксум. Но если продолжить эту линию на юг, то не встретим ли мы на ней родину предков банту? Если это так, то для строителей Большого Зимбабве двенадцатый век был завершением их жизненного пути как этноса – конец инерционной фазы, или даже обскурация.

Даже если каранги и были представителями того же этноса, что и первые строители Большого Зимбабве, то их государство Мономотапа – регенерация, последняя искра перед неизбежным концом. Яркая, но, увы, недолговечная. Мономотапа, как мне кажется, рухнуло бы и без европейцев в силу своих внутренних причин, как закономерный этап в развитии этноса банту. Португальцы просто ускорили этот процесс, выступив своего рода катализатором. Разве они виноваты в том, что у Мономотапы было столько врагов?

Вполне возможно, что я ошибаюсь, и пассионарный толчок произошёл позже или совсем в другом месте. Но, всё же мне кажется, что банту и их потомки тсваны – это старый этнос. Этим легко можно объяснить, почему тсванам, на территории нынешней Ботсваны, едва удалось отбиться от натиска зулусов, а также их столь слабое сопротивление колонизации. Да, у тсванов не было сильных межплеменных объединений, они не знали военной организации типа зулусской. Власть верховных вождей, даже в группах родственных племён, как у баралонг или батлапинг, была настолько незначительна, что им ни разу не удалось собрать все свои силы для отпора захватчикам. Да, всё это так. Но самое главное заключается в том, что у тсванов не было энергии, не было того внутреннего огня, что был у их предков – строителей Большого Зимбабве – и который давал им силы для борьбы с окружающим миром.

К большому сожалению, мы до сих пор не имеем точных, достоверных сведений о том, что же происходило в Центральной и Южной Африке в первом тысячелетии нашей эры и как, и каким образом протекал этногенез живших там народов.

– Интересное предположение, – заключил Туманов. – Я мог бы, конечно, поспорить с тобою, Владимир, но не буду этого делать. Боюсь, наш с тобою спор будет мало понятен и интересен Сергею с Юрием. Да и потом, поздно уже. Как-нибудь в другой раз.

– А что значит пассионарный толчок? – обратился Сергей к Владимиру. – Должен признаться, я никогда не слышал такого научного термина.

– Я тоже, – добавил Юрий. – А не мешало бы узнать – не хочется выглядеть полным профаном.

Владимир вопросительно посмотрел на Туманова, но тот, хитро улыбаясь, развёл руками – выкручивайся мол сам. Сам заварил кашу – сам и расхлёбывай.

– Хорошо, попробую, – согласился Владимир и уселся поудобнее возле затухающего костра.

Через минуту, глубоко вздохнув, он начал говорить:

– Одним предложением на этот вопрос не ответить. Тут надо рассказать обо всей теории этнических взрывов, созданной и разработанной доктором исторических и географических наук Львом Николаевичем Гумилёвым. Вполне возможно, что вы уже встречали это имя на обложках книг, – Владимир выжидательно посмотрел на Сергея с Юрием, но те отрицательно помотали головой. – Ладно, пойдём дальше. Согласно теории этнических взрывов, любой народ, или лучше сказать этнос, как и человек, рождается, взрослеет, стареет и умирает. Ничто на Земле не является вечным – всё рождается когда-то и всё когда-то умирает. Одни этносы стареют, разрушаются и исчезают, но на смену им приходят другие – более молодые и энергичные. Идёт постоянное обновление жизни.

Пассионарный толчок, если сказать по-научному, – это кратковременная вспышка живого вещества биосферы. В результате появляется пассионарность – рецессивный признак, рассеивающийся только через тысячу пятьсот лет. Географически пассионарный толчок представляет собой линию, полосу шириной около триста километров на поверхности Земли. Эта линия проходит под каким-нибудь углом к меридианам и может достигать длины в несколько тысяч километров. Пассионарность – это своего рода мутация, которая происходит под воздействием какого-то космического излучения. После толчка, на территории затронутой им, появляются, или лучше сказать рождаются, энергичные, инициативные люди – пассионарии. Они

отличаются от своих родителей и даже многих сверстников психологическим складом. Проще говоря, они не могут спокойно сидеть на месте, им надо действовать... Со временем пассионарии, при удачных обстоятельствах, объединяются в консорции, которые вырастают в субэтнос, затем в этнос, и даже суперэтнос. Процесс развития этноса от рождения и до разрушения этнической системы, вследствие неизбежной потери пассионарности его членами, называется этногенезом.

Молодые этносы полны энергии, они создают свои – отличные от других – цивилизации со своей оригинальной культурой, бытом, религией, хотя и перенимают часть знаний и достижений своих родителей. Ведь они рождаются в определённом географическом ареале и в какой-то момент времени. И согласитесь, глупо было бы начинать свой путь с каменных топоров, когда везде давно используются металлические. То же самое и с навыками хозяйствования в родном ландшафте. Что же касается религии, то здесь всё гораздо сложнее. Это может быть борьба старых и новых богов, как у древних греков и викингов, а может и культурная эстафета, как, например, православие в России.

В своём развитии каждый этнос проходит несколько фаз: подъём, перегрев или акматическая фаза, надлом, инерция, обскурация, регенерация и гомеостаз. Последние две фазы необязательны – так как до них доживают не все этносы. То есть, говоря физическим языком: пассионарный толчок – это вспышка энергии, расширение её в пространстве, затем инерция и затухание, а в пределе равновесие с окружающей средой.

На определённом этапе жизни этносы создают государства, которые переживают периоды роста, могущества и упадка. И гибнут с разрушением этнических связей внутри этноса их создавшего. Так погибли великие державы древности: Египет, Ассирия, Вавилонское царство, Персия, Рим. Они исчезли в волнах времени, а вместе с ними исчезли и этносы создавшие их. Как, спросите вы: ведь Египет существует и поныне? Да, это так. Египет есть, но это только территория с таким же названием. А от Древнего Египта остался только Нил да пирамиды, как осколки былого величия. А самого этноса, который их построил, молился в храмах Ра и Амона, давно уже нет, он исчез ещё до прихода туда арабов. И современные египтяне не сопоставимы с древними египтянами, так же как итальянцы с италиками Древнего Рима. Это совершенно другие народы со своей культурной традицией, религией, языком и даже с другими антропологическими признаками.

После разрушения этноса, люди его составлявшие не обязательно поголовно уничтожаются физически победителями их дряхлых государств. Хотя, конечно, бывает и такое. Они могут включиться в развитие другого, более молодого этноса. Сам же этнос умирает с потерей этнической памяти, когда люди забывают о том, кто они. Потомки шумеров до сих пор живут между Тигром и Евфратом, но никто из современных иранцев или иракцев себя к ним не причисляет. Нет и в России больше полян, древлян, кривичей, вятичей, хотя генетически все мы: русские, украинцы, белорусы их прямые потомки.

Повторю – пассионарный толчок – это условие, без которого не возник бы ни один этнос, как ныне живущий, так и древний от которого даже имени не сохранилось. Однако пассионарные толчки – это редкость. За тысячу лет их бывает немного – два-три. Они проходят время от времени по всей поверхности Земли, но никогда не дублируют друг друга точно. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту пассионарных толчков Евразии и Северной Африки.

Я объяснил, конечно, может быть несколько спутано и не совсем понятно, но, право, мне трудно в нескольких словах изложить вам всю теорию этнических взрывов Льва Николаевича Гумилёва, тем более без конкретных примеров из истории, поясняющих каждую мысль или утверждение. Поэтому, если вас заинтересовала данная теория, то советую обратиться к пер-

воисточнику – к книгам Льва Николаевича Гумилёва. В них вы найдёте ответы на большинство вопросов, которые у вас возникли.

И ещё: почему так важно отличать молодой и старый этносы? Сравните. Кто физически сильнее: двадцатилетний юноша или восьмидесятилетний старик? А у кого больше жизненного опыта, знаний и материальных ценностей? Понятно, что юноша сильнее старика, но зато тот богаче и мудрее. Поэтому старые этносы подобно старикам кичливы и заносчивы, хотя и справедливо гордятся накопленными за долгие века знаниями и культурой, как, например, Западная Европа, которая гордо именуется себя «цивилизованным миром» и высокомерно, с нескрываемым презрением, смотрит на окружающие её народы. Но она предпочитает забывать, что больше тысячи лет назад в ней жили грязные, неумытые «германцы» и «франки», которых научили мыться в бане культурные в то время мавры. А уж про науку, искусство и говорить нечего – не было ничего этого! Вспомним Древний Рим. С какой яростью и отвагой сражались римляне, когда были «молодыми». Вторая Пуническая война оказалась для них не менее трагичной, чем для нас Великая Отечественная война 1941-1945 годов. После страшного сражения при Каннах римляне потеряли семьдесят тысяч воинов! Треть всего боеспособного населения Италии! Но они не дрогнули, не сдались и продолжили борьбу. Можно только склонить голову перед величием и мужеством римлян! Они выстояли и победили! И стали великим народом! Но что с ними стало через полтысячи лет? Вандалы беспрепятственно, даже без штурма, взяли и разрушили Рим – Вечный город, как гордо именовали его римляне. Но почему?! Почему римляне не сражались? Почему не вышли защищать стены родного города? Куда делось их мужество и отвага? Где была их прославленная и непобедимая армия? Увы, римляне стали стары, и из храбрых воинов превратились в тихих обывателей, даже не способных защитить самих себя. Но и их нельзя в этом винить – ведь нельзя же обвинить восьмидесятилетнего старика в том, что он не занимается боксом и карате, и не может дать отпор юному хулигану. Старение процесс природный и, как и у человека, его нельзя замедлить и остановить. Помочь может только новый пассионарный толчок, который даст энергию и силы для дальнейшей жизни.

Помните, отсталых и неполноценных народов нет! Есть старые и молодые народы, у которых расцвет культуры ещё только впереди. Хотя, конечно, у каждого народа, как и каждого человека, своя судьба. Свои победы и поражения, взлёты и падения... – Владимир устало махнул рукой и замолчал. Длинный рассказ утомил его, в горле пересохло, и он одним глотком проглотил остатки кофе в своей кружке.

Туманов, глядя на него, довольно улыбнулся.

– Неплохая лекция, Владимир, – похвалил он. – Очень даже неплохая. А заодно ты, Владимир, побывал, хоть и ненадолго, в шкуре преподавателя, которому порой приходится ох как не легко. Студенты-то они ведь тоже разные бывают. Попробуй-ка достучись до их сознания, да ещё и вложи в их голову какую-нибудь разумную мысль...

Владимир понимающе кивнул и перевёл взгляд на двух юных «археологов», которым он, собственно, всё и рассказывал.

Сергей с Юрием, как студенты, впервые попавшие на лекцию по незнакомому им предмету, задумчиво молчали, отчаянно переваривая услышанное.

– Да... – протянул Юрий, отвечая на невысказанный вопрос Владимира, – как говорил один мой хороший товарищ: «без пол-литра тут не разберёшься». Хотя про молодость и старость народов мне понятно.

С минуту стояла полная тишина – слышно было только, как потрескивали ветки в костре. Но затем очередной вопрос задал Сергей, вновь обратившись к Владимиру.

– Если я правильно понял, то Западная Европа довольно стара и её в скором времени ждёт гибель, как и Римскую империю?

– Да, всё правильно, Западная Европа стара. Ей около тысячи двухсот лет. Она дитя пассионарного толчка восьмого века нашей эры, который породил современных немцев, французов, испанцев, датчан и знаменитых викингов. При благоприятных условиях этнос может прожить тысячу двести – тысячу пятьсот лет, а затем, в идеале, перейти в гомеостаз. Что же касается Европы, то о её гибели говорить пока рано, но она вскоре вступит, а скорее всего, уже вступила, в фазу обскурации, которую можно небезосновательно назвать фазой «подлости и предательства». В общем, эта фаза принесёт Европе беды и потрясения не меньшие, чем у нас в России. Чего-чего, а подлости нынешним европейцам не занимать... Как вспомнишь как они цинично обвиняли Россию в геноциде чеченцев и в упор не замечали массовых убийств русских в той же Чечне, аж зубы сводит... Мерзавцы! Этот Совет Европы, так называемый ОБСЕ, можно было смело обозвать тогда «Советом подонков»... А сейчас как идиоты носятся с защитой прав геев и лесбиянок... Тьфу, мерзость одна... Ладно, бог с ними... Европа переживает сейчас благодатную пору – «золотую осень», за которой, увы, неизбежно последует лютая и суровая зима. Я не хочу оказаться пророком несчастья, но законов природы ещё никто не отменял. Правда, кто знает, может быть, недавно через Европу прошёл новый пассионарный толчок и вскоре там появятся новые, неизвестные нам народы, за которыми будет будущее. Но в любом случае, европейцев ждёт весьма беспокойная пора. Начавшаяся массовая миграция африканских и ближневосточных мусульман это только цветочки. И неизвестно какими будут ягодки. Но вряд ли вкусными и сладкими...

– А Россия? Что ждёт Россию? – в один голос спросили Сергей с Юрием. Они не скрывали своего интереса. Ведь если судьба Европы интересовала их постольку-постольку, то вот судьба России волновала их куда больше.

– А что Россия? – немного передразнивая их, переспросил Владимир. – Россия молода – ей только семьсот лет. Её официальным днём рождения можно смело назвать 8 сентября 1380 года, когда на Куликовом поле юная Московская Русь громогласно заявила о себе всему миру. Россия проходит сейчас страшную фазу надлома, а затем вступит, или уже вступила в инерционную фазу, которая, как я надеюсь, принесёт ей долгожданный покой, а также расцвет культуры, экономики, науки и искусства. Я твёрдо верю в великое будущее России!

Едва Владимир закончил, как в разговор вступил профессор Туманов. Он заговорил хорошо поставленным голосом, чётко выговаривая каждое слово.

– Минутку внимания. Хочу сразу предупредить вас, друзья мои: не следует понимать буквально слова Владимира о том, что фаза надлома страшна и ужасна, а инерционная – благодатна и спокойна. Нельзя подходить к сменам фаз этногенезиса с такими понятиями, как: хороший, плохой, жестокий или добрый. Они просто есть и будут, хотим мы этого или не хотим. И не думайте, что если Россия вступит в инерционную фазу, то её ждёт, сама по себе, чудесная пора благоденствия и процветания. Нет, историю творят люди и от их воли и деяний зависит, как этнос проживёт свою жизнь. Ведь, как известно, каждый человек проходит через детство, отрочество, зрелость, старость, но судьбы-то всё равно у всех разные. – Туманов сделал небольшую паузу и обвёл слушателей взглядом. – Я тоже верю в великое будущее России, но для этого россиянам придётся немало потрудиться. Ничто не даётся просто так!

– Да, без труда – не выловишь и рыбку из пруда, – философски заметил Сергей. – Хотя порой так хочется, чтобы всё было немножко наоборот – раз, и россиянам сразу стало легче жить...

В ответ все только улыбнулись. Хотя, действительно жаль...

– Интересно, если я правильно всё понял, то американцы... ну, граждане США – это самый молодой этнос, раз их государству чуть больше двухсот лет? – спросил Юрий.

– Нет, нет, – ответил Владимир, отрицательно покачивая головой. – Американцы – ровесники европейцев, и, следовательно, США разделит судьбу Европы. Поясню, американский народ состоит из иммигрантов – потомков тех же европейцев. Правда, у американцев уровень

пассионарного напряжения выше, чем в Европе, потому что в Америку уезжали прежде всего наиболее смелые, энергичные и предприимчивые люди, но возраст этноса всё равно остаётся таким же.

Туманов кивнул в знак согласия Владимиру и добавил:

– Всё правильно, хочу только заметить, что этнос и, созданное им, государство – понятия не равноценные, более того, они могут иметь разные точки отсчёта. В зависимости от конкретных исторических условий этнос создаёт своё государство при первых же благоприятных условиях. И этот момент может оказаться в любой фазе этногенезиса... – Тут он бросил взгляд на свои наручные часы и удивлённо воскликнул: – Ого! Ох, и заговорились же мы, однако! Так, на сегодня всё, друзья мои! Всем спать, у нас ещё будет время поговорить на эту тему!

Через пять минут все уже лежали в своих палатках – с Тумановым спорить никто не стал, тем более что разговор можно будет продолжить и завтра, во время движения. В той же «вахтовке», например...

Сам же Туманов долго не мог заснуть, гадая, как сложится завтрашний день. Существует ли таинственный город на самом деле? Или это только мираж? Желание, выдаваемое им за реальность... Его мысли кружились вокруг таинственного города, как потревоженные пчёлы вокруг улья. Но, наконец, усталость взяла своё, и он уснул, чтобы там, во сне, очутиться в искомом древнем городе, неторопливо пройтись по его шумным улицам, полных жителей в ярких цветастых одеждах, оценить красоту многочисленных храмов и насладиться великолепием дворца правителя, окружённого благоухающим садом с кучей дивных растений. Древний город был так прекрасен, что старый профессор счастливо заулыбался во сне, сбросив на короткое время груз дневных забот и тяжких сомнений...

Глава пятая

К одиннадцати часам утра до таинственного города оставались считанные километры. Археологи с нетерпением ждали окончания своего путешествия. Всем очень хотелось поскорее увидеть тот заветный холм, под которым должен скрываться неизвестный науке древний город.

Преграждая экспедиции путь, с запада на восток, насколько хватало глаз, выросла целая цепочка холмов, густо покрытых зарослями кустарника. Высота холмов была относительно невелика, но вот их склоны отличались местами довольно приличной крутизной. Нечего было даже и думать преодолеть их на машинах...

При виде новой преграды Туманов недовольно поморщился, но Джек уверенно, не снижая скорости, повернул машину к одному из холмов. Затем смело нырнул в просвет между зарослями кустарника. Прошло несколько минут и вот их машина уже возле подножия холма, который отличался от остальных своим более крупным размером и, что гораздо более важно, своим весьма пологим склоном.

Дождавшись остальных, Джек с заговорщицким видом подмигнул профессору и смело направил свою машину прямо в гору, к самой вершине.

К вящей радости Туманова ничего страшного не случилось. Недовольно ворча двигателями, все машины успешно преодолели подъём и остановились на самой вершине холма.

Джек не ошибся в своих расчётах и привёл экспедицию точно к огромному плоскому холму, что был на снимках Дербенёва. Доставать фотографии, чтобы убедиться что это действительно так, не стали. Нет смысла, их все прекрасно помнили и так. И вскоре каждый археолог без особого труда нашёл к западу от холма приметную скалистую гряду, а на востоке – голую плоскую равнину, с едва заметной чахлой растительностью. Сомнений больше не было. Древний город, если он действительно существует, покоится здесь, в глубинах этого огромного холма. Но сколько не вглядывались археологи под ноги, они не находили ни малейших признаков его существования. Равно как и следов былой деятельности человека.

Осмотр холма в бинокль тоже ничего не дал.

– Нет ни малейших следов, – разочарованно произнесла Ирина, передавая бинокль Владимиру.

Профессор Туманов бинокль брать не стал, но холм осмотрел весьма внимательно. Он тоже ничего не нашёл, но не стал предаваться унынию и, желая немного приободрить остальных, спокойным голосом сказал:

– Друзья мои, расстраиваться пока рано, ведь Вадим Дмитриевич сразу предупредил нас, что мы ничего не увидим. К тому же, вы сами видели фотографии и могли лично убедиться, что на поверхности ничего нет. Поэтому сейчас мы быстренько садимся в машины и пересекаем холм. Спустившись, двигаемся прямо к скалам. Там, найдя подходящее место, разобьём лагерь и займёмся его обустройством – это наша главная задача на сегодня. Да, и пожалуй, на завтра тоже...

Туманов хотел уже было идти к машине, но взглянув на хмурые, расстроенные лица молодых археологов, которых такая перспектива не очень обрадовала, остановился. Он слегка качнул головой и, улыбнувшись себе в усы, более веселым голосом добавил:

– Однако думаю, что двое из нас смогут обследовать склоны холма уже сегодня. Много времени это не займёт, а польза глядишь и будет... Взгляните, – он указал рукой на тёмные полосы, отчётливо выделявшиеся на пыльно-сером фоне холма. – Дождевые потоки, год за годом сбегая по склону с его вершины, промыли глубокие овраги. Возможно, они есть и на другой стороне... Осмотрим их, и кто знает, может быть, мы уже сегодня найдём доказательства существования здесь города.

Лица молодых археологов враз посветлели – поиски города это совсем другое дело, вдруг удача и вправду будет сегодня на их стороне...

Туманов с Иваном Юрьевичем, пряча улыбки, только весело переглянулись. А затем дружно скомандовали:

– Так, быстро по машинам. Дел у нас много, а время не ждёт.

Через тридцать минут передовая «вахтовка» остановилась около двух оврагов у самого подножия холма. Владимир с Иваном Юрьевичем быстро спрыгнули на сухую землю и сразу же, не теряя ни секунды, поспешили отбежать от машин подальше. Но как они не торопились, едкая пыль, поднятая колёсами машин, успела-таки попасть им в нос и горло.

Немного откашлявшись, они проводили недобрым взглядом последний грузовик, доставивший им больше всего проблем, и, тут же позабыв обо всём, принялись с интересом обшаривать взглядами склон холма. Ну да, бинокль биноклем, а своими глазами смотреть было куда интересней, больше шансов что-нибудь обнаружить... Однако, им хватило и двух минут, чтобы понять, что здесь нет ничего интересного. Только голый склон покрытый клочками чахлой травы да небольшими островками сухого низкорослого кустарника. Вся надежда оставалась теперь только на те два оврага, на которые и указал первоначально Аркадий Александрович.

Искомые овраги начинались шагах в тридцати левее по склону. Дойдя до них, Иван Юрьевич остановился и повернулся к Владимиру.

– Ну что, два оврага – и нас двое. Берём каждый по одному и поднимаемся наверх. Что искать, ты и без меня знаешь, – сказал он рассудительно и, не дожидаясь ответа, направился к ближайшему из них. Через несколько шагов он остановился и шутливо попросил: – Если найдёшь что-нибудь интересное, не молчи, кричи...

Нетерпение Ивана Юрьевича передалось и Владимиру, и он, не теряя времени, последовал его примеру. Его овраг оказался глубоким и широким и, на удивление, лёгким для подъёма. Его склоны почти целиком состояли из буроватой земли, в которой лишь изредка попадались вкрапления мелких камней. Владимир, оставшись в одиночестве, вдруг почувствовал

себя настоящим кладоискателем и азартно осматривал всё вокруг, не забывая при этом поглядывать и под ноги – вернуться в лагерь с разбитым носом и коленками не самая лучшая перспектива, насмешек потом не оберёшься...

Пройдя несколько десятков метров вверх по склону, он внезапно остановился и присел на корточки. Преграждая дальнейший путь, овраг пересекали от стены до стены две каменные ступеньки. Сетка мелких трещин густо покрывала камень, казавшийся единым целым. Однако, подойдя ближе, Владимир увидел, что ступеньки не цельные, а сложены из нескольких блоков. Несущаяся сверху вода смыла землю и сделала хорошо заметными стыки между каменными блоками, ровные края которых наводили на мысль об искусственном происхождении и одновременно о тщательной подгонке друг к другу. Сердце Владимира учащённо забилося и он, не в силах сдержать свою радость, громко закричал, зовя Ивана Юрьевича...

Иван Юрьевич, что-то весело напевая, легко спрыгнул в овраг, но, увидев за спиной Владимира каменные ступеньки, тут же поражённо замолчал. Брови его немедленно взлетели вверх, а глаза вспыхнули радостным огнём. Поразительное преобразование... Забыв про Владимира и про свой вопрос к нему, Иван Юрьевич быстро прошёл мимо него прямо к ступенькам. Потом, опустившись на колени, он сначала внимательно осмотрел, а затем буквально ощупал каждый сантиметр их каменной поверхности. На этом, однако, он не успокоился. Взяв в руки острый камень, отколовшийся от первой, самой нижней ступеньки, он начал копать у её основания, пытаясь определить на какую же глубину она уходит. Пять минут спустя он резко прервал раскопки и посмотрел на Владимира, который молча помогал ему.

– Разрази меня гром, если это не остатки крепостных стен или фундамента крупного здания, – в радостном возбуждении воскликнул Иван Юрьевич. – Все каменные блоки имеют одинаковый размер: что-то около ста двадцати сантиметров в длину и около шестидесяти – в высоту. Ширина «ступеньки» тоже примерно шестидесять сантиметров... И знаешь, мне кажется, что на ней лежал точно такой же блок...

– Конечно, лежал, – поддержал Ивана Юрьевича Владимир. – Он просто должен был там лежать. Ведь не думаете же вы, что кто-то стал бы строить лестницу с высотой ступенек более полуметра? Может быть и эффектно, но глупо. Она годилась бы только для великанов вроде нашего «дяди Стёпы» и ему подобных... Нет, нет, это определённо остатки крепостных стен... Я готов поклясться на чём угодно, что всё это творение рук человеческих, а не случайное нагромождение камней.

– Тут я с тобой совершенно согласен, – задумчиво протянул Иван Юрьевич. – Под нижней «ступенькой» мы раскопали ещё один блок, и если его высота тоже шестьдесят сантиметров, как у остальных, то высота стены уже приближается к двум метрам...

– А её ширина – как минимум, полтора, – закончил его мысль Владимир и восторженно воскликнул: – Просто не верится – первый день и такая удача!

– Смотри не сглазь! – быстро ответил Иван Юрьевич и шутливо погрозил ему пальцем. Затем, вновь став серьёзным, предложил: – Ладно, давай посмотрим, что у нас там выше, а затем направимся в лагерь и сообщим о нашей находке Аркадию Александровичу. То-то он обрадуется!

После этих слов, Иван Юрьевич бросил последний взгляд на каменные блоки и ловко выбрался из оврага.

Через полчаса, ничего больше не найдя (что, впрочем, их не сильно и огорчило), они благополучно вышли на сравнительно плоскую, в крупных и мелких бугорках, вершину холма. Там немного передохнув, они не спеша направились по следам машин к скалистой гряде, которая становилась всё выше и выше по мере приближения к ней.

Скалы словно выросли из земли и представляли собой сплошную стену, круто взлетающую на высоту до ста пятидесяти метров. Множество выступов и глубоких трещин свидетель-

ствовали о древности скал и, одновременно, повествовали об их упорной, но, увы, безнадёжной борьбе с ветром, дождём, холодом и зноем.

У подножия гряды росли невысокие деревья с густой тёмно-зелёной листвой, а относительно ровное пятисотметровое пространство между ней и холмом, что скрывал в своих недрах древний город, было покрыто редким кустарником и островками невысокой травы. Яркие цветы, растущие среди зелёной травы, делали эти островки похожими на гигантские цветочные клумбы, топтать и портить которые совершенно не хотелось... Владимир удовлетворённо отметил, что караван машин, продвигаясь к скалистой гряде, аккуратно объехал все встретившиеся ему на пути зелёные островки.

Обилие растительности заставляло предположить, что где-то поблизости есть источник воды, который и даёт жизнь местной флоре. Но пока его нигде не было видно. Отдельные деревья, проявив чудеса ловкости, росли почти у самых вершин скал, цепко вцепившись корнями в глубокие трещины. Их зелёная крона особенно чётко выделялась на фоне красно-бурых скал, и можно было только позавидовать жизненной силе этих деревьев, выживших и процветавших в этом негостеприимном краю.

– Как здесь красиво... – восхищённо произнёс Владимир. – Эти красные скалы кажутся невесомыми... они словно парят в воздухе, возвышаясь над зелёным океаном растительности...

Иван Юрьевич только кивнул в ответ на этот поэтический пассаж, а для себя механически отметил, что красный цвет скал, так восхитивший Владимира, скорее всего, свидетельствует о наличии в них многочисленных окислов железа, и тут же предположил, что они сложены из красного песчаника. Чуть позднее, он убедится, что не ошибся в своём первоначальном предположении.

В лагере, разбитом под акациями (хоть какое-то спасение от изнуряющей жары) царили суеда и беспорядок. Десятки выгруженных с машин коробок грудой лежали на земле. Спрятанные в небольшом углублении в скале бочки с водой ярко блестели под солнечными лучами, непонятно каким образом, проникавших через густую листву росших у входа всё тех же акаций. Пять палаток, в два ряда, однако, уже стояли на небольшой полянке, а личные вещи археологов, в баулах и рюкзаках, громоздились в двух больших кучах между ними.

Когда Владимир и Иван Юрьевич вошли в лагерь, ботсванцы под руководством Туманова как раз заканчивали разгружать прицеп грузовика, а Сергей, Юрий и Ирина, освободившие от вещей вахтовки, теперь устанавливали переносную газовую печь.

К удивлению Владимира, Аркадий Александрович выслушал их приятную весть с наружным спокойствием.

– Молодцы! – похвалил он их. – Просто молодцы! Позже мы осмотрим все овраги на склонах холма, а затем решим, где начнём копать первую разведывательную траншею. Ну, а теперь, друзья мои, помогите остальным закончить с оборудованием лагеря.

Обустройство лагеря отняло много времени и сил. Тем не менее, к вечеру, от беспорядка не осталось и следа – оборудование, продукты питания, запасы воды и всё прочее теперь лежало на своих законных местах, а смертельно уставшие члены экспедиции смогли, наконец, собраться у костра, чтобы пообедать, а заодно и поужинать.

Проголодавшиеся за день археологи усиленно работали ложками и, подшучивая друг над другом, жаловались на отсутствие аппетита и тут же требовали добавки. Остаток вечера решили посвятить отдыху, а завтра, прямо с утра, продолжить обследование холма и начать раскопки. Но перед этим они попрощаются с водителями грузовика и второй вахтовки (той, в которой ехали ботсванцы) – те завтра возвращались обратно в Маунг. По этой причине в лагере царило необычное оживление и веселье, тем более, что Туманов, всегда неодобрительно относившийся к распитию спиртных напитков, разрешил открыть несколько бутылок водки и все с удовольствием выпили за будущий успех экспедиции.

Когда солнце наполовину скрылось за вершинами скал, Владимир, наконец, набравшись смелости, предложил Ирине совершить с ним небольшую прогулку, лукаво напомнив ей о её вчерашнем, неосторожном обещании. Озорно стрельнув по нему своими синими глазами, девушка охотно согласилась, и через пять минут, весело разговаривая, они уже шли по узкой тропинке вдоль скалистой гряды.

Здесь всё было им незнакомо, и Владимир с Ириной то и дело останавливались, чтобы полюбоваться то красивым пейзажем, неожиданно открывшимся перед ними, то осмотреть интересную композицию из камней, причудливо уложенных самой природой, то получше разглядеть какую-нибудь птичку, деловито перелетавшую с одной ветки на другую, в поисках чего-нибудь съестного...

Но дольше всего они задержались перед одинокой скалой, на плоской вершине которой росла небольшая группа необычных деревьев – евфорбий. Эти высокие деревья, подсвеченные последними лучами заходившего африканского солнца, были похожи сейчас на гигантские зелёные свечи, что светились сейчас мягким изумрудным светом. Из-за лёгкого ветерка листья на ветках евфорбий мелко дрожали, отчего вся их крона таинственно мерцала, и казалось, что волны различных оттенков зелёного цвета постоянно скатываются с верхушки деревьев вниз, к самым корням, чтобы затем исчезнуть, раствориться в тёплом вечернем воздухе... Владимир с Ириной восхищённо смотрели на это чудо, подаренное им местной природой, и благоговейно молчали. И каждый из них в эти минуты думал, что даже ради одного такого вот зрелища, уже стоило прийти сюда...

Пройдя ещё несколько десятков шагов по извивавшейся меж крупных камней тропинке, которую очевидно протоптали дикие животные, они остановились у бледно-розового, с большими тёмными пятнами, валуна, очень похожего на гигантское кресло из-за продолговатой выемки посередине, словно самой природой приготовленной чтобы туда кто-нибудь сел. Владимир и Ирина, недолго думая, так и поступили. И с радостью убедились, что не прогадали. Нагревшийся за день камень теперь отдавал накопленное тепло обратно и сидеть на нём, когда становилось всё прохладнее и прохладнее, было весьма приятно.

Удобно устроившись, Владимир, по просьбе Ирины, рассказал немного о себе, о своей семье и о том, как он поступил в университет.

– Надо же, – заметила Ирина, – ты уехал из Кемерово и поступил в Москве, а я, наоборот, родилась в Москве, а училась в Кемерово. А встретились мы с тобой, вообще, в Южной Африке, если, конечно, не считать того мимолётного знакомства на квартире у нашего уважаемого профессора... Как-то забавно всё получается. Ты не находишь?

– Да, тут ты права, – улыбнулся Владимир, – действительно забавно. Хотя самое главное, что мы всё-таки встретились. Скажи, а почему ваша семья уехала из Москвы? Извини за этот может быть нескромный вопрос, но, насколько я знаю, из столицы обычно не уезжают. Ведь ни для кого не секрет, что москвичи всегда жили лучше, чем в провинциях. Так было и когда существовал СССР, и в тяжёлые годы перестройки, да и, собственно, и в наше время. А уж коренных москвичей заставить переехать, например в ту же Сибирь, можно, наверное, только отправляя их как «декабристов» в ссылку, и сильно сомневаюсь в том, что их жёны последовали бы за ними туда.

– Это точно, – засмеялась Ирина. – Их оттуда, как говорится, палкой не выгонишь. Гонору в них много и спеси, всегда считают себя лучше и умнее других. Как-то на втором курсе, я с подругами отдыхала в санатории и там мы познакомились с московскими студентами. Им тоже было лет по двадцать, как и нам, но они открыто, даже не скрывая, смотрели на нас свысока. Особенно одна нафуфыренная девица, над которой мы все откровенно посмеивались за её несусветную глупость. Однако парни нам понравились, и многие мои подруги потом мечтали выйти замуж именно за москвича... Признаюсь, я тоже мечтала, – Ирина сделала паузу

и метнула на Владимира полный лукавства взгляд, а затем, чтобы проверить его реакцию на сказанное, весело добавила: – И сейчас тоже...

– Так считай, что тебе крупно повезло – я пока что москвич, – подыграл ей Владимир и, шутливо расправив плечи, принял классическую наполеоновскую позу.

– Да уж, где уж нам уж выйти замуж... – отшутилась Ирина и её мелодичный смех, словно колокольчик, зазвенел в вечернем воздухе. Когда её лицо стало немного серьезнее, она продолжила: – Так вот, отвечаю на твой вопрос: почему моя семья оказалась в Кемерове. Всё очень просто. Мой отец родился и вырос в Топках – это, как ты знаешь, город к западу от Кемерово. Потом он поехал учиться в Москву. Там он познакомился с мамой, которая приехала из Рязани, тоже учиться. Через полгода они поженились. После окончания института, отцу предложили хорошую работу в Кемерове и он с удовольствием вернулся в родные края. Вместе с мамой и мной, конечно. Я закончила школу и счастливо поступила в Кемеровский государственный университет – в родном городе, всё-таки, легче учиться.

– А как ты попала в экспедицию?

– Моя мама и её старший брат – Аркадий Александрович всегда жили очень дружно; они часто писали письма, обменивались открытками к праздникам, постоянно звонили и, по возможности, приезжали друг к другу в гости. Когда дядя прочно обосновался в Москве, я несколько раз гостила у него. Мне там нравилось: дядя и его семья всегда хорошо принимали меня. И каждое лето я с нетерпением ждала новой поездки в Москву. Дядя часто рассказывал мне о своих раскопках, показывал находки... это ведь так интересно. И, наверное, именно под влиянием его рассказов мне и захотелось стать археологом. И как-то, после первого курса, я шутливо заставила его пообещать, что он непременно возьмёт меня в свою следующую археологическую экспедицию. И дядя оказывается не забыл про своё обещание, и позвонил. Я с радостью согласилась. Мама, конечно, не хотела отпускать свою единственную доченьку на самый край света, но потом смирилась, правда, предварительно взяв с брата тысячу обещаний, что он будет приглядывать за мной, – Ирина весело засмеялась, – и оберегать от разных нехороших парней.

Пока Ирина рассказывала, Владимир, не отрываясь, нежно смотрел на неё и никак не мог поверить, что она оказалась именно той девушкой, о которой он так мечтал и грезил. Он знал, что в душе у каждого мужчины есть свой идеал любимой женщины: со своим типом фигуры, формой лица, цветом волос и глаз, с определёнными чертами характера, и ещё многим другим – понятным и ценным только лишь ему одному. И в реальной жизни каждый мужчина всегда старается найти ту девушку, которая бы максимально полно вписывалась в этот его нарисованный идеал. И как счастлив тот, кто после продолжительных поисков действительно находит этот свой «идеал», и не разочаровывается потом в нём в будущем. Ведь хорошо известно, что любовь слепа, и влюблённый часто видит лишь только то, что хочет увидеть. И ничего тут не поделаешь, так уж устроена жизнь... Но Владимир не верил, что мог бы так ошибиться в Ирине. С самого первого взгляда, он понял, что Ирина, подобно пушкинской Татьяне, была из тех женщин, для которых, как и для него самого, брак и семья – это основа всего. И если Ирина выйдет замуж, то она искренне будет любить своего мужа, она никогда не изменит сама, и сама не простит измены... Владимир смотрел на девушку и не мог налюбоваться ею. В ней его привлекало всё: восхитительная фигура, которой могли бы позавидовать и профессиональные манекенщицы, точёный профиль лица, большие синие глаза с искрящимися в них смешинками, приятный мелодичный голос и ещё многое другое, о чём он и сам затруднялся сказать. Его тянуло к Ирине как магнитом, и он ничего не мог с этим поделать, да он и не хотел – он просто был влюблён. Просто влюблён.

– Господи, как же я люблю её! – еле слышно прошептал Владимир, не отрывая взгляда от бездонных синих глаз девушки. Он чувствовал, что буквально тонет в них. – Господи, помоги мне!..

Кто ему помог – Бог или просто счастливый случай – Владимир так и не понял, впрочем, для него это и не имело особого значения. Главное, помощь пришла... Внезапно что-то с треском упало сверху в кусты рядом с ними, и испуганный горный кролик стрелой промчался мимо них. Ирина испуганно вскрикнула и оказалась в объятиях Владимира. Он крепко прижал девушку к себе и почувствовал, как беспокойно бьётся её сердце под упругой грудью. Их губы оказались в опасной близости и через мгновение они встретились, слились в жарком поцелуе. Владимир не мог оторваться от мягких податливых губ девушки и рукой лишь крепче прижимал к себе её нежное, трепетное тело. Руки Ирины обвили вокруг его талии и он ощутил на своих губах её ответные поцелуи. Это лишь подхлеснуло Владимира, и он ещё сильнее приник к её зовущим устам...

Никогда ещё Владимир не целовал девушку с такой нежностью и страстью. Это было что-то необыкновенное. Через какое-то время он смог на короткое мгновение оторваться от её сладких губ и тихо прошептать:

– Я люблю тебя, Ирина! Люблю!

Владимир долго целовал Ирину, шепча ей слова любви и не выпуская из своих объятий, словно боясь, что если он отпустит её, то потеряет навсегда. Постепенно от сладких, пьянящих губ девушки он перешёл к её закрытым глазам, а затем начал покрывать поцелуями шею, медленно опускаясь вниз. Но когда его рука осторожно притронулась к маленькой упругой груди, девушка немного отстранилась от него, и, в ответ на новые признания в любви, вновь мягко улыбнулась.

– Я знаю, знаю... – нежно прошептала она и крепко поцеловала Владимира в губы. После поцелуя Ирина прижала свои ладошки к его щекам и, посмотрев в блестящие, зовущие глаза, нежным голосом добавила: – Пойдём обратно, нам уже пора возвращаться...

– Нет! Не хочу! – срывающимся голосом прохрипел Владимир и снова крепко прижал к себе девушку. Он провёл щекой по её пышным волосам и, почувствовав исходивший от них тонкий волнующий аромат, зарылся в них лицом. – Не уходи, Ирина. Давай посидим ещё чуть-чуть. Я так люблю тебя...

– Я знаю. Знаю, Володя. Но нам надо идти, – просящим голосом прошептала Ирина. Она ловко высвободилась из его крепких объятий, быстро поцеловала в губы и, взяв за руку, решительно потянула в сторону лагеря. – Пойдём! У нас с тобой ещё будет много времени впереди. Пойдём...

Владимир послушно встал, обнял Ирину за талию и они медленно пошли по тропинке обратно к лагерю. Оба молчали, наслаждаясь тишиной и покоем. К чему лишние слова, ибо всё главное уже было сказано. Старинные, как сам мир, слова любви уже были произнесены...

Между тем, стало совсем темно. Тонкий серп молодой луны и яркие звёзды ничего не могли сделать против сгустившегося мрака, они лишь едва-едва освещали тропинку, по которой шли Владимир с Ириной. Кусты акаций стояли сплошной стеной и, казалось, совсем слились со скалами в одно единое целое. Росшие на вершинах скал евфорбии, смутно угадывались в темноте и теперь напоминали не гигантские новогодние свечи, а грозных, молчаливых часовых, застывших на своём посту и оберегающих покой и тишину этих мест. Лёгкий ветерок почти угас, словно устав от бесплодных попыток пробиться сквозь густые заросли акаций, и таинственная тишина, незримо окутавшая всё вокруг, нарушалась лишь далёким, противным хохотом гиен да доносившейся из лагеря музыкой, которая с каждым шагом становилась всё громче и громче.

Владимир шёл, часто бросая на Ирину взгляды полные любви и обожания, и просто изнывал от счастья. Его душа ликовала и пела, птицей взлетая в небеса. И порой ему самому хотелось во всё горло кричать и петь о любви.

И неожиданно, в один из таких моментов, он вспомнил слова одного своего давнего друга Анатолия – большого любителя женского пола. Тот, в ответ на его язвительный вопрос о том, что неужели он действительно любит всех девушек, с которыми встречается, как-то печально вздохнув, неожиданно ответил вполне серьёзно: «Что ты, Владимир, конечно же нет! Для меня это так, развлечение. Я обожаю развлечения, женщин, секс, а любовь... Любовь это нечто другое. Пойми, Владимир, когда ты по-настоящему полюбишь девушку, то ты будешь бесконечно счастлив от одного только её присутствия рядом, от одного только её взгляда, от одного прикосновения к руке, от одного только поцелуя... И главное потом, не упустить такую девушку. Иначе потом будешь мучиться как я... Ведь если ты не любишь, то ты впервые очередь почему-то думаешь о сексе. Конечно, любви без секса не бывает, но он приходит уже позже, потом. Пойми, Владимир, настоящая любовь – это редкость, это – дар свыше. И количеством женщин, которых ты, грубо говоря, трахнешь, её трудно заменить. И уж поверь мне, ты никогда не забудешь первую ночь с девушкой, которую полюбишь по-настоящему. Поэтому не смейся сейчас надо мной. Когда-нибудь, Владимир, ты вспомнишь мои слова и убедишься, что я говорил тебе правду. Главное, не упусти свою любовь. Это мой тебе дружеский совет...»

«Невероятно, но Анатолий действительно оказался прав – я и в самом деле безмерно счастлив только от того, что иду сейчас рядом с Ириной», – удивлённо подумал Владимир и ещё крепче прижал к себе девушку.

Владимир всегда называл себя романтиком. Неисправимым мечтателем и романтиком. Он часто встречался с девушками, но всегда при этом понимал, что это не то, несерьёзно. И в душе всё ждал и надеялся на скорую встречу с той единственной и ненаглядной. Девушка, которую он будет любить и обожать, и при виде которой сердце его всегда будет петь и ликовать, с которой он проживёт всю свою жизнь... Владимир искренне верил, что Ирина и есть та девушка, которую он так долго ждал и искал. И сплывшие из памяти слова старого друга лишь только убеждали его в этом.

Подойдя к лагерю, Ирина осторожно убрала его руку со своей талии, поправила причёску и, нежно улыбнувшись, подставила губы для прощального поцелуя, который Владимир постарался растянуть на максимально возможно долгий срок...

Поэтому лишь только через несколько минут они смогли наконец добраться до ярко горевшего костра, вокруг которого вольготно расположились остальные члены экспедиции.

Глава шестая

Утром, когда Владимир открыл глаза, в палатке, в которой он спал, никого уже не было. Его соседи – неразлучная парочка Сергей с Юрием – как всегда встали очень рано. Армейская привычка, так объясняли они. Но это их дело, отвлечённо подумал Владимир и лениво потянулся. Вставать не хотелось и он опять прикрыл глаза, вспоминая приятные моменты вчерашнего вечера. Он легко вызвал из памяти образ улыбающейся Ирины, ласково смотревшей на него своими бездонными синими глазами и, казалось, вновь почувствовал на своих губах вкус её жарких поцелуев. От приятных воспоминаний на его лице застыла блаженная улыбка и сердце учащённо забилося в предвкушении новой встречи с девушкой. Немного помечтав, Владимир решительно прогнал последние остатки сна, быстро встал, оделся и вышел из палатки навстречу новому дню. Пусть он будет не менее удачным, чем прошедший...

Его палатка была крайней в ряду и ближайшей к скалистой гряде. Следующие две принадлежали Ирине и профессору Туманову с Иваном Юрьевичем. Во втором ряду две палатки занимали ботсванцы, а третья – самая большая из всех имеющихся, отводилась под склад для оборудования и будущих находок.

Сергей с Юрием, закончив регулярную, каждодневную утреннюю пробежку, теперь отжимались от земли, старательно вдыхая и выдыхая воздух. Мощные мускулы отчётливо выделялись на их крепких спинах. Потом, как вспомнил Владимир, будет ещё разминка на гибкость, небольшой тренировочный поединок, отработка ударов и, в самом конце, метание ножей в цель. Посмотрев на Сергея с Юрием, он слегка позавидовал их силе и ловкости, и твёрдо решил попозже присоединиться к ним. Не для спарринга, конечно, а для того, чтобы поучиться метать нож – в жизни такой навык вполне может пригодиться.

Сергея с Юрием связывала крепкая, проверенная в схватках с опасными преступниками, мужская дружба. В чём-то они возможно и были похожи друг на друга, но вот внешне спутать их было просто невозможно. Юрий с ростом под метр восемьдесят пять, с широкими плечами, мощной шеей и весом в сто с лишним килограммов больше всего напоминал добродушного медведя из старых русских сказок. Такой же сильный, на вид медлительный и невозмутимо спокойный. Его трудно было вывести из себя. Но в поединке Юрий преображался полностью. Несмотря на свой внушительный вес, он легко перемещался по площадке и обладал отличной реакцией. Точные и сокрушительные удары делали Юрия чрезвычайно опасным противником. Сергей же – худой и жилистый – при своём росте в метр семьдесят пять казался подростком рядом с ним. Резкий и подвижный, он напоминал дикую настороженную кошку, постоянно готовую к встрече с любыми неожиданностями. К Сергею, например, никогда не удавалось незаметно подкрасться сзади, в этом Владимир уже несколько раз смог убедиться сам. Силе Юрия он протипоставлял невероятную ловкость и умение мгновенно уходить из под удара. И кто из них двоих выйдет победителем в настоящей схватке, Владимир не решился бы даже предугадать.

Не тратя больше времени на излишние размышления, Владимир быстро умылся под навесным умывальником, стараясь как можно бережнее расходовать воду, уже зная, что её будут привозить из Маунга в цистерне автотранспортом. Конечно была надежда, что они найдут поблизости свой источник с чистой питьевой водой, но как уверяли ботсванцы, шансов на это практически нет. А так хочется на это надеяться... Затем Владимир аккуратно побрился и, чувствуя себя окончательно проснувшимся и посвяженным, направился к стоящим возле своей палатки профессору Туманову и доктору Селиванову, чтобы узнать планы работ на сегодня. Проходя мимо палатки Ирины, Владимир услышал как та что-то весело напевала себе. Наверное одевается уже, подумал он и радостно улыбнулся при мысли, что скоро вновь увидит её.

– После завтрака, – сказал Туманов, бросая короткий взгляд на свои наручные часы, – мы проводим отправляющиеся в Маунг машины, а затем осмотрим все овраги на склонах холма. Позже, согласно полученным данным, окончательно определимся, где будем копать... Возможно даже, разделимся на две бригады, которые будут работать самостоятельно. В общем, как говорить, поживём – увидим... – он сделал короткую паузу и посмотрел на безоблачное небо. – И очень надеюсь, что дождь, который нам упорно предрекает Иван Юрьевич, нам сегодня не помешает.

Владимир согласно кивнул головой: да, дождик им сейчас явно ни к чему. Но и помешать ему они тоже не в силах – с природой не поспоришь...

До завтрака, Владимир, выполняя данное себе утром обязательство, успел немного пометать нож в цель и показать для первого раза весьма неплохие результаты (по три попадания из десяти в каждой из четырёх попыток), в чём его единодушно заверили Сергей с Юрием. Впрочем, взглянув повнимательней на их хитрые рожи, Владимир начал сильно сомневаться,

что его успехи были столь впечатляющими. Скорее всего они просто хотели его по-дружески поддержать, но унывать по этому поводу не стал и дал себе слово, что будет, по возможности, тренироваться каждый день.

После плотного завтрака, два пожилых водителя-ботсванца, тепло попрощавшись со всеми, сели в свои машины и поехали по своим старым следам обратно на север, в Маунг. Джек и его «вахтовка», как и было запланировано ранее, остались в распоряжении экспедиции.

Туманов ещё утром позвонил Дербенёву, рассказал последние новости, поделился планами на будущее и предупредил о том, что отсылает две машины обратно, как они и договаривались. Дербенёв, в свою очередь, пожелал ему успеха и пообещал через несколько дней прилететь к ним на вертолёте.

Связь с Маунгом осуществлялась с помощью двух спутниковых телефонов, которые находились у начальника экспедиции Туманова и его заместителя – доктора Селиванова. Телефоны отлично работали и Туманов нисколько не пожалел, что отказался от громоздкой радиостанции. К тому же, что весьма немаловажно, спутниковые телефоны позволяли легко связаться с любой точкой на земном шаре. А вот обычные «сотовые» телефоны здесь, увы, не работали – ну, не было рядом «вышек», кто ж их будет просто так ставить в пустыне, вдали от большого количества людей... Молодым археологам всё это было понятно, но всё равно обидно. К благам цивилизации привыкаешь весьма быстро... А для непосредственной связи между членами экспедиции имелось четыре переговорных устройства, какими пользуется служба безопасности концерна «Русский медведь». Обычные маленькие рации с дальностью связи до нескольких километров...

Когда возвращающиеся в Маунг машины скрылись вдали за цепочкой холмов, археологи, горя от нетерпения, быстро забрались в кузов «вахтовки». Кирки, лопаты, носилки и прочие инструменты для раскопок они погрузили ещё вчера вечером. Убедившись, что все сели и ничего не забыто, Туманов сам забрался в кабину и машина плавно тронулась в путь.

Объезд холма по периметру занял более четырёх часов. Большая часть этого времени ушла на тщательный осмотр оврагов. Но результаты стоили того: в двух оврагах на южном склоне холма, тоже удалось обнаружить каменные блоки. Расстояние между данными оврагами составляло чуть больше шестидесяти метров и это явно были остатки одного сооружения – крепостной стены, как убеждённо заявил Селиванов. Вооружившись лопатами, археологи и тут и там очистили от красноватой земли несколько блоков и все смогли лично убедиться, что их размеры одинаковы в обоих оврагах, и, более того, совпадали с размерами блоков, найденных на северном склоне.

Обмеряя каменные блоки, Владимир вспомнил, что на фотографии города южная часть крепостных стен выделялась наиболее отчётливо, следовательно, она должна была и лучше сохраниться, чего не скажешь о северной и восточной – они на снимке едва просматривались. «Пока что находки подтверждают наши первоначальные предположения», – с довольной улыбкой подумал он, сообщая полученные размеры Ивану Юрьевичу и Аркадию Александровичу.

Профессор Туманов, выслушав Владимира, достал из висевшего на боку планшета аккуратно сложенную в несколько раз бумагу – крупномасштабную карту холма, совмещённую со схематичным планом города – и развернул её. Он быстро пробежал по карте глазами, нашёл на ней два оврага, в которых они сейчас обнаружили каменные блоки, и ручкой прочертил жирную черту между ними, следуя по пунктирной линии, обозначавшей предполагаемое нахождение крепостных стен.

– Итак, можно смело сказать, что этот участок крепостной стены реально существует, – улыбнувшись, громко заявил он. – Хорошее начало для нашей экспедиции.

Не менее довольный Иван Юрьевич тут же внёс предложение:

– Предлагаю, Аркадий Александрович, на этом участке и произвести первые пробные раскопки. Здесь мы сможем получить хороший поперечный разрез крепостной стены и, чего

греха таить, надеюсь на... на первые находки. Они нам сейчас очень нужны. Думаю, удача не обойдёт нас стороной... А северную часть предлагаю пока не трогать – судя по фотографии, именно там расположены дворцы и главные храмы города – и туда без тщательной подготовки лучше пока не соваться. Хотелось бы вначале понять с чем мы имеем дело...

– Думаю, вы правы, мой дорогой друг, – медленно произнёс Туманов, размышляя над предложением Ивана Юрьевича, которое, впрочем, полностью совпадало с его собственным. Спору нет, данный участок был наиболее перспективен для первых раскопок. Ведь главное для них сейчас это найти бесспорные доказательства существования города. А что может быть в этом плане лучше целой крепостной стены? Опять же и находки им сейчас край как нужны, особенно пригодные для точных датировок... Нет, решено, начинать надо здесь. Он объявил всех долгим внимательным взглядом и, указав рукой на дальний от него каменный блок, громко объявил: – Копать будем здесь. Все вместе. Мы отметим под прямым углом к основанию стены траншею с размерами: десять метров в длину и два – в ширину и начнём копать. И пусть удача улыбнётся нам и дальше.

Молодые археологи радостно зашевелились. Особенно были возбуждены Сергей с Юрием, в их глазах так и блестел азарт кладоискательства, они уже видели себя обложенными первыми находками, причём, по большей части, золотыми... Туманов только головой покачал, глядя на эту парочку. Эх, молодость, молодость... Он перевёл взгляд на Владимира и Ирину, которые что-то негромко обсуждали между собой, и, любуясь этой красивой, молодой парой, шутливо поинтересовался:

– А что думают по этому поводу наши молодые коллеги? Владимир, Ирина выскажите нам свои мнения. Может быть у вас есть возражения? Или другие предложения, где начать копать? Не стесняйтесь, говорите.

Владимир переглянулся с Ириной и высказался первым.

– Нет, возражений у меня нет, я полностью согласен с вами и Иваном Юрьевичем. Данный участок стены находится куда в более лучшем состоянии, чем северный, следовательно, обнажив его, мы узнаем точную толщину крепостных стен, а по ней сможем прикинуть и их предположительную высоту. Позже можно покопать и в восточной части города. Найденные нами у подножия холма останки двустворчатых африканских моллюсков, как будто бы подтверждают наше предположение о том, что вся эта подозрительно ровная, похожая на гигантскую чашу равнина, когда-то в прошлом являлась дном огромного пресноводного озера. Если всё это так, то где-то на берегу могут остаться части портовых сооружений, складов с товарами и, чем чёрт не шутит, с остатками древних кораблей. Конечно, всё это только предположения и шансов крайне мало, но почему бы не рискнуть? Вдруг повезёт...

– Да уж, – засмеялся Иван Юрьевич, – и город, и порт с кораблями им подавай...

– А что, мечтать так мечтать, – поддержали Владимира Сергей с Юрием. – Как говорить в одной надоедливой рекламе «мечты сбываются...»

– И опять же, – продолжил Сергей, – мы хоть и не археологи, но думаем, что Ирина права, когда обратила внимание на восточную часть равнины. Уж очень, очень похожа она на дно высохшего озера.

– Ладно, как говорят мудрые: поживём – увидим, – заключил Иван Юрьевич. – Но всё это дело отдалённого будущего, а мы сейчас должны думать о настоящем, мои дорогие коллеги. Я верю, что ради своих мечтаний вы готовы перелопатить весь этот холм, но пока нужны неопровержимые доказательства существования города. Это наша первейшая и наиглавнейшая задача на текущее время. Не будем забывать о ней.

– Да я понимаю, – горестно вздохнул Владимир. – Но так много хочется сделать, что глаза аж разбегаются.

– Вот для этого как раз и нужно начальство, – философски заметил Юрий, высоко подняв большой палец правой руки вверх. – Что б глаза у подчинённых в сторону не разбегались...

– Верно, – поддакнул Сергей и шутливо ткнул Владимира в бок.

– Да понятно всем, что копать нужно здесь, – вмешалась Ирина, грозя кулачком Сергею с Юрием, дабы те утихли немного. – А потом уж браться за всё остальное. Конечно, сначала доказательства существования этого самого города. Однако моя женская интуиция подсказывает мне, что озеро тут было, и порт был...

– Опять вы за своё, – рассмеялся Иван Юрьевич. – Дождётесь вы, оставим вот вас копать всю восточную сторону вдвоем, попляшете тогда...

– Да они будут этому решению только рады, – с широченной улыбкой на устах, встрял в разговор Сергей, но тут же получил от Ирины ощутимый тычок в бок. – Всё, всё, умолкаю, не надо меня больше бить...

– Ладно, ладно, хватит всем вам дурачиться, – вмешался профессор Туманов в эту дружескую перебранку. Он старался выглядеть максимально сурово, хотя с трудом сдерживал на устах улыбку. Эх, молодость, молодость... – Так, друзья мои, отставить все споры и живо за лопаты. Пора браться за дело.

– Верно, – поддержала профессора Ирина и шутливо потёрла руки. – До чего же не терпится начать...

– Вот и отлично, – подытожил Туманов. – Пока парни разбирают лопаты, ты, Ирина, возьми себе тетрадку и нарисуй схематический рисунок траншеи в соответствующем масштабе. А мы затем с помощью рулетки и колышков разметим конторы будущего раскопа уже непосредственно на земле...

Всего полчаса хватило Владимиру, Сергею и Ивану Юрьевичу, чтобы обозначить колышками контур траншеи, протянуть верёвки по периметру и по середине, вдоль всей длины, а затем натянуть короткие верёвки с красными, жёлтыми, зелёными и синими флажками. В итоге получилась большая сеть с ячейками – метр на метр. Из стоявшей неподалёку машины они достали затем большой кусок брезента и растянули его вдоль будущей траншеи, чтобы на него сбрасывать вынимаемый грунт.

Ботсванцы достали лопаты, кирки, сита и теперь внимательно слушали профессора Туманова, который через переводчика-Джека, обстоятельно объяснял им, что они будут делать.

После короткого перерыва на обед, к вящей радости молодых археологов приступили, наконец, непосредственно к самим раскопкам. Ботсванцы сильными ударами вгоняли кирки в песчанную землю, разрыхляли её, а, затем, лопатами выбрасывали на брезент. Остальные тщательно просеивали почву между пальцами, возбуждённо переговариваясь и шутливо споря относительно того, кто сделает сегодня первую находку. Каждому хотелось стать этим счастливым и работа шла не останавливаясь. Время от времени брезент уносили вниз, к основанию холма, и там высыпали просеянную землю.

Владимир увлечённо работал вместе со всеми, лишь изредко бросая влюблённые взгляды на Ирину. В свободном светло-кремовом платье девушка была удивительно хороша. Она беззаботно смеялась и болтала, помогая ему просеивать землю, и Владимир порой едва сдерживался, чтобы не поцеловать её.

Ручку и тетрадь с нарисованной схемой раскопа Ирина положила рядом, чтобы немедленно зафиксировать первые находки, как только они будут сделаны. Она нисколько не сомневалась, что они сегодня будут.

Через два с половиной часа траншеей вскрыли на всю размеченную длину и на глубину до двух метров. После шестидесяти сантиметров песчаная почва сменилась тёмным красноватым суглинком, который сохранил немного влаги после прошедших недавно дождей, и копать сразу стало легче. Вдобавок, работу землекопам существенно облегчила крепостная стена, ширина которой оказалась равной шести метрам. Она была сложена из одинаковых каменных блоков с размерами: 120 x 60 x 60 сантиметров. Причём все камни были так умело обработаны, что в щель между ними не проходило и лезвие ножа.

Толщина найденных остатков крепостной стены поразила Владимира. Такого он не ожидал. Одно дело читать про такую толщину в книгах и совсем другое – видеть самому, в живую так сказать. Мощь постройки просто завораживала. Он чувствовал себя таким маленьким и ничтожным на фоне этих громадных размеров. Владимир мысленно представил, как в прошлом стены города взлетали ввысь, грозно возвышаясь над лежащей внизу равниной, представил и... и замер в восхищении. Получившаяся картина, пусть даже и полученная при помощи силы своего воображения, поражала своим величием. Владимир перевёл взгляд на подогнанные с невероятной точностью каменные блоки и невольно проникся уважением к мастерству неизвестных строителей.

Впрочем, он был не одинок. Те же чувства явственно читались на лицах профессора Туманова и доктора Селиванова. Оживлённо переговариваясь, они с большим интересом обследовали каменную кладку, ощупывая буквально каждый её сантиметр. Причём они так сосредоточенно занимались этим делом, что Владимиру показалось кощунством хоть словом отвлечь их от этого увлекательного занятия. Поглядывая на них с некоторым чувством зависти, он упорно продолжал просеивать красноватую землю, лелея в сердце тайную надежду первым сделать находку. Однако пока ему не попадалось ничего кроме мелких жучков и камешков.

Археологи так увлеклись работой, что не заметили появившихся с севера плотных тёмных туч. Несколько раз оглушающе прогремел гром, пару раз сверкнули молнии и затем упругие струи воды с шумом обрушились на пыльную землю. Пришлось немедленно прекратить раскопки, собрать инструмент и залезть в машину. Люди, уставшие от жары и тяжёлой работы, с наслаждением вслушивались в весёлую капель дождя, громко барабанившего по крыше.

Прошёл час. Дождь заметно подутых и теперь лишь мелко моросил. Но всем, даже самым упрямым, стало совершенно ясно, что раскопки на сегодня придётся прекратить. Владимир с Ириной только тяжело вздохнули: они ведь так надеялись, что удача не обойдёт их сегодня стороной. Туманов улыбнулся, глядя на их растроанные лица, и отдал Джеку приказ возвращаться в лагерь.

Джек убежал в кабину, и вскоре «вахтовка», осторожно объезжая появившиеся лужи, медленно покатила в сторону скалистой гряды.

Дождь закончился как раз в тот самый момент, когда они подъехали к лагерю. Вымытая листва на росших вокруг поляны деревьях, приятно ласкала взгляды своим сочным, ярко-зелёным цветом. А вскоре выглянуло из-за туч солнце и капли воды на их листьях весело заблестели, словно маленькие бриллианты в зелёной оправе, и казалось вся природа ожила, посвежела, засверкала своей первозданной красотой. Даже древние красно-бурые скалы, смыв с себя пыль, словно помолодели, сменив привычный цвет на нежно-розовый.

Проводив Ирину до её палатки, Владимир подошёл к Ивану Юрьевичу, любовавшемуся красотой скал, что возвышались над их лагерем. Проследив за его взглядом, Владимир вдруг подумал, что камень для крепостных стен жители города добывали где-то здесь, в этих самых скалах. Если это действительно так, то где-то поблизости должна находиться и их каменоломня. Не вытерпев, он тут же поделился своим предположением с Иваном Юрьевичем.

– Насчёт каменных блоков ты похоже прав: десять к одному, что они взяты в местных скалах, – согласился с ним Иван Юрьевич. – А про поиски каменоломни действительно стоит подумать. Ведь если все строения в городе были сложены из местного песчаника, – он задумчиво оглядел скалы, – то её несомненно очень даже стоит поискать...

– Чтобы оценить масштабы строительства, – быстро договорил за него Владимир. – А они, судя по всему, весьма и весьма значительны.

– Верно. – Иван Юрьевич уважительно посмотрел на своего молодого коллегу и похвалил: – Молодец, быстро схватываешь! Вечером мы обязательно обсудим этот вопрос за столом.

Похвала была приятна и Владимир удовлетворённо кивнул в ответ.

Иван Юрьевич немного слукавил. Они с Аркадием Александровичем сразу предположили, что каменные блоки крепостной стены были вырезаны из местного песчаника, но говорить об этом Владимиру он не стал. «Пусть учиться мыслить самостоятельно и в дальнейшем не бояться высказывать свои мысли вслух», – подумал он и, вспомнив себя в его годы, невольно улыбнулся.

Вечером, после ужина, русские археологи собрались вокруг костра, чтобы немного отдохнуть, а за одно и подвести итоги сегодняшнего дня. Собрались все, ибо найденные остатки оборонительных сооружений города вызвали интерес не только у маститых профессионалов, но и у новоявленных археологов-любителей – Сергея с Юрием, которые первые задали вопрос Аркадию Александровичу: что же они всё-таки раскопали?

Профессор Туманов с хитринкой в глазах посмотрел на них и, чуть помедлив с ответом, чтобы подогреть у них интерес, негромко сказал:

– Мы нашли остатки южной крепостной стены и тем самым доказали, что наш город реально существует. Так что можно с уверенностью сказать – первая задача нашей экспедиции успешно выполнена. Большое всем спасибо, мы отлично потрудились. Что же касается самих остатков, то как вы уже все заметили, каменная кладка выполнена очень и очень искусно. Мы должны отдать должное мастерству строителей – они явно не новички в своём деле. Впрочем, в этом вы уже смогли убедиться, когда пытались просунуть лезвие ножа между блоками. – Сергей с Юрием утвердительно кивнули головой – это они проделывали такой опыт. – А сама стенка сложена из каменных блоков, как из обычных кирпичей, методом сухой кладки, без применения раствора...

– В этом есть что-то необычное? – тут же поинтересовался Сергей.

– Нет, что вы. Метод сухой кладки весьма распространён по всей Африке. Примером может служить уже известный вам Большой Зимбабве. Или, если хотите, египетские пирамиды.

– Интересно, а какова была первоначальная высота стены? – спросил Юрий.

Туманов слегка пожал плечами.

– Откровенно говоря, не знаю. Но думаю, что-то около восьми-десяти метров...

– По аналогии со стенами эллиптического строения в Большом Зимбабве? – догадался Юрий.

– Да. Но не только. Не надо считать людей, что жили несколько веков или даже несколько тысячелетий назад, глупее нас с вами. И раз жители города сделали стены такими толстыми – целых шесть метров! – то, наверное, только ради того, чтобы поднять их как можно выше. Иначе просто бы не было смысла делать их такими толстыми. Правда, мы судим только по одному кусочку стены. Вполне возможно, что в других местах, она тоньше и ниже. Равно, как и наоборот. Но в любом случае, постройка каменных стен таких размеров очень и очень непростое дело. Без знаний и соответствующего опыта тут не обойтись. Это по плечу только мощной и развитой цивилизации.

– Хочу ещё отметить, – раздался голос Ивана Юрьевича, – что сие каменные блоки рассчитаны на очень большую нагрузку. Не удивлюсь, если впоследствии выяснится, что угловые башни имели высоту превышающую десять метров... – Он умолк, а потом еле слышно добавил: – Вот только не нравится мне их слишком правильная прямоугольная форма...

– Всё это так конечно, но, тем не менее, хочу сразу предупредить вас, друзья мои, – продолжил свою речь Туманов, – что мои предположения, равно как и Ивана Юрьевича, это только предположения. Скорее даже пожелания, а в действительности всё может быть совсем иначе. Не будем делать никаких преждевременных выводов. Вот поработаем немного – всё и узнаем.

Однако такое высказывание уважаемого профессора не могло остановить бурной фантазии его более молодых коллег и догадки посыпались как из рога изобилия. На вопрос о

существовании города они давно ответили положительно и теперь спорили лишь о том – кто его построил и когда. Свои предположения внесли даже Сергей с Юрием, упомянув при этом последние находки сделанные в современной Республике Зимбабве. Они предположили, что город являлся крупной пограничной крепостью в государстве Мономотапа, или даже в ней могла находиться одна из резиденций его верховного правителя, ведь данные земли как раз входили в сферу влияния этого государства. Прочитав на удивлённых лицах Владимира и Ирины вполне естественный вопрос: откуда мол у них вдруг взялись такие глубокие познания в истории Южной Африки, Сергей с Юрием только громко рассмеялись, а затем, скромно потупив глазки, продемонстрировали им книжку, что дал им вчера почитать Иван Юрьевич.

В итоге, общее мнение склонялась к тому, что строителями найденного города являются предки банту, а сам он построен в средневековье. И так продолжалось до тех пор, пока новое предположение не внесла Ирина.

– А что если мы нашли не что иное, как город древних финикийцев? – вдруг сказала она спокойным, серьёзным голосом, в котором не было и малейшего намёка на шутку.

Тут даже невозмутимый Иван Юрьевич не смог сдержать удивлённого возгласа. Профессор Туманов только покачал головой, не в силах сдержать ироничной улыбки.

– Но, Ирина, – обратился он к девушке, непринуждённо сидевшей на маленьком складном стульчаке рядом с ним, – подобные истории о неких учителях, обучавших примитивные народы Древней Африки, умерли ещё в прошлом веке, когда расистские учёные заявляли, что «дремучий мозг негра не способен создать что-нибудь великое самостоятельно». Признаться меня очень удивило твоё нелепое предположение.

Ирина небрежным жестом поправила причёску и, без тени смущения, продолжила:

– А я вовсе не имею в виду тот бред, когда сторонники, так называемой, «финикийской» школы утверждали, что создание древних культур африканского железного века – исключительно заслуга неких отважных народов, пришедших сюда с другого континента. Моряки-финикийцы, устремившиеся к югу сабеяне, подданные царицы Савской, принёсшей в своё время дары легендарному царю Соломону, да древние арабские капитаны – вот кто, по их мнению, воздвиг великолепные города, поселился в них, а затем бесследно исчез, оставив местным дикарям лишь право грубо копировать и сохранять чужеродные традиции.

Ирина сделала небольшую паузу и снова поправила непокорные волосы.

– Забудьте об этом. Я говорю вам совсем о другом. Известно ведь, что финикийские купцы и мореплаватели держали в строгой тайне сведения о западном побережье Африки. Мы можем только гадать, что им было известно и куда они собственно плавали... Однако, мы достоверно знаем об их колониях на побережье Марокко. Так почему бы не предположить, что их торговые экспедиции достигали и берегов Южной Африки? Финикийцы могли основать на побережье небольшие торговые поселения, которые затем бурно разрослись, скажем, после бегства в них части карфагенян, уцелевших при разгроме их города римлянами. А уж затем, из этих прибрежных поселений, прийти сюда и построить целый город, – она указала на скрытый в темноте холм и продолжила: – Правда, встретили поселенцы здесь не полных дикарей эпохи палеолита или неолита, а племена бушменов и готтентотов, уже умевших изготавливать медные изделия и подходивших к открытию тайны получения железа из руды. Финикийцы включаются в местную торговлю и помогают наладить разработку древних рудников Франсистауна, работая в них вместе с коренным населением. То есть они не сыграли роль всемогущих богов, а всего лишь ускорили естественный процесс. Да и согласитесь, трудно представить жестоких и коварных финикийцев в роли альтруистов, таких добрых, благородных учителей.

Девушка замолчала, но было заметно, что она очень увлеклась своим рассказом, да так, что лёгкий румянец выступил на её щеках.

– И потом эти самые финикийцы бесследно исчезают, не оставив после себя ни одной могилы, ни одного памятника, вообще ничего... Исчезают как призраки. Пришли из ниоткуда

и ушли в никуда... – с сарказмом сказал Иван Юрьевич и покачал головой. – Такая версия хороша для писателя-фантаста, но никак для серьёзного учёного. Прости, Ирина, но это невозможно! – сурово заключил он и получил одобрительный кивок от Аркадия Александровича.

Владимир не отрываясь смотрел на Ирину в течении всего её рассказа. Он любовался ею, следил за каждым её движением, за каждым её жестом, и ему даже показалось, что она стала ещё прекраснее, когда от резких слов Ивана Юрьевича в её чистых синих глазах буквально полыхнул холодный огонь негодования. «А в гневе она ещё прекраснее», – подумал он, улыбаясь. Он нежно коснулся её руки, как бы успокаивая и говоря: не бойся, я с тобой – и, как полагается верному рыцарю, поспешил прийти ей на помощь.

– Подождите, подождите! – быстро проговорил он, останавливая спорщиков. – Давайте разберёмся. Ведь если исходить из чисто гипотетических предположений, то вариант предложенный Ириной вполне возможен. Возможности для подобных путешествий у финикийцев были. Это факт. Вспомните, что ещё Геродот описывал путешествие финикийцев вокруг Африки, которое успешно завершилось – это знает каждый школьник. Фараон Нехо послал свои корабли приблизительно за шесть веков до нашей эры и они, выйдя в Красное море, обогнули всю Африку, через Геркулесовы Столпы вошли в Средиземное море и вернулись в Египет. Затем, немного позже, другой финикиец Ганнон около 460 года до нашей эры доказал, что можно плыть и в другом направлении. Он прошёл через Гибралтар и проплыл вдоль западного побережья Африки. Судя по описанию его путешествия, он достиг побережья Камеруна, так как огненные потоки и столбы огня, извергаемые неизвестным вулканом, по-видимому указывают на гору Камерун. Обрато Ганнон вернулся с грузом слоновой кости и золотом, которое выменял у местного населения путём немой торговли. Но это только те известия, что дошли до нас благодаря уцелевшим записям, да ещё тем сведениям, что любезно сообщили нам сами финикийцы. А они могли о многом, о многом умолчать. Тем более, что скрытностью в этом плане страдали не только финикийцы, но и купцы всех народов ещё в течении двух тысяч лет после них. Слово «коммерческая тайна» никуда не делось и весьма популярно и в наши дни. А золото и слоновая кость – это весьма весомый аргумент для финикийцев, чтобы спокойно плавать за ним и молчать.

– Хорошо, Владимир, тут я полностью согласен с тобой, – хитро улыбаясь, заявил Иван Юрьевич. – Но ты забыл указать, что это были путешествия с весьма ограниченным числом людей, а речь-то в рассказе Ирины шла о массовой иммиграции, и в этом случае хоть какие-то её следы должны были остаться. А их-то как раз и нет. Как ты, Владимир, объяснишь их отсутствие?

– Вы забыли упомянуть ещё и о возможных причинах иммиграции, – вежливо, в тон ему, ответил Владимир. – А ведь Ирина правильно указала на взятие Карфагена римлянами в 146 году до нашей эры, как на наиболее подходящую причину для массового переселения. Спасаясь от врагов и не желая оказаться в рабстве, какая-то активная часть населения вполне могла на кораблях уйти за Геркулесовы Столпы и приплыть к побережью Южной Африки. И пусть столь далёкое путешествие вас не смущает. Прошли же хунны тысячи километров от степей Монголии до Каспийского моря за два года, спасаясь от своих врагов сянбийцев. Прошли. И на новом месте они не только выжили, но и превратились за двести лет в гуннов, известных ныне всем. Это факт! И ведь тоже никто не обнаружил ни одной могилы на пути их следования. Хуннам, прорывавшимся с боями, просто некогда было хоронить своих мёртвых. А какие следы могли сохраниться в нашем случае, если путешествие длилось не десятилетия, путём медленного продвижения вдоль береговой линии, а на кораблях, за считанные годы, если не месяцы? Разве что удастся найти у побережья Южной Африки затонувший финикийский корабль, да ещё с записями относительно пути и цели его следования...

Владимир сделал паузу и сухо кашлянул.

– И ещё, почему финикийцы выбрали бы местом своего нового жительства именно Южную Африку? Да просто потому, что им нужен был климат максимально схожий с климатом Северной Африки. Зачем им невыносимая жара экваториальных районов с непроходимыми джунглями и зловонными болотами, в которых их ждала бы верная гибель? Вспомним, что обычно переселяющиеся народы ищут ландшафты похожие на их родные, к которым они максимально адаптированы. Примеров тому множество. Так сделали, например, хунны, переселяясь в прикаспийские степи, англичане, захватившие для своих ферм земли Северной Америки, русские крестьяне, что прошли всю сибирскую тайгу и осели преимущественно в долинах крупных и мелких рек, то есть в местах пригодных для земледелия и очень похожих на те, в которых вели хозяйство их предки в европейской части России.

На другой, напрашивающийся сам собой, вопрос: почему переселенцы могли исчезнуть без следа, ответу так. Финикийцы, без сомнения, являвшиеся старым народом, даже уйдя за тысячи километров от родины, были обречены. Они должны были погибнуть. Обмануть природу и остановить своё время не удалось никому. Гунны Атиллы, после разгрома на реке Недао в 463 году, рассеялись и прекратили своё существование как народ. И не случайно, одновременно с ними гибнут и последние хунны в далёком Китае. Население финикийских колоний в Северной Африке разделило судьбу своих победителей-римлян и погибло в пятом веке нашей эры, вместе с крушением Западной Римской империей. Переселенцев в Южную Африку, я думаю, ждала та же судьба. Конечно, скажите вы, они, при благоприятных условиях, могли перейти в гомеостаз, но... но финикийцы обычно сами никого не щадили и для себя не просили пощады. Они, например, могли оказать ожесточённое сопротивление предкам банту, пытавшихся проникнуть сюда и завладеть железными рудниками Франсистауна, и те, как молодой этнос, находящийся в фазе подъёма, просто полностью уничтожили их, вместе с главным городом, мелкими поселениями, фермами и фруктовыми садами. Такое ведь бывает. Уничтожили же сами карфагенцы Тартес, да так, что современные археологи до сих пор не могут найти ни малейших следов его существования. Причём, это вовсе не означает, что Тартес это просто выдумка. Да и как могли выжить финикийцы среди чуждых им народов, малочисленные, но гордые деяниями их славных предков и достижениями собственной культуры? А я несколько не сомневаюсь, что финикийцы с презрением смотрели бы на окружавшие их «отсталые» племена бушменов, готтентотов и предков банту. Увы, так делает любой народ, достигший каких-либо успехов на пути цивилизации. И современные чванливые европейцы и американцы США наглядный тому пример. Так что, теоритически финикийцы вполне могли попасть в здешние края и основать город, который лежит теперь перед нами, погребённый под многометровым слоем земли.

Едва Владимир умолк, как Ирина с озорным блеском в глазах добавила:

– Хотите смеяться, хотите нет, но город финикийских колонистов раскапывать было бы намного интереснее, чем этот ваш «город средневековых банту». И при том, вы только подумайте какая это была бы сенсация. О нас заговорил бы весь мир. Вы только представте заголовки в газетах: «Успех русских археологов!», «Финикийцы в Южной Африке!» или «Раскрыта тайна копий царя Соломона!» и наши фотографии в них.

– Да-а, – только и смог протянуть Иван Юрьевич.

– Ох, молодёжь, мечты, мечты... – рассмеялся профессор Туманов и за ним последовали все остальные, включая и Владимира с Ириной.

Юрий, воспользовавшийся перерывом в разговоре и общим благодушным настроением, неспеша наклонился к куче хвороста, лежавшей рядом с ним, и, задумчиво глядя на мерцающие красные угли, подкинул в прогоравший костёр несколько сухих веток. Маленькие, голодные язычки огня, вначале небрежно облизнув, жадно схватили добычу и через несколько мгновений яркое пламя резко взметнулось ввысь, словно пытаясь вырваться на свободу, на желанный простор, оторваться от земли и уйти туда, вверх, к зовущему звёздному небу. Юрий,

внутренне уловив это желание, мысленно улыбнулся и подбросил в костёр ещё несколько веток, которые тот благосклонно и принял. Благодарный костёр весело загудел, затрещал, разбрасывая во все стороны мелкие искры, и приятным мерцающим светом осветил собравшихся вокруг него людей.

Тёплая волна воздуха приятно ударила в лицо, и Владимир, с наслаждением вдохнув несколько раз горьковатый аромат, подумал вдруг о том, что прошло вот уже столько тысячелетий с того момента, когда люди преодолев свой страх, вот также, как и они сейчас, впервые расселись вокруг пылающего костра, а та, вспыхнувшая в их сердцах любовь, любовь к огню, который дарит тепло, свет, уют и, ни с чем не сравнимое чувство покоя и безопасности, всё не проходит, незримо передаётся через гены сотен поколений, что непрерывно сменяют друг друга, и, наверное, уже не пройдёт никогда...

– Аркадий Александрович, – обратился к профессору Туманову Сергей, когда смех окончательно затих. – В книге, которую дал мне Иван Юрьевич, геологи высказывают предположение, что в этих самых местах, где мы сейчас находимся, когда-то существовало огромное озеро. Как вы думаете, та соляная равнина, вдоль которой мы ехали, и эта, лежащая у подножия холма с нашим городом, не могут ли они быть одним единым целым – дном того самого, древнего озера?

– Почему бы и нет, это вполне возможно. – Туманов задумчиво посмотрел на холм, обводя взглядом его очертания, словно любуясь им. – Все свидетельства путешественников прошлого говорят о том, что климат Южной Африки становится всё более и более засушливым, пустыня Калахари неумолимо наступает, а реки и озёра пересыхают. Озеро Нгами, ещё недавно, в девятнадцатом веке называли «внутренним морем». А теперь? А теперь это просто лужа, которую трудно назвать даже озером, не говоря уж про море... Посмотрим лучше на то, что есть у нас здесь и сейчас. Основание холма на востоке имеет характерную форму полумесяца, что очень похоже на изгиб береговой линии. Это видно невооружённым глазом, так что тут и большим специалистом быть не надо. Там же, как ты помнишь, Сергей, мы нашли на равнине останки африканских моллюсков, а это, согласишься, веский аргумент в пользу такого предположения. И будущие раскопки покажут – верно ли оно. А заодно мы и узнаем, – Туманов улыбнулся и посмотрел на Владимира и Ирину, сидевших рядышком словно пара голубков, – кто всё-таки построил город – банту или мифические финикийцы?

Больше споров не было и остаток вечера прошёл спокойно.

Ботсванцы после ужина сразу собрались около маленького переносного телевизора и весь вечер посвятили просмотру какого-то двухсерийного фильма, что включил им Юрий, достав из сумки недавно купленный DVD-диск. Они с азартом следили за развивающимися на голубом экране событиями и громко обсуждали сцены драк, погонь и перестрелок, переживая за главного героя, который, к их большой радости, неизменно выходил победителем из всех мыслимых и немысленных передраг.

Перед сном, одевшись потеплей, Владимир и Ирина немного погуляли. Сегодня они не пошли вдоль скал, по уже известной им тропинке, а направились к подножию холма, где покоился под слоем земли древний город, который непонятным образом притягивал их к себе и словно просил раскрыть все его тайны. У самого холма они остановились на несколько минут и осмотрелись, глубоко вдыхая вечерний воздух, который после дождя казался особенно свежим и чистым. Серебристый лунный свет, заливавший всё вокруг, придавал окружающей местности какой-то таинственный вид, и словно подсказывал, что сейчас самое время для влюблённых. Подсказка была услышана, Владимир и Ирина одновременно повернулись друг к другу и, через мгновение, их губы сами собой слились в жарком поцелуе...

Обратный путь занял у них втрое больше времени. Они медленно шли, прижавшись друг к другу и часто останавливались, чтобы, поддавшись чувствам, вновь слиться в одном долгом поцелуе.

Когда Владимир, проводив Ирину до её палатки, вернулся к себе, то увидел, что несмотря на поздний час его соседи, Сергей с Юрием, ещё не спали. Они лежали и молча слушали радио, причём Сергей ещё читал и книгу, что лежала у него на коленях. Изображал в общем Юлия Цезаря, хотя тот по слухам мог делать три дела одновременно, а не два... Увидев вошедшего Владимира, друзья сразу оживились и, забыв про свои дела, тут же шутливо поинтересовались как прошла их с Ириной прогулка. Не пристовал ли к ним кто? Не напали ли на них дикие звери? Не пыталась ли Ирина соблазнить его?

Владимир, взглянув на их хитрые рожи, на провакацию не поддался и отшутился в том же духе. Однако дальше эту тему развивать не стал, а быстро разделся и лёг спать.

Спать, правда, не очень-то хотелось, и Владимир, последовав примеру Сергея с Юрием, прислушался к голосу диктора, вещавшего по радио о последних новостях в мире. Новости передавались на английском языке и Владимир с удивлением узнал, что Сергей с Юрием владеют им не хуже его, если даже не лучше, и совершенно не нуждаются в переводчике. Вот что значит постоянная практика и непосредственное общение с людьми – так любой язык выучить проще... Через пятнадцать минут, когда зазвучала какая-то местная музыка, Сергей, привстав, выключил радиоприёмник и переключился на Владимира, который молча лежал с открытыми глазами.

– Владимир, раз ты всё равно не спишь, я вот о чём хотел тебя спросить. В книге, что дал нам Иван Юрьевич, нет ни слова про пассионарные толчки и про старость народов. Почему ты считаешь, что попади финикийцы сюда, они всё равно были бы обречены на вымирание? Почему они должны были погибнуть здесь?

Владимир ответил не сразу. Он ещё не отошёл от поцелуев Ирины и мысленно перебирал в памяти эти прекрасные мгновения. Казалось он ещё продолжал чувствовать на своих губах её мягкие, сладкие губки. Все его мысли были заняты ею и он уже всю мечтал о завтрашнем дне, об их новой встрече... Неожиданный вопрос Сергея спустил его с небес на землю. Тряхнув головой, чтобы прогнать приятные воспоминания и грёзы, он перевёл взгляд на ожидающего Сергея и тихим, усталым голосом сказал:

– Мой ответ прост: главная причина их гибели коренилась в них самих – старость этноса.

– Это понятно. Но в чём конкретно это выражается, – не сдавался Сергей. – Поясни.

«Вот же пристал, как репей», – беззлобно ругнулся Владимир и, показушно тяжело вздохнув, сел на кровать. Делать нечего – отвечать придётся, всё равно ведь не отстанут, черти. Вон даже Юрий уши наострил, эх, горе-археологи...

– Этнос, как коллектив людей, – неспеша начал Владимир, – всегда противопоставляет себя другим, таким же коллективам – этносам, строя отношения с ними по принципу: мы – они. В старости внутренние связи, спаивавшие этот коллектив в одно единое целое, рвутся и у людей теряется ощущение единства, чувство локтя со своими соплеменниками. Это особенно характерно для фазы обскурации. Люди, если можно так сказать, меняются в худшую сторону, все пороки человечества выходят у них наружу. Безудержный эгоизм, трусость, предательство, жестокость и вероломство, распушенность и безверие – вот что становится знаменем эпохи. Такое вы немного ощутили на себе, когда после распада СССР пришла демократия и капитализм. Честность, принципиальность, патриотизм и прочие атрибуты высокой морали стали враз не нужны, высшим мериллом успеха стали деньги. И не важно каким путём они были заработаны! Убийствами, вымогательством, воровством, торговлей своим телом и душой – без разницы! Нет денег – ты лох, неудачник, быдло и, наконец, просто дурак! Везде беззаконие и коррупция... Народ сам по себе, а правительство с кучкой олигархов и ненасытной армией чиновников сами по себе. И доверия к друг другу у них нет. Видели такое у нас? – Дождавшись дружных кивков Сергея с Юрием, Владимир грустно усмехнулся и продолжил: – И то, что творилось и творится у нас сейчас только цветочки, всё может быть гораздо хуже. Пассионариев становится слишком мало, чтобы определять нравы в обществе; их даже не хватает для

защиты от внешних врагов. Верить никому нельзя. Предадут, оболгут... Доходит порой даже до того, что своих надо опасаться больше, чем иноземных врагов. В государстве начинаются внутренние распри и им нет конца. Этнос губит сам себя. И как говорится в Библии: «и встанет брат на брата, а сын на отца». Кровь начинает литься рекой... А если к внутренним рапням добавить ещё целенаправленную агрессию соседей и природные бедствия: засуху, наводнения, истощение полей и так далее, то – гибель неизбежна. Сразу скажу – не всем этносам удаётся пережить эту страшную фазу, фазу обскурации.

Поясню. Этнос, в некотором смысле, можно сравнить с человеком. Сможет ли мужчина, которому сорок или, пусть даже, пятьдесят лет постоять за себя? Я думаю, да! А если ему семьдесят или все восемьдесят? Силы безвозвратно ушли и былая мощь сменилась дряхлостью, а здоровое некогда тело разъедают всевозможные болезни: «барахлит» сердце, отказывают печень и почки, плохо видят глаза, не ходят ноги. Так и у старого этноса – идёт закономерный распад единого некогда организма. Таков закон природы: всё что рождается когда-то – неизбежно умирает. Вечно ничего нет.

Вот вам простой пример. Римская империя имела прекрасно организованную военную машину. Многочисленные, хорошо обученные и вооружённые армии защищали её от любой агрессии извне. Но постепенно, вместе со старением римского этноса, я имею в виду население именно Аппенинского полуострова – италиков, боеспособность легионов стала падать, а, вдобавок к этому, возникла ещё одна крупная проблема – трудность с комплектованием армии. Римляне просто не хотели воевать. Кому это было надо и зачем? Знать утопала в роскоши и искала наслаждений в изысканных обедах, тонких винах, красивых женщинах, в противоестественных пороках и разврате, а разорявшиеся италийские крестьяне – основа досели непобедимых легионов – пополняли ряды люмпен-пролетариата, но, отнюдь, не армии и жаждали только одного: бесплатного хлеба и зрелищ, мерзких и жестоких. Но пока Римская империя сохраняла регулярную армию, она жила. Ведь не секрет, что регулярная армия сильнее необученного ополчения, пусть даже состоящего из молодых пассионариев, рвущихся в бой. И римляне громили находившихся в фазе подъёма готов, даков, маркоманов и иудеев. Пусть с большими трудностями и потерями, но громили. И так продолжалось до 378 года, пока в страшном сражении под Адрианополем с восставшими готами римляне не потеряли свою последнюю кадровую армию. Император Валент и сорок тысяч воинов остались на поле боя. Эти ужасные потери уже нечем было компенсировать и последующие римские императоры были вынуждены вместо римлян набирать в войска всё больше и больше варваров, которым Рим и империя были не очень-то и нужны. Враги не простили ослабевшим от старости римлянам их былого величия. Их просто физически истребили, вместе с греками и населением бывших карфагенских колоний в Северной Африке. Лишь немногочисленные остатки этих народов вошли в состав других, более молодых этносов, пережив кошмар двух столетий прошедших после падения Рима. А вот Восточная Римская империя уцелела и всё потому, что по её территории прошёл новый пассионарный толчок и там появился новый этнос, который мы называем византийцы. И византийцы полностью прожили свой срок отпущенный им природой – почти полторы тысячи лет, до 1453 года, а затем исчезли уступив место другому этносу – современным туркам.

Владимир глубоко вздохнул и продолжил:

– А что было у нас, на Руси в фазе обскурации, когда пришли монголы? Неприкрашающиеся уособицы, вражда между отдельными княжествами, а не только между князьями с их дружинами. Черниговцы враждовали с киевлянами; это именно они взяли Киев на шит в 1204 году и разграбили, да так, что город не оправился и к нашествию Батыя. Суздальцы громили рязанскую землю, и каждый радовался любой беде соседа. И к концу горестного тринадцатого столетия, помнили ли рязанцы, суздальцы, полочане, новгородцы, волыняне и другие о единой Руси, ощущали ли себя единым народом или всё это осталось только в прошлом, в ветхих

листах древних рукописей да в головах летописцев? В час беды никто не пришёл на помощь соседу – все сражались и умирали по одиночке.

Тяжело это признавать, но боеспособность русских войск в тринадцатом веке падала, несмотря на увеличение численности. Доказательством может служить разгром на реке Калке и последующие бои с монголами. Гордые слова князя из древнерусских былин: «Родился ли на земле и ходит ли под солнцем тот человек, что смог бы подчинить себе силу нашу?» – увы, остались в далёком прошлом. Вместо храбрых, отважных и дисциплинированных воинов появились тихие обыватели, которым не нужны ни ратные подвиги, ни дальние походы. И их с годами становилось всё больше и больше. В обскурации смелость сменяется трусостью, великодушные – жестокостью, стойкость и мужество – предательством и вероломством, а любовь к Родине – шкурничеством и близоруким эгоизмом.

– Вам, – обратился Владимир к Юрию и Сергею, внимательно слушавших его, – прекрасно известно, что не каждый мужчина – воин. Тут нужен бойцовский дух и характер. И крайне важно само желание сражаться. Сражаться по собственной воле, а не по принуждению. И вам, в вашем спецназе, когда каждый день рискуешь жизнью, было особенно важно знать, что твой боевой товарищ тебя не подведёт, что он не струсит и не бросит тебя в беде.

Сергей с Юрием с пониманием кивнули.

– Это так, – тихо ответили они, о чём-то вспоминая. Видимо что-то из своего нелёгкого боевого прошлого...

– А пассионарии, как правило, и являются наиболее смелыми, стойкими и верными воинами. Им дороги такие абстрактные понятия как: честь, свобода, независимость, слава. И если в этносе пассионариев осталось мало – жди беды. Поэтому я думаю, что если бы финикийцы попали бы сюда, то они с большой вероятностью смогли бы прожить здесь до четвертого или пятого века, а затем погибнуть в схватках с «молодыми бантами», так как я не верю в то, что они смогли бы стать друзьями.

– Постой, Владимир, но ведь если есть деньги, то можно создать наёмную регулярную армию, которая и будет сражаться, – внёс предложение Юрий. – Ты же ведь сам говорил, что профессионалы сильнее дилетантов-ополченцев.

– Это не выход! – Владимир печально покачал головой. – Наёмная армия дорога, а если ещё и целиком состоит из иноземцев, особенно этнически однородных, то и крайне ненадёжна. Ведь если нет сил держать наёмников в узде под жёстким контролем, то они запросто могут стать хозяевами твоих же земель. Это, собственно, и произошло, когда римляне стали приглашать на военную службу целые варварские племена, а затем позволили им создать на землях империи собственные королевства. Дальнейшее вам прекрасно известно: варвары и уничтожили ослабевших римлян.

Наёмная армия не может позволить себе роскошь терпеть поражения, в этом её главная слабость. А вам ведь прекрасно известно, что сражения не всегда выигрываются. Случаются и поражения. А зачем терять голову, если враг силён и ему можно с большей выгодой продать свои мечи? Деньги не пахнут, а Родины у наёмников нет! Им можно пообещать большую награду за храбрость и мужество, но нельзя призвать к подвигу!

Люди не машины, и в зависимости от обстоятельств они сражаются совсем по-разному. Вспомните сейчас школу и известный вам роман А. Н. Толстого «Война и мир». Сравните: как сражались русские войска под Аустерлицем и на Бородинском поле.

Владимир выпрямил спину и гордо вскинул голову. Глаза его казалось засветились от возбуждения, лицо буквально застыло в каменной маске и слова, рвущиеся из глубин его души, зазвучали в тишине палатки непревечно жёстко и резко.

– Наёмники! – кипит от возмущения, выпалил он. – Как можно представить каких-то наёмников на Куликовом поле, когда решалась судьба России на многие сотни лет вперёд?! Это когда исход сражения был совершенно неясен! Когда всем было известно, что войск у Мамаю

намного больше, чем смог собрать Дмитрий Донской! Когда ещё не был развеян миф о непобедимости монгольской конницы! Что мог сделать тогда великий князь Дмитрий?! Только одно! Потребовать от своих воинов подвига, величия, жертвенности и отречения! Да-да, именно потребовать! В этом был его долг, долг как главнокомандующего и верховного правителя! Он обязан был так поступить! Так и никак иначе! Я не знаю, о чём говорил Дмитрий Донской, объезжая свои войска перед сражением, но искренне верю, что именно об этом! Скажи он в эти роковые минуты, что даст своим воинам три дня на разграбление лагеря Мамаю да по красивой татарке на пятерых, его просто бы не поняли. Потому что каждый русский ратник, стоявший перед ним, чётко знал, зачем и почему он пришёл сюда, на это поле. На Куликово поле!

Владимир обвёл своих слушателей невидящим взором и, словно войдя в роль, продолжил:

– Мне кажется, что я сейчас явственно слышу суровый, властный голос великого князя Дмитрия. Он гордо сидит на своём скакуне и, высоко подняв меч, обращается к войскам... «Воины! Защитники земли Русской! Перед вами стоит враг! Враг, что уже полторы сотни лет топчет нашу землю! Голоса порубленных мужиков, стенания и плач уводимых в полон женщин и детей, крики насилуемых девушек и плач самой земли Русской доносятся сейчас до вас сквозь десятилетия! Они взывают к вам! В ваших руках сейчас не только жизни ваших жён, детей и матерей, но жизни и судьбы ещё не рождённых поколений! Вы можете! Вы просто обязаны сокрушить врага! Верните величие и славу предков! Отчими могилами и святыми крестами православных храмов наших я заклинаю и требую от вас мужества и подвига! Подвига во имя жизни! Мы должны победить! Мы не имеем права проиграть! Мы не имеем права погибнуть здесь и оставить на поругание врагу землю нашу! Каждый из вас сегодня должен сражаться за двоих, за троих! Помните! За нами Святая Русь! С нами Бог и правда!»

Сергей с Юрием ошалело уставились на Владимира, но прерывать его не решались. Уж больно красиво и ... прадоподобно, что ли, говорил он сейчас голосом легендарного князя Дмитрия Донского...

– И русские войска ответили на его призыв. И в этом страшном, необычайно жестоком и кровопролитном сражении они сокрушили огромную армию Мамаю и навсегда развеяли миф о непобедимости монголов! Они совершили подвиг, подвиг, который навсегда сохранится в памяти потомков. И об этом подвиге будут помнить, пока на Земле останется хотя бы один русский человек. А день восьмого сентября тысяча триста восьмидесятого года можно смело назвать официальным днём рождения России. И я искренне надеюсь, что мы не скоро разделим судьбу великих римлян. И никакие чужеземные наёмники нам не понадобятся. Никогда! Мы в силах защитить себя сами!

Владимир устало замолчал и посмотрел на своих слушателей. Увидев их обалдевшие рожи, он смутился и тихо пробормотал:

– Простите, увлёкся малость...

– Да уж, малость, – усмехнулся Юрий и тут же выпалил: – А всё равно, здорово это у тебя получилось.

– Я словно сам на том Куликовом поле побывал, – поддакнул Сергей и, видя смущение Владимира, торопливо добавил: – Нет, нет, правда, просто здорово у тебя получилось. Даже до нас, вечных троечников, теперь дошло, что тогда произошло там. Обидно, что у нас сейчас о Великой отечественной войне стали забывать, не говоря уж про героев более давних битв. Коротка и неблагодарна порой память людская...

– Это точно, – с обидой сказал Юрий. – А парней, что погибли более десяти лет назад в боях с чеченцами и прочими наёмниками-арабами, уже сейчас позабыли... Мой старший брат погиб там... Никто о нём и не помнит, кроме родителей и меня...

На это утверждение, увы, никто возразить не смог. В воздухе повисла задумчивая тишина.

Говорить больше ни о чём не хотелось, каждый лежал со своими мыслями и воспоминаниями. Поворочавшись немного, археологи пожелали друг другу «спокойной ночи» и легли спать, завтрашних дел ведь никто не отменял.

Глава седьмая

Утром Владимир, несмотря на короткий сон, проснулся бодрым и свежим. И, главное, в прекрасном настроении. Какое-то шестое, али там седьмое чувство уверенно подсказывало ему, что день сегодня будет необыкновенно удачным. И казалось, сама природа спешила убедить его в этом предчувствии. Он радостно оглядел высокое голубое небо без единого облачка и широко улыбнулся весёлой игре озорных солнечных зайчиков, что прыгали по стенкам палаток, отражаясь от чисто вымытых стёкол «вахтовки» (Джек с утра времени даром не терял). Древние красные скалы всё также стремительно взлетали ввысь и грозно возвышались над лагерем, но даже в них сегодня появилось что-то приветливое. Растения, получившие вчера живительную влагу, теперь радовали взгляд сочными, яркими красками; они казалось значительно подрали за ночь, стали ещё пышнее, грациознее и словно посылали во все стороны призывы к любви, к жизни, к счастью... И лучезарная улыбка Ирины, вкупе с пленительным взором её бесподобных синих глаз, окончательно укрепила в нём веру в это доброе предчувствие.

Умывшись, он сделал короткую пробежку вокруг лагеря, а затем, выполняя данное себе вчера обещание, потренировался в метании ножей (их у Сергея с Юрием был целый комплект – ровно десять штук), пока они были ещё свободны – их хозяевам ещё предстояло завершать свой ежедневный пятикилометровый забег. Из десяти ножей в первом подходе шестеро точно поразили цель, коей являлся небольшой круг, нарисованный на деревянной крышке, вырванной из ящика из под мясных консервов. Результат очень порадовал Владимира – вчера попаданий было только четыре. «Неплохо, очень даже неплохо», – радостно подумал он, приступая к новой попытке...

Дальше всё пошло по расписанию. Археологи плотно позавтракали и, оставив одного ботсванца готовить обед, дружно сели в машину. Все просто горели от нетерпения начать работу. Через двадцать минут они уже были на месте.

Под жаркими лучами солнца земля быстро высыхала; от траншеи, где велись вчера раскопки, поднимались хорошо заметные влажные испарения. На равнине правда ещё кое-где поблёскивала в мелких лужицах вода, но это было ненадолго – через час от неё не останется и следа.

Вновь аккуратно расстелили брезент у края раскопа, и вскоре нетерпеливые руки археологов начали просеивать влажную землю. Кому же из них сегодня первому улыбнётся удача? Каждый искренне надеялся, что именно ему, а не соседу рядом, что было бы обиднее вдвойне... Однако, вскоре, работу пришлось прекратить – сразу в нескольких местах лопаты вскрыли чёрный пласт. Профессор Туманов и доктор Селиванов поспешили к находкам. Не боясь запачкать брюки, они опустили на колени и, осторожно отгребая руками взрыхлённую землю, принялись осматривать чёрный прослой.

– Ну что там, Аркадий Александрович? – не в силах сдержать любопытства, спросила Ирина, наклонившись над краем раскопа.

– Пепел, – коротко ответил он и, взяв у одного из ботсванских рабочих лопату, принялся осторожно убирать красноватую почву, чтобы обнажить слой пепла на как можно большей площади. Через мгновение к нему присоединился с лопатой и Иван Юрьевич. Остальные же молча стояли, внимательно следя за их действиями, и терпеливо ждали результатов их работы. Впрочем, помощь старым археологам и не требовалась – они работали на удивление быстро и чётко.

– Ну что ж, прекрасно, прекрасно... – пробормотал Туманов, обнюхивая кусочек пепла, – надо бы взять только несколько образцов для датировки...

– Обязательно, – отозвался Иван Юрьевич и, не откладывая дело в долгий ящик, взял несколько образцов, которые и передал Ирине. Затем в нескольких местах измерил глубину, на которой нашли слой пепла.

Ирина аккуратно записала в своей тетрадке все цифры и отметила на плане те места, где были взяты пробы.

Обследование слоя пепла показало, что он залегает по всему горизонту траншеи, а его толщина колеблется от одного до шести сантиметров. Предположение, что это древний очаг, пришлось отбросить сразу – слишком уж большая площадь...

Владимир подал Ивану Юрьевичу фотоаппарат и тот быстро сделал несколько снимков.

– А теперь давайте проверим раскоп металлоискателем, – предложил Иван Юрьевич, отдавая Владимиру фотоаппарат. – Может он сообщит нам о чём-нибудь интересном...

Однако проведённое обследование показало, что металла под слоем почвы нет. Ничем не выдав своего разочарования, профессор Туманов приказал копать дальше и через двадцать минут сам сделал первое открытие в руинах древнего города.

– Бусина! – радостно закричал он, показывая всем лежащий на ладони крошечный стеклянный шарик. Он несколько раз протёр его пальцами, очищая от земли, и маленькая голубая бусинка ярко заблестела на солнце.

Все бросились к профессору Туманову, который с детским восторгом разглядывал драгоценную находку. Широкая улыбка так преобразила его лицо, что некоторые начали сомневаться – действительно ли это их «суровый профессор», как шутливо называли они его промеж себя. Под «некоторыми» подразумевались Владимир с Ириной, да Сергей с Юрием. Ботсванцы к их числу не относились – они всегда уважительно относились к Туманову, обращались к нему только «господин профессор» и никаких шуточек в его адрес себе не позволяли... Поздравления сыпались со всех сторон и счастливый Туманов едва успевал отвечать на них.

Ирина первой взяла находку из рук дяди, успев при этом поцеловать его в щёку. Остальные столпились вокруг неё, с интересом разглядывая бусину – послание из далёкого прошлого. Оставалось только понять – о чём говорило оно...

Туманов, принимая от Ивана Юрьевича поздравления, молча пожал протянутую руку, мельком взглянул на своих молодых коллег, а затем неожиданно признался:

– Честно говоря, эта первая находка меня, мягко говоря, весьма и весьма удивила. Признаться, я несколько обескуражен...

Иван Юрьевич понимающе посмотрел ему в глаза, затем бросил быстрый взгляд на радостную Ирину и, пожимая плечами, тихонечко сказал:

– Я так понимаю, у тебя мелькнуло подозрение, что эта голубая бусинка могла принадлежать финикийцам?

Профессор Туманов еле слышно вздохнул и неохотно кивнул в знак согласия.

– Вздор! Чистая случайность! Конечно, я, как и ты, знаю, что голубые бусинки были особенно любимы финикийцами. Но не думаю, что наша имеет хоть какое-нибудь отношение к ним. Хотя, признаюсь, наша первая находка и меня сильно удивила. Я ожидал найти что-нибудь более прозаическое: глиняный горшок, например, или, что ещё более вероятно, его обломки... Ладно, будем надеяться, что это не последняя наша находка на сегодня.

После того, как археологи немного успокоились, раскопки продолжились. Только с куда большим энтузиазмом. Что и понятно... Однако Туманов, увидев как быстро замелькали лопаты в руках его помощников, тут же попросил всех умерить свой пыл, а то как бы скорость не повлияла на качество. «Терпение, методичность и внимание – вот что в первую очередь нужно археологу!» – строго напомнил он им.

Предупреждение возымело действие: лопаты стали мелькать помедленней, а вот азарта стало, кажется, ещё больше. Ожидание новых находок буквально висело в воздухе...

Через полчаса счастье улыбнулось Ивану Юрьевичу, который с величайшей осторожностью извлёк из земли обугленный кусок кости.

– Человеческая? – спросил Владимир, с некоторой завистью поглядывая на торжествующего коллегу.

– Возможно, – уклончиво ответил Иван Юрьевич, внимательно осматривая находку, которую затем, с величайшей осторожностью, словно боясь, что она рассыпется в прах, передал Аркадию Александровичу. – Она очень похожа на кость от руки человека, – он похлопал себя по руке, чуть повыше локтевого сустава, – но клясться не буду. Всё остальное, очевидно, сгорело. Покапаю ещё... Может быть ещё что-нибудь найду...

Но его надеждам не суждено было сбыться. Через десять минут он выпрямился и разочарованно развёл руками.

Следующие часы принесли только три находки: два кусочка кости (тоже возможно человеческой, но утверждать, что это именно так, не брался никто из-за слишком маленьких размеров) и глиняный сосуд непонятного назначения, разбитый на семь крупных и множество мелких осколков. Правда, рядом со стеной нашли ещё два каменных блока, аналогичных тем, из которых она была сложена. И они лишний раз доказывали, что крепостная стена была сознательно разрушена. И можно было даже не сомневаться, что рядом с стеной, у её подножия, будет найдено ещё множество таких вот каменных блоков. Больше всего их должно было оказаться у внешней части стены, потому как она оказалась ниже внутренней на целых пять рядов. Что и понятно, куда ещё девать такую прорву каменных блоков при разрушении стены – шести-метровой толщины! – как не сбрасывать их вниз?

– По всей видимости, город был взят приступом, а затем сожжён и разрушен. Победители разрушили его стены, а уцелевших жителей увели в плен или перебили, – высказал предположение Владимир, глядя как Иван Юрьевич вместе с Сергеем и Юрием пробуют поднять каменный блок.

Это предположение возникло у него давно, но он боялся высказать его вслух, чтобы не быть осмеянным. Ему нравилась сама мысль о том, что город, его таинственный город, был взят приступом только после многочисленных отчаянных штурмов неприступных стен. И только затем, после ожесточённых многодневных уличных боёв с последними защитниками, враг разрушил последнее, что осталось от непокорного города. В общем, его смелое воображение рисовало картины, взятые им из героической обороны Карфагена, который два года мужественно сопротивлялся огромной римской армии Эмилиана Сципиона. И, даже, когда обозлённые долгой осадой римляне, наконец, ворвались в объятый пожарами город, то его жители ещё целую неделю вели ожесточённые уличные бои, не прекращавшиеся ни днём ни ночью, пока не пал их последний бастион – центральное укрепление Карфагена – Бирса. Он не хотел верить, что жители этого города уподобились последним римлянам, которые без боя отдали Рим на разграбление и унижение немногочисленным вандалам. Это слишком бесславный и позорный конец...

Туманов и Селиванов, вздохнув, нехотя высказались на тему, что такая версия вполне правдоподобна и что возможно так оно и было. Однако Ирина, лукаво взглянув на Владимира, тут же язвительно выдала:

– Ваше смелое заключение основано на находках нескольких обгорелых кусочков костей непонятного происхождения да двух валяющихся у стены камней, не так ли, коллега? Что ж, очень смелое утверждение. Но может быть тут сгорел какой-нибудь полуразвалившийся сарай местной «бабушки Лукеры», который и в голову никому не пришло восстанавливать? Сгорел – да и чёрт с ним! А вы сразу – город сгорел!

– Ну да, а красивая, очень похожая на тебя горожанка, хранила в этом сарае глиняный горшок со своими украшениями, от которых осталась только одна голубая бусинка, причём явно финикийского происхождения, – в ответ поддразнил её Владимир.

Ирина только весело улыбнулась, а затем скорчила ужасную рожицу и показала Владимиру язык.

Глядя на их дурачество, Туманов только понимающе усмехнулся в усы – любят ведь друг друга, черти, и когда только успели? Ох молодость, молодость...

Больше открытий не последовало, и к вечеру археологи вернулись в лагерь, весьма и весьма довольные своими первыми находками.

* * *

На следующий день экспедиция разделилась: Иван Юрьевич, Владимир, Сергей и трое ботсванцев остались на старом месте, а профессор Туманов с остальными отправился к восточной стене. Там в районе предполагаемого порта и нижнего города – аналогу посада в древнерусских городах – он рассчитывал найти жилища бедных горожан и кучи бытового мусора, которые могут больше рассказать о повседневной жизни города, чем все золотые украшения из дворца правителя...

Владимиру очень не хотелось расставаться с Ириной, но работа есть работа... и тем прекраснее казалась ему долгожданная встреча вечером, после длинного-предлинного дня разлуки. Ведь теперь все вечера они проводили вместе и расставались только тогда, когда расходились по своим палаткам спать. Гуляя, они рассказывали о себе, о своих родных и близких, о своих увлечениях и интересах. И тут оказалось, что у них очень много общего. С каждым новым днём, с каждой новой встречей, Владимир всё сильнее и сильнее влюблялся в Ирину и был безумно счастлив от того, что она отвечает ему взаимностью. Но одновременно тем тяжелее становились для него минуты расставаний. Он долго не мог оторваться от мягких губ девушки, стараясь подольше растянуть последние мгновения счастья и, едва проводив её до палатки, уже начинал мечтать о новой встрече.

Иван Юрьевич оказался отличным специалистом, прекрасно знавшим все тонкости ведения археологических раскопок, и, через несколько часов работы с ним, Владимир напрочь позабыл о своём сожалении, что не попал в бригаду профессора Туманова. Весёлые шутки, анекдоты и забавные истории сыпались из уст Ивана Юрьевича как из рога изобилия, а в перерывах между ними он показывал как правильно использовать незамысловатые орудия археолога. Не лопату, конечно, а щётку и кисточку. Владимир с Сергеем оказались способными учениками и схватывали всё, как говорится, на лету. Конечно, по большей части, Владимир и так всё это знал, но повторение, как известно – мать учения, а бывший спецназовец учился всему новому с неподдельным интересом, справедливо полагая, что лишние знания ему не повредят, к тому же это ведь так интересно найти что-нибудь полезное...

Во второй половине дня они заложили новую траншею. Недалеко, всего в сорока метрах от первой. В старой, увы, существенных находок, больше сделать не удалось. К большому сожалению Владимира и Сергея.

Иван Юрьевич только посмеялся, глядя на откровенно унылый и потерянный вид своих молодых помощников, совершенно обескураженных отсутствием новых находок.

– А что вы, собственно, хотели? – обратился он к ним, хитро прищуривав один глаз, и, как бы радуясь своей догадливости, тут же сам же и ответил на свой провакационный вопрос: – Ах, да! Ну, конечно, вы же мечтали о золоте, о бриллиантах и прочих разных сокровищах, которые, по вашему мнению, должны распалагаться в пределах главных стен города? Но, увы, должен разочаровать вас, молодые люди, скорее всего эту часть города древние жители держали в идеальной чистоте и, соответственно, шансов сделать важные находки здесь гораздо меньше,

чем в нижнем городе, где работают наши коллеги. Там, где находились дома простых горожан, должны остаться горы разбитой посуды, негодного оружия и украшений, изделия ремесленников и предметы местного торга – в общем, всё то, что имело отношение к повседневной жизни исчезнувшей цивилизации. Да, находок у них будет больше, но и вы надейтесь на удачу. Тем более, что вы первый раз копаете, а новичкам обычно везёт. Как в рулетку. И, к тому же, как вы помните, металлоискатель показал наличие здесь металла... В общем, выше нос, не повезло сегодня – повезёт завтра. Хватит хандрить, за работу, молодёжь...

Как ни странно, но Иван Юрьевич оказался пророком и на следующий день им действительно повезло. Они снова наткнулись на слой пепла, который ранее обозначили за уровень I. Этот слой, как и в соседней траншее, располагался по всему горизонту и имел толщину от трёх до пяти сантиметров. Незамедлительно взяли новые пробы пепла и пошли углубляться дальше со всеми мерами предосторожности. Первому повезло Сергею, работавшему несколько в стороне от других археологов. Он с победным кличем извлёк свою находку из земли. Все немедленно обступили счастливого, пытаясь с ходу определить что же он нашёл.

– Это меч! Самый настоящий! Настоящий древний меч! – возбуждённо кричал Сергей, радостно показывая всем кусок сильно корродированного металла, который действительно напоминал по форме обломок меча – рукоять с перекрестием и остатком лезвия длиной около пятнадцати сантиметров

Иван Юрьевич внимательно осмотрел найденный Сергеем кусок металла и пришёл к такому же заключению. Это действительно был обломок меча. Железного меча. Затем он повернулся к Сергею и торжественно поздравил его с первой в жизни археологической находкой. Владимир дружески похлопал виновника торжества по плечу и, с трудом сдерживая смех, пожелал удачи в дальнейших поисках, а затем добавил, что «почётную грамоту» занесёт вечером. Сергей, смеясь, тут же шутя ткнул его кулаком в бок. Владимир притворно заохал, но оба были донельзя довольны находкой – всё-таки они работали в одной команде. К тому же именно Владимир посоветовал ему копать в этом «счастливом» месте.

Пока молодые археологи дурачились, Иван Юрьевич неспеша произвёл необходимые замеры, отметил на схеме раскопа то место, где был найден меч, и сделал несколько фотоснимков, в том числе и счастливого Сергея со своей находкой.

Удача Сергея подхлестнула остальных: к работе все приступили с куда большим энтузиазмом... Через двадцать пять минут Владимир нашёл изящный бронзовый нож с рукояткой в виде рыбьего хвоста, а ботсванец Куэт, минутой позже – человеческую кисть, сломанную в двух местах. Нож, как ни странно, оказался в превосходном состоянии, с острым лезвием, которым можно было резать и сейчас. Чувствовалось, что его изготовил настоящий мастер, и все невольно посмотрели на человеческую кисть, найденную в метре от ножа. Не она ли держала его последней?

Ещё через час, Сергей откопал изрядно помятый медный горшок, весь позеленевший от старости и лишённый каких-либо украшений. А перед самым отъездом Иван Юрьевич нашёл наконечник копья с обломанным древком. Дерево давно рассыпалось в прах, но несколько кусочков сохранилось и их взяли для определения возраста находки. Сам наконечник сохранился едва ли лучше: ржавчина изъела его до дыр, но листовидная форма всё же угадывалась.

– Так что будет нам чем похвастаться сегодня вечером перед бригадой уважаемого профессора, – весело сказал Сергей Владимиру в конце рабочего дня и довольно потёр руки. – А тебе ещё и перед Ириной нельзя лицом в грязь ударить, иначе скажет, что ты плохой добытчик... – он задорно подмигнул новоявленному «Ромео». – Но сегодня можешь смело показывать ей бронзовый нож, им не стыдно похвастаться. Кстати, очень даже хорошо, что ты нашёл именно нож, а не мой помятый медный горшок, его разве что только под койку ставить в качестве ночного... Но самое главное, помни, если найдёшь вдруг бриллиантовое кольцо местной

принцессы, то Ивану Юрьевичу не показывай – дари сразу Ирине! И тогда своё сердце она трчно отдаст тебе...

– А что, хороший совет, – поддержал его Владимир. – Я, пожалуй, так и сделаю. Это ты, Серёга, здорово придумал.

– А то. Я знаешь порой каким умным бываю. Сам себе удивляюсь... А за Иваном Юрьевичем глаз да глаз нужен. Он опытный ловелас, первым украшение подарит и отобьёт девушку. Ищи потом ветра в поле.

Они оба вдруг представили себе маленького, толстенького доктора Селиванова, похожего в своих светло-серых брюках и такого же цвета рубашке с короткими рукавами на типичного английского колонизатора – для полной картины не хватало только пробковой шляпы! – в роли современного сердееда, переглянулись и дружно расхохотались.

– А вот, наконец, и машина с нашими соперниками, – минуту спустя сказал Сергей Владимиру, указывая на показавшуюся из-за холма «вахтовку». Затем, с довольным видом потирая руки, он весело подмигнул подошедшему Ивану Юрьевичу: – Ну что, утрём сегодня нашим конкурентам нос?

– Вечер покажет: кто кому нос утрёт, – устало ответил Иван Юрьевич. Он вытер платком вспотевшее лицо и тихо пожаловался: – Ох, до чего же не люблю жару... Чувствуешь себя как в хорошей сауне, только вот бассейна с холодной водичкой тут нет. Хоть бы дождь снова пошел... – он умолк и с тоской обратил свой взор к высокому голубому небу, на котором, по-прежнему, как и весь сегодняшний день, не было ни одного облачка. Поняв, что его тайным надеждам сбыться не суждено, он только тяжело вздохнул и снова провёл платком по лицу.

Сергей с Владимиром сочувственно посмотрели на него – им самим жара не доставляла никаких неудобств, хотя в бассейне с прохладной водичкой и они бы с удовольствием поплескались...

Как только «вахтовка» остановилась, бригада Селиванова быстро залезла в кузов и через двадцать минут машина с весело болтающими между собой археологами уже подъезжала к лагерю. Но едва она остановилась, как каждая бригада с таинственным видом и многозначительными улыбками забрала свои ящики с находками и перенесла их на склад. Все уже знали, что вечером, после ужина, состоится небольшая импровизированная научная конференция, на которой можно будет похвастаться успехами друг перед другом и обсудить находки. А интерес к раскопкам был велик, и не только у русских, но и у ботсванцев, которые с удовольствием пополняли свои знания по истории родной земли. И русские археологи, видя их интерес, считали своим долгом помочь им в этом. Кто знает, говорили они, может быть и из них кто-то станет впоследствии известным археологом и помянет их потом добрым словом... Все ботсванцы были ещё молодыми и на такой вариант вполне можно было рассчитывать.

Профессор Туманов и доктор Селиванов, проводив взглядом уносимые ящики, не могли сдержать улыбок при виде таких приготовлений – но препятствовать развлечению молодёжи не стали. Мелкие радости порой тоже приносят много удовольствия... Они вкратце ознакомили друг друга с результатами сегодняшних раскопок и высказали своё мнение о них.

– В общем, за три дня работы, у нас более чем достойные результаты. Нам будет что показать Вадиму Дмитриевичу, – сказал в заключение беседы Туманов и посмотрел на свои наручные часы. – Надеюсь, он всё же прилетит к нам сегодня, как и обещал.

– Да, думаю, мы вполне оправдали его надежды, – согласился с Тумановым Иван Юрьевич. – Нам грех жаловаться, доказательства, что город это реальность, а не миф у нас теперь имеются. Вадиму Дмитриевичу будет что показать своему начальству в Москве. В этом плане мы не подвели его...

– Это меня очень и очень радует, не хотелось бы подвести друга.

– Ладно, хватит о делах, – устало махнул рукой Селиванов, с тоской глядя на синее небо. – Пойду лучше умоюсь и переоденусь. Проклятая жара: вся спина мокрая... А в Москве сейчас мороз, море снега и новогодняя елка. Лепота!

– Я тоже люблю зиму, – неожиданно признался Туманов. – Всё детство на лыжах прокатался. Да и сейчас бы с удовольствием с горки скатился... Жаль, но не получится: здесь, в Ботсване, снег выпадает лет этак раз в семьдесят, если не больше. Да и то, по-большой части в южных районах...

– Думаю, не стоит нам об этом жалеть, – улыбнулся Иван Юрьевич. – Снег нам сейчас точно не нужен – одеты-то мы явно не по зимнему. А что такое настоящий мороз мы слишком хорошо знаем. Поэтому, не будем бросаться из крайности в крайность.

– Не будем, – со смехом согласился Туманов. – Пусть лучше уж жара и чистое ясное небо. Как сейчас.

Через час Джек, как прирождённый охотник, первый заметил среди ясного голубого неба маленькую чёрную точку – это летел долгожданный вертолёт Дербинёва.

Точка быстро увеличивалась в размерах и вскоре пилот ловко посадил крылатую машину на ровную площадку в восьмидесяти метрах от лагеря. Из вертолёта, рассчитанного на перевозку нескольких человек, легко выпрыгнул только один человек – сам Вадим Дмитриевич Дербинёв. Прижимая рукой шляпу, взятую словно из старых фильмов про ковбоев, он быстрым шагом направился к встречавшим его археологам. Пока он шёл, пилот успел заглушить двигатель и слова приветствия прозвучали уже в полной тишине.

– Здравствуй, Вадим Дмитриевич! – радостно улыбаясь, сказал Туманов, протягивая руку. – Здравствуй, дорогой.

Дербинёв с удовольствием пожал протянутую руку, крепко обнял старого друга, а затем тепло поздоровался с остальными археологами. В лагерь он шёл вместе с Тумановым, чуть отстав от остальной группы.

– Да я смотрю раскопки и свежий ветер явно пошли тебе на пользу, – широко улыбнувшись, заметил Дербинёв, окидывая оценивающим взглядом крепкую фигуру профессора. – Нет, не зря, не зря я тебя сюда выманил. Ты прекрасно выглядишь, Аркадий. Мне кажется ты помолодел лет так на десять.

– Ну скажешь тоже, на десять... на все пятнадцать! – весело ответил Туманов и засмеялся. Он очень рад был встрече со старым другом и, к тому же, ему было чем сегодня порадовать его.

– Да, правильно, на все пятнадцать, – не стал отрицать Дербинёв. – Истинно так.

– Ой, забыл спросить, а ты надолго к нам? – поинтересовался Туманов у друга. – С ночёвкой, как обещал?

Дербинёв, прервав рязглядывание лагеря, виновато развёл руками:

– Извини, Аркадий, в моём распоряжении только три часа. Потом, к сожалению, я должен буду улететь. Вижу что огорчаю тебя, но, поверь, я не всегда хозяин своего времени. Проклятые дела... Но ладно, хватит о них, я по твоим хитрым глазам вижу, что тебе есть чем похвастаться. Я ведь прав?

– Да, ты не ошибся, «детектив», – улыбнулся Туманов. – Но сначала поужинаем и выпьем по чашечке горячего кофе. А то я знаю тебя, поди и пообедаешь-то не успел?

– Твоя правда, – нехотя сознался Дербинёв, – совсем забегался с этими делами...

– Вот и пойдём, поужинаем.

– Молчу и подчиняюсь приказам уважаемого хозяина, – шутливо отмоловился Дербинёв. – Давай, веди в свою столовую.

Через сорок минут после сытного ужина Туманов провёл его в большую палатку, занятую под склад, и с гордостью продемонстрировал находки экспедиции, аккуратно разложенные на большом столе.

– Эти остатки человеческих костей, обломок меча, железный наконечник копья, бронзовый нож и медный горшок мы нашли под слоем пепла, около южной крепостной стены, а эти, – он указал на вторую половину стола, – из раскопок в восточной части, где, по всей видимости, находился так называемый «нижний город» и ... и вполне возможно портовые сооружения. Да, ты не ослышался, мой дорогой друг, мы предполагаем, что здесь, у подножия холма, было древнее озеро. И озеро это имело вполне приличные размеры. Но, как ты сам понимаешь, полной уверенности и доказательств этому у меня пока нет... Ладно, вернёмся к тому, что у нас есть сейчас. Тут ты видишь грубую керамику, два бронзовых наконечника от стрел, костяную расчётку, плохо сохранившийся железный топор и четыре бронзовых розетки непонятного назначения. Отдельной кучкой лежат шесть стеклянных бусин: три голубых и по одной – красного, зелёного и жёлтого цветов. И, наконец, несколько обгорелых костей, непонятно кому принадлежавших, то ли животным, то ли людям...

– Богатый урожай, – похвалил Дербенёв. – И это если учесть, что вы работаете всего-ничего...

– Вот именно, – подтвердил Туманов. – Урожай действительно богатый. Такого я не ожидал даже в своих самых смелых фантазиях. И у меня предчувствие, что впереди нас ждёт ещё масса самых невероятных открытий... Только чур, не смейся и никому не говори...

– Не буду, не бойся, – успокоил его Дербенёв, посмеиваясь в усы. – Я и так рад за тебя, Аркадий. Ты выглядишь таким молодым и счастливым...

– И всё благодаря тебе, Вадим.

– Ладно, хватит меня нахваливать, ещё успеешь. Значит, как я понял, ты уже не сомневаешься в существовании здесь древнего города? Я прав?

– Да. У нас уже нет сомнений. Город здесь был. Причём, огромный город. Нами обнаружены остатки крепостных стен на востоке, севере и юге. Южная стена имеет толщину шесть метров и сложена из одинаковых каменных блоков методом так называемой сухой кладки. Блоки вырезаны из песчаника, из которого сложены местные скалы. Нет никаких сомнений – жители города были умелыми строителями и камнетёсами. Такие ровные каменные блоки, аккуратная кладка... Впрочем, взгляни сам, – Туманов протянул Дербенёву пухлый конверт с фотографиями.

Вадим Дмитриевич внимательно просмотрел снимки и попросил разрешение взять часть фотографий с собой.

– Они, – пояснил он, – понадобятся мне для завтрашнего собрания совета директоров, чтобы я смог добиться дальнейшего финансирования ваших раскопок, только уже в куда больших размерах. Сейчас, сам понимаешь, конец года: везде проверки, сверки, отчёты...

– Я всё понимаю, – закивал головой Туманов. – Тут проблем нет никаких, можешь забрать хоть все эти фотографии. Если понадобятся – мы напечатаем себе ещё. Да, и забери с собой ящик с образцами; их сдашь в лабораторию для определения возраста находок. Эти данные нам сейчас очень нужны.

– Да не вопрос. Всё сделаю в лучшем виде, мой дорогой друг. О результатах сообщу немедленно, как только они будут готовы. Да, пока не забыл, завтра утром вышлю вам машину с цистерной воды. А после Нового года, я надеюсь, выделю тебе ещё рабочих... Ну это мы ещё обсудим с тобой. И возможно, вместе с людьми, привезу жилые домики. Надо разбивать постоянный лагерь – хватит вам жить в палатках. Список оборудования, которое ты заказал, у меня в кармане, – Дербенёв похлопал рукой по нагрудному карману рубашки. – Чтонибудь ещё?

– Да, – ответил, молчавший до этого Иван Юрьевич. – Пора подумать о доставке моего компьютера вместе с нормальным источником питания. А то ноутбук мне не очень удобен. Данные о находках лучше вводить по мере их поступления. А находок, как мы надеемся, будет много.

– Всё понятно, Иван Юрьевич. Будет вам компьютер. Тридцатого декабря я снова собираюсь к вам. Опять на вертолёт. Ну и захвачу с собой ваше оборудование. Не беспокойтесь, оно в целости и сохранности и уже готово к отправке. А эти дни, я надеюсь, вы продержитесь и на своём стареньком ноутбуке, – Дербенёв широко улыбнулся Ивану Юрьевичу. Доктор Селиванов понравился ему. Открытое, добродушное лицо с большими умными глазами, весёлый нрав и приятная, располагающая к себе, улыбка. К тому же, по отзывам Аркадия Александровича, он прекрасный специалист и ... и просто хороший человек с которым приятно работать. И этим отзывам вполне можно было верить. – А теперь, простите меня за дилетантский вопрос, что же случилось с этим городом? Он погиб от пожара? И кто его построил? В этой пустыне...

– Вопросов много, мой дорогой друг, а ответов у нас, увы, нет, – философски изрёк Аркадий Александрович. – И боюсь, они не скоро появятся.

– Что, совсем нет никаких версий?

Иван Юрьевич, посмотрел на огорчённую физиономию Вадима Дмитриевича и, поколебавшись насколько секунд, осторожно добавил:

– Версии у нас, конечно, есть. Толстый слой пепла как бы свидетельствует о большом пожаре, но мы не знаем: охватил ли он весь город, или только его часть, а также что явилось его причиной. Можно предположить, что город был захвачен врагами, сожжен и разрушен. Об этом, кстати, говорят найденные каменные блоки, лежавшие рядом с остатками крепостных стен. Но это только одна версия, пусть и самая правдоподобная. Не секрет, что большинство древних городов так и заканчивали свою жизнь. Поймите, Вадим Дмитриевич, у нас слишком мало данных, чтобы о чём-то с уверенностью утверждать. Одни лишь сплошные догадки и предположения. А мы ведь всё-таки учёные и привыкли оперировать фактами...

– Понимаю, понимаю, – извиняюще сказал Дербенёв, – больше не буду вас пытаться глупыми вопросами. Уверен, как только вы что-то узнаете, так сразу поделитесь этой новостью со мной.

– Не сомневайся, – улыбнулся Туманов, – таить ничего не будем.

– Ладно, ладно, – примирительно сказал Вадим Дмитриевич, поглядывая на часы, – пойдём лучше и обсудим на месте, что вам ещё понадобится для нормальной жизни и работы. А то мне скоро улететь, – Дербенёв огорчённо вздохнул и первым направился к выходу из палатки.

По-быстрому обсудив все проблемы и планы археологов на будущее, Вадим Дмитриевич пообещал вскоре решить хотя бы часть из них, затем тепло попрощался с гостеприимными хозяевами и, пожелав им новых интересных находок и сенсационных открытий, поспешил к вертолёту, пилот которого уже давно сидел в кабине и с нетерпением ждал своего пассажира, поминутно поглядывая на часы – успеть бы до темноты вернуться в Маунг.

Дербенёву пора было улетать. Он сел в вертолёт и немного завидовал провожавшим его археологам. Он смотрел на них сквозь стекло кабины и с грустью думал, что если бы не многочисленные неотложные дела, которые ждут его в Маунге, то он с удовольствием присоединился бы к ним. И вместе с ними вновь ощутил бы азарт и то томительно-волнующее чувство ожидания, когда не знаешь, какой же сюрприз ждёт тебя впереди, всего лишь через день, через час или даже через минуту... То чувство, которое в полной мере испытывают, наверное, только археологи и кладоискатели...

«Ничего, первый же выходной в следующем году я обязательно проведу у них», – твёрдо пообещал себе Дербенёв, удобно размещая своё тело в кресле рядом с пилотом. Через пару секунд громко заработал двигатель и вскоре винтокрылая машина стремительно унесла его прочь от затерянного в калахарской пустыне уголка земли с милыми его сердцу людьми.

Когда вертолёт превратился в маленькую, едва заметную точку, Туманов повернулся лицом к членам своей экспедиции и громко сказал:

– А теперь, друзья мои, приглашаю вас осмотреть находки, сделанные нами сегодня, и пусть такой совместный вечерний просмотр станет нашей доброй традицией. Идёмте, друзья.

Глава восьмая

Прошло всего две недели и весна в пустыне Калахари вступила в свои законные права. Регулярно, почти каждый день, проливались короткие ливни и, истомившаяся по живительной влаге, земля преображалась буквально на глазах. Свежая буйная зелень лезла отовсюду, раз за разом захватывая у пустыни всё новые и новые участки, и теперь равнина, насколько хватало глаз, казалась одним сплошным разноцветным ковром. Цветов было море, их благоухающий аромат заполнил всё вокруг, он словно низримый туман висел над землёй. Археологи с наслаждением вдыхали приятные, волнующие запахи, что приносил им с равнины ветерок, и спешили вдоволь налюбоваться той короткой, всего на несколько недель, красотой.

Однако археологи не только любовались местными красотами, но и работали. Дни пролетали для них незаметно, наполненные тяжёлой, кропотливой, но очень интересной, увлекающей работой, приносящей им большое внутреннее удовлетворение.

Количество находок также росло с каждым новым днём. Изделия из железа, бронзы, меди, глиняной керамики, стекла постепенно наполняли палатку, специально отведённую для их хранения.

Прилетевший тридцатого декабря Дербенёв привёз Ивану Юрьевичу долгожданный компьютер, а также подарки и шампанское на Новый год.

Экспедиция встретила Новый год с шутками, песнями и весёлым застольем около маленькой ёлки, пусть и искусственной, но всё равно ёлки, украшенной традиционными игрушками и маленькой звездочкой на макушке. Ровно в двенадцать часов все дружно подняли бокалы с шампанским и пожелали друг другу счастья и успехов в новом году.

Археологи уже знали, что город открытый ими, принадлежит неизвестной древней цивилизации, которая, по всей видимости, предшествовала культуре Зимбабве. Радиоуглеродный анализ показал, что большинство найденных предметов относятся к III-IV векам н.э. Самые древние – к I веку н.э. Слой пепла относился к середине пятого века нашей эры, и пока не было найдено ни одного предмета, который бы говорил о том, что жизнь в городе восстановилась после этого грандиозного пожара. И в свете этих фактов самым главным стоял вопрос – кто же построил этот самый город? Догадок было масса, но вот ответов... Ответа на этот вопрос пока не было.

Нечего и говорить, что возраст находок крайне удивил археологов, это касалось как предшественников молодого, так и более старого поколений. Профессор Туманов даже потребовал, чтобы в лаборатории провели повторный анализ, но и он дал идентичный результат. И теперь археологи с нетерпением ждали новых находок, которые смогли бы дать ответы на целый ряд возникших у них вопросов. А вопросов накопилось много. Очень много. От них просто шла кругом голова – ибо никто не ожидал ничего подобного. Культура предшествовавшая Зимбабве... Да, чувствовалось, что найденный город принесёт ещё немало сюрпризов. Но, тем не менее, все археологи были этому рады, ведь появилась надежда, что сбудется тайная, лелеемая каждым из них в душе, мечта о сенсационных археологических открытиях.

Третьего января, рано утром, прямо перед завтраком, в палатку к профессору Туманову пришли Владимир с Ириной.

Туманов, несколько удивлённый столь раннему визиту, предложил им войти и рукой указал на два складных стульчика около небольшого стола, стоявшего точно в центре палатки. Пока гости усаживались, он внимательно разглядывал их, одновременно гадая про себя: и за чем же эта молодая парочка пожаловала к нему? «Ну будем надеяться не для того, чтобы просить меня срочно обвенчать их», – с усмешкой подумал он и не смог удержаться от улыбки. Не желая больше теряться в догадках, Туманов быстро сел за стол напротив них и спросил первым:

– Нус-с, молодые люди, так какое же у вас ко мне неотложное дело?

– Аркадий Александрович, мы уже знаем, что все найденные и обследованные нами остатки крепостных стен города сложены из каменных блоков, вырубленных в местных скалах, – начал издали Владимир. – А раз так, то где-то в скалах должна находиться и городская каменоломня. Вот мы и хотим просить вашего разрешения отправиться на поиски этой самой каменоломни. Мне кажется, она расположена где-то недалеко от города. Найдя её, мы сможем, хотя бы примерно, узнать объём добытого камня, чтобы оценить масштабы строительства в городе. Я понимаю, что район поисков довольно большой. Но думаю, что в скалах должна сохраниться дорога, по которой обработанные блоки везли к месту строительства. Уверен, мы быстро найдём дорогу, а затем по ней выйдем и к самой каменоломне.

– Кроме того, найдя каменоломню, мы многое узнаем о технологии вырубки камня и способах его обработки, – добавила Ирина. – Может кой-какие специфические приёмы укажут нам наконец на этническую принадлежность наших неизвестных строителей.

– Я вас понял. Идея в общем-то неплохая, – задумчиво признал Туманов и глянул в сторону скалистой гряды, что виднелось сквозь маленькое окно палатки. С минуту он сидел неподвижно, затем чуть наклонился вперёд, пытливо посмотрел на Ирину и невинно поинтересовался у неё: – Если я вас правильно понял: вы собираетесь отправиться на поиски каменоломни вдвоём?

Владимир вслед за ним тоже перевёл взгляд на Ирину и невольно залюбовался ею. Белая кожа на её лице под жаркими лучами африканского солнца приобрела красивый ровный загар, на фоне которого её большие кристально-чистые синие глаза сияли ещё ярче, ещё привлекательнее. Светло-голубой комбинезон отлично сидел на ней, эффектно подчёркивая все прелести её стройной фигурки. Две верхние пуговицы комбинезона оказались незастёгнутыми, и Владимир увидел соблазнительную ложбинку между полукружьями её груди. Пробежав по ней платоядным взглядом, он поспешно отвёл свой взор, серьёзно опасаясь, что его мысли могут потечь в сторону, совсем не связанную с археологией...

Ирина небрежным жестом откинула назад свои пышные волосы и спокойным голосом ответила:

– Да, мы хотели бы отправиться вдвоём.

– Мы возьмём с собой немного воды и еды, – поспешил продолжить Владимир, пока профессор не подумал о них неведь что. – Захватим также рацию для связи и два мачете для рубки кустарника. Лопату, естественно... Оружие, я думаю, нам не понадобится. А начнём поиски со скал вдоль западной стены города. Если не найдём там, то двинемся на юг. За несколько дней, думаю, управимся.

– Да-а, я вижу, вы уже всё продумали. Ну тогда ответьте мне, друзья мои: а кто будет помогать Ивану Юрьевичу и мне? – спросил Туманов, постукивая пальцами по краю стола. Это постукивание отнюдь не свидетельствовало о его крайнем волнении или же озабоченности. Он делал это машинально, по старой привычке, чтобы немного привести свои мысли в порядок. Туманов прекрасно видел, что за предложением Владимира и Ирины найти древнюю каменоломню скрывается ещё и тайное желание побыть немного вдвоём, наедине. Прекрасно понимая их, он решил пойти им навстречу, однако для вида решил изобразить страшное замешательство. «Поволнуйтесь, поволнуйтесь немного, голубки», – с улыбкой в душе подумал он, вспоминая свою молодость.

– Сергей и Юрий заменят нас, – мгновенно отреагировал Владимир. – Они отлично справятся, вы же сами, Аркадий Александрович, говорили, что Сергей с Юрием стали настоящими археологами...

– Да я смотрю у вас на всё уже есть ответы. Ох, хитрицы. Всё продумали. Ладно, пусть будет по-вашему, – улыбнулся Туманов, широко разводя руками. – И что мне с вами теперь делать... Однако имейте в виду, голубки мои, на поиски каменоломни вы отправитесь только завтра утром. А сегодня ещё поработаете на своих участках. Ишь, каменоломню им подавай...

Владимир и Ирина радостно переглянулись.

Туманов встал из-за стола и, шутливо пригрозив им пальцем, предупредил:

– Только смотрите, без глупостей! Скалы – есть скалы! И сами ... – он сделал паузу, подыскивая нужные слова, но не найдя их, многозначительно добавил: – и сами ... не балуйтесь там!

Владимир и Ирина смущённо опустили глаза и дружно заверили, что всё будет в полном порядке. А затем, радостно улыбаясь, поспешили выйти на свежий воздух. Перед входом в палатку Ирины они остановились и влюблёнными взглядами посмотрели друг на друга. Их губы уже начали было сближаться, как вдруг Ирина увидела идущего к ним Ивана Юрьевича, и испугано остановилась.

– До завтра, – лукаво улыбаясь, шепнула она Владимиру и, не дожидаясь ответа, поспешно скрылась в палатке.

Владимир проводил её любящим взглядом и подумал, что желание побыть с Ириной вдвоём, только он и она, сейчас для него намного важнее поисков древней каменоломни. Особенно после той, новогодней, незабываемой ночи... При мыслях о Новом годе, воспоминания сами собой, мощной волной нахлынули на него, и он словно заново увидел эти чудесные мгновения со стороны...

... Они стояли в палатке Ирины и страстно целовались, забыв обо всём на свете. И казалось, весь мир перестал существовать – для них смолкли все звуки и наступила полная тишина. И в этой тишине они остались одни, только они одни, вдвоём.

В какое-то мгновение Владимир оторвался от податливых губ Ирины, нежно посмотрел на неё и с такой же нежностью начал покрывать лёгкими поцелуями её лицо, шею, изредка касаясь языком мочек ушей, где блестели в полутьме золотые серёжки. Он не просто целовал её, он ласкал её, лелеял. Целуя шею, он медленно опускался вниз, одновременно растёгивая пуговицы на её вечернем платье. Когда его губы нежно коснулись обнажённой груди, Ирина вздрогнула словно её ударило током. Владимир почувствовал, как напряглись и стали совсем твёрдыми её маленькие упругие груди. Ласково, едва касаясь кончиками пальцев, он нежно провёл по ним руками, а затем, нагнувшись взял в рот тёмный, ярко выделяющийся на бело-снежной груди, сосок. От лёгких, ласковых движений языка, мягкий сосок быстро отвердел, превратившись в маленькую сладкую конфетку. Чуть дрожа от страсти, Ирина запрокинула голову назад, предоставив ему полную свободу действий, и он вновь начал покрывать поцелуями её лицо, шею, плечи, грудь. Через какое-то время Владимир остановился, прижал на мгновение Ирину к себе. А затем плавно потянул её платье вниз. Ирина не сопротивлялась: она повела плечами и сбросила с себя платье. Оно медленно, цепляясь за грудь и бёдра, сползло вниз.

И перед Владимиром вдруг предстала богиня, настоящая богиня в своей первозданной красоте. Лунный свет, через небольшое полиэтиленовое окошко, мягко падал на девушку, заботливо обволакивая её и заставляя обнажённое тело светиться словно изнутри нежным серебром. Рассыпавшиеся длинные волосы искрящейся волной закрыли часть плеч, грудь, создавая ещё большую притягательную силу. У Владимира перехватило дыхание и он замер, не сводя с Ирины восхищённых глаз. Через несколько секунд, медленно приблизившись, он мягко провёл руками по восхитительным изгибам её тела, приятно чувствуя, как напрягаются её мускулы под нежной и бархатной на ощупь кожей, а затем вновь начал исступлённо целовать её. Он целовал буквально каждый миллиметр её тела, постепенно переходя всё ниже и ниже, и одновременно медленно опускаясь на колени. Ирина, не выдержав сладостной пытки, крепко схватила его голову, прижала к себе и, шепча какую-то ласковую чушь, стала нежно гладить по волосам. А Владимир, не отрывая губ от её тела, продолжал целовать, медленно опускаясь дальше и, дойдя до белых кружевных трусиков, стал осторожно снимать их, одновременно целуя её живот, а затем всё ниже и ниже, приближаясь к тёмному кудрявому треугольнику.

Затем он встал и обнажённая Ирина сама, всем телом прижалась к нему. Не отрываясь от его губ, она стала помогать ему освобождаться от одежды. Когда вся одежда уже лежала на полу, он развернул Ирину, прижался к её упругим ягодицам, зарылся лицом в пышные волосы, целуя затылок, шею, нежно провёл рукой по её груди, животу, затем коснулся её влажных половых губок. Ирина сладострастно вскрикнула и ещё сильнее прижалась к нему...

Они занимались любовью весь остаток ночи и не выпускали друг друга из объятий даже на короткие минуты отдыха. Они наслаждались близостью, словно встретившиеся после долгой разлуки любовники и, подобно измученным жаждой путникам, упивались любовью, отдаваясь друг другу полностью, без остатка, они пили, пили и не могли утолить свою жажду, которая казалось с каждой минутой становилась всё сильнее и сильнее...

От этих воспоминаний по телу Владимира прошла приятная волна возбуждения. После двух одиноких ночей, огонь желания горел в нём всё сильнее и сильнее. И он с нетерпением ждал завтрашнего дня, чтобы вновь остаться наедине с Ириной, чтобы вновь повторилась та волшебная, незабываемая ночь, воспоминания о которой ещё были так ярки и свежи... Он на миг представил как будет обнимать и целовать Ирину, как крепко прижмёт её к себе... Но эти приятные грёзы грубо разрушил чей-то громкий крик, призывая сонных археологов поскорее идти на завтрак. От неожиданности Владимир испуганно вздрогнул и мотнув головой, нехотя вернулся из мира грёз и фантазий к серой реальности, ведь до долгожданного «завтра» оставался ещё целый день и целая ночь...

За завтраком Владимир думал только об Ирине, сидевшей рядом с ним, о том, что после той памятной – воистину волшебной – новогодней ночи он стал ближе к ней, ближе к своей мечте. К своей мечте... Как и все россияне в новогоднюю ночь, он загадал только одно, самое заветное желание. «Господи, сделай так, чтобы Ирина стала моей, только моей. Чтобы она в этом новом году вышла за меня замуж. Нет у меня другого, более жгучего желания, чем это!» – обратился он в те секунды к Богу, искренне надеясь, что его мольба будет услышана. И вот его желание как будто бы начинает сбываться. Но сбудется ли оно до конца? Он этого не знал и порой, как и все влюблённые, терзался сомнениями. Он шумно вздохнул. Но тут Ирина случайно задела его руку и, как бы извиняясь, мило улыбнулась ему, блеснув жемчужной полоской зубов. И все сомнения вдруг разом пропали, ушли в никуда. И он твёрдо поверил в то, что его тайная мечта осуществится до конца. Он улыбнулся Ирине в ответ и нежно коснулся кончиками пальцев её руки. На душе мгновенно посветлело, а окружающий мир сразу стал казаться ярче и прекраснее. И у Владимира вдруг появилось ощущение, что сегодняшний день будет на редкость добрым и удачным. И для него, и для всех остальных.

И предчувствие не обмануло Владимира. В тот знаменательный день археологами были сделаны действительно очень важные и интересные находки...

Бригада Ивана Юрьевича, в которой работал и Владимир, продолжала раскопки около южной стены города. К трём часам дня она нашла несколько железных предметов, настолько изъеденных ржавчиной, что установить их назначение оказалось совершенно невозможным; осколки четырёх глиняных горшков; красивую бронзовую подвеску, явно служившую женским украшением (её нашёл именно Владимир и обрадованный Сергей тут же отпустил по этому поводу несколько шуточек и дал пару советов, сводящихся к тому, чтобы скрыть находку и подарить вечером... ну, известно кому); несколько обгоревших костей и пять крупных голубых бусинок, лежавших в одном месте, словно голубинные яйца в гнезде. И всем казалось, что эти находки не последние. Надежда на новые открытия буквально висела в воздухе.

Через пятнадцать минут радостно вскрикнул восемнадцатилетний ботсванец Счастличик-Куэт, прозванный так за своё необычайное везение. Казалось, удача сама липнет к нему. Каждый день он что-то да находил, и при этом больше, чем любой из его коллег по бригаде. Невысокого роста, худой и жилистый – он даже внешне походил на собаку-ищейку.

– Господин начальник, подойдите сюда! – громко закричал он басовито-грубоваым голосом, совершенно не вязавшимся с его маленькой тщедушной фигуркой.

Заинтригованный Иван Юрьевич поспешил к нему, вытирая на ходу вспотевшее лицо и шею большим клетчатый платком. Через три минуты он осторожно извлёк из земли довольно крупный кувшин с двумя ручками, обтёр его и принялся детально рассматривать...

Три метра, отделявшие их, не помешали Владимиру и Сергею увидеть, как внезапно побелело лицо Ивана Юрьевича и как он медленно осел на землю. Бросив свои лопаты, они тут же бросились к нему.

– Что с вами, Иван Юрьевич? – поспешно спросил Сергей, склоняясь на ним.

– Плохо с сердцем? – забеспокоился Владимир.

– Да нет, ребята, с сердцем у меня всё в порядке, – тихим, усталым голосом ответил Иван Юрьевич, продолжая смотреть на кувшин в своих руках, вернее только на рисунок у него на боку. – Вы лучше взгляните на находку.

Сергей послушно взял кувшин и повертел его в руках.

– Ну и что? – недоумевающе спросил он. – Кувшин как кувшин, только с картинками. Не вижу никаких причин для паники. Что в этом кувшине такого, что заставило вас схватиться за сердце?

Владимир в свою очередь осторожно взял у Сергея кувшин и принялся внимательно разглядывать его. По мере осмотра его глаза становились всё шире и шире, а в горле внезапно пересохло, да так, что нельзя было вымолвить и слово. И он ошалело продолжал смотреть то на кувшин, то на Ивана Юрьевича...

– Сергей, ты свой школьный учебник по истории Древнего мира помнишь? – болезненно поморщившись, спросил тем временем Иван Юрьевич у недоумевающего Сергея.

– Ну да, немного помню... – замылся Сергей, боясь попасть впросак – как раз в те годы историей он увлекался меньше всего, его больше занимало каратэ. – А что? – осторожно поинтересовался он.

– А то, что ты должен помнить и картинки из этого самого учебника, – устало буркнул Иван Юрьевич, продолжая держаться за сердце. Сергей неуверенно кивнул: картинки художественно он ещё помнил, но вот текст... – Так вот, Сергей, посмотри внимательно на этот, как ты выражаешься «кувшин», только внимательно, и скажи мне: что он тебе напоминает?

Сергей пожал плечами, послушно посмотрел на загадочный предмет, почесал затылок, а затем вдруг радостно выпалил:

– Он похож на греческую амфору! Точно! На древнегреческую амфору!

– Верно, – усмехнулся Иван Юрьевич, поднимаясь на ноги. – Только он не «похож», а это и есть та самая настоящая греческая амфора!

– Но как?.. – удивлённо вскрикнул Сергей.

– А вот так! И сделана она явно не в Греции! Вы только посмотрите на рисунки! Охота львов на жирафов и антилоп гну! Которых в Греции нет и никогда не было! И найти эту самую амфору здесь – это так же странно, как обнаружить томагавк северо-американских индейцев при раскопках древней Москвы! – возбуждённо кричал Иван Юрьевич. – Но это бессмыслица! Это бред какой-то!

Немного успокоившись, он достал из кармана брюк рацию и связался с профессором Тумановым.

– Да, – услышал он через несколько секунд спокойный голос Туманова.

– Аркадий Александрович, прошу вас, срочно приезжайте сюда. Мне просто необходимо показать вам одну... одну очень интересную находку.

– Хорошо, сейчас буду. У меня тоже есть, что показать вам.

Сергей, дождавшись, когда Иван Юрьевич закончит свой разговор с Тумановым, высказал вслух предположение, что амфору могли сделать и местные, городские ремесленники и тогда сразу становится понятным, откуда взялись рисунки африканских животных.

Иван Юрьевич на такое вполне логичное предположение отреагировал мгновенно.

– Вот именно, местным ремесленником! – громко закричал он, широко размахивая руками. – Но такие амфоры – самый известный продукт древнегреческой цивилизации! И я не могу поверить в то, что их здесь научились делать точно такими же, как и в Греции! Совпадения, конечно, бывают, но не до такой же степени! Так можно додуматься даже до того, что город построили древние греки!

– Иван Юрьевич, а вы не могли ошибиться? – осторожно поинтересовался Сергей. – Может это вовсе не греческая амфора?

– Если бы это было так, – пробурчал Иван Юрьевич, вновь беря в руки амфору. – Нет, я просто уверен, что её сделал греческий гончар, попавший каким-то образом в здешние края. Будем надеяться, что она сделана не в шестом или четвёртом веке до нашей эры, а то совсем замечательный получится ребус...

Бормотание Ивана Юрьевича прервал новый радостный вскрик Куэта.

– Смотрите, смотрите! Там ещё один кувшин! – громко закричал он.

Иван Юрьевич быстро передал амфору обратно Владимиру и пулей умчался к новой находке.

Сергей посмотрел ему в след и усмехнулся:

– Да, кажется, наш друг, Счастливчик-Куэт, закатил сегодня нашим учёным мужам добрый арбуз...

– И похоже не один, – улыбнулся Владимир. – Ладно, пойдём посмотрим, что он там откопал на этот раз. Будем надеяться, что не посудину ацтеков или инков, а то нашего бедного Ивана Юрьевича точно кондрашка хватит.

– Это возможно, – засмеялся Сергей.

Так, обмениваясь шутками, они подошли ближе.

Иван Юрьевич, несмотря на крайнее возбуждение, работал очень осторожно, боясь повредить хрупкую находку. И когда он наконец выпрямился, держа в руках амфору, пот струйками стекал по его раскрасневшемуся от пережитого волнения лицу. Но амфора была целёхонькой – а это главное.

– И эта целая, – обрадовался Сергей. – Хоть сейчас на выставку отправляй.

Владимир кивнул – всё так, хотя удивляться тут особо было нечему: обе амфоры лежали в небольшой каменной нише в основании крепостной стены и осыпавшаяся сверху земля просто аккуратно замуровала их там.

Тем временем Иван Юрьевич обмёл находку кисточкой и взглянул на рисунок.

– Боже ты мой! – вырвалось у него через секунду и было хорошо видно как задрожали его руки.

Владимир из-за его плеча бросил быстрый взгляд на рисунок и замер в изумлении. На чёрном боку амфоры неизвестный художник изобразил город с мощными крепостными стенами, а перед ним водную поверхность моря или озера с двумя большими кораблями, напоминавшими греческие триеры с надводными таранами.

Иван Юрьевич торопливо повернул амфору и на другой стороне они увидели двух белокожих воинов с прямоугольными щитами и в полном комплекте защитного вооружения: шлемы с белыми перьями, закрывающими не только голову, но и лицо с шеей; доспехи из набранных пластинок, заканчивающиеся юбкой; на ногах поножи и сандалии. В руках воины держали короткие мечи. Белые лица и красное вооружение отчётливо выделялись на общем чёрном фоне. Несмотря на кажущееся сходство, было видно, что воины отличаются друг от друга в тщательно прорисованных деталях одежды, доспехов и в выражениях лиц. Первый

воин был повыше и его гордое лицо буквально излучало властность и надменность, а у второго на устах играла слабая улыбка.

Владимир так увлечённо смотрел на двух белых воинов, пытаясь разглядеть мельчайшие детали их вооружения, что даже не заметил как подъехала «вахтовка» и из неё бодро выскочил профессор Туманов. Оглядевшись, Туманов быстро подошёл к ним и Иван Юрьевич, даже не пытаясь хоть что-то объяснить, молча указал ему на амфоры.

– Не может быть! – вырвалось у Туманова через мгновение. На его удивлённом лице отразилось сразу несколько чувств: крайнее изумление, радость, полный восторг и столь же полное недоверие.

Владимир молча протянул ему свою амфору, чтобы он смог лично осмотреть ее. Сергей держал наготове вторую.

– Не могу поверить своим глазам! – твердил как заводной Туманов, внимательно осматривая амфоры. Он делал это с такой тщательностью, что Владимиру казалось, будто он хочет найти неопровержимые доказательства того, что этих амфор на самом деле нет, а есть лишь их жалкая подделка и фальсификация.

Все остальные молча наблюдали за Туманов и терпеливо ждали, что он скажет по поводу их находок. Ясно ведь, что произошло что-то нечто экстраординарное. Но Туманов ничего не сказал, он только +молча положил последнюю амфору на землю, прошёл к машине и вытащил из неё картонную коробку с белым человеческим черепом.

– Взгляни, – бесстрастно сказал он Ивану Юрьевичу и протянул ему череп. – Мы нашли его два часа назад с дыркой в лобной части и бронзовым наконечником от стрелы внутри.

Иван Юрьевич долго осматривал череп с разных сторон, что-то бормоча себе под нос, затем вопросительно посмотрел на Туманова и заявил:

– Я не считаю себя большим специалистом в области антропологии, но всё же мне кажется, что этот череп не похож на череп негра-банту, бушмена или готтентота.

– Я тоже так думаю, – на удивление спокойным голосом сказал Туманов, задумчиво глядя на череп. – Впрочем, компьютер даст нам более чёткий ответ. Только вот боюсь, что он только подтвердит наши с тобой самые худшие предположения...

– Ибо это будет означать, что строители города имели к предкам банту такое же отношение, как я к современному балету, – невесело рассмеялся Иван Юрьевич и устало махнул рукой.

– Тогда получается, что это город финикийцев, о котором так мечтала Ирина, – вмешался в разговор Владимир. – А мы так удивлялись подозрительно большому количеству железных изделий и стеклянных бус. Теперь всё встало на свои места. Предположительное время основания города – начало первого века нашей эры, когда в этих местах не было и не должно было быть культуры развитого железного века. А финикийцы вполне могли начать разработку железных, золотых и медных рудников, наладить массовый выпуск изделий из металла и стекла, и даже амфор, ведь в Карфагене жили выходцы и из Греции. Большое количество оружия, человеческих останков без признаков захоронения и толстый слой пепла говорят в пользу теории гибели города от вражеского нашествия. Поголовное истребление всех жителей – вот и нет никаких следов присутствия в Южной Африке финикийцев. А наши находки доказывают, что город построен именно финикийцами. Больше просто некому.

Туманов задумчиво посмотрел на Владимира и отрицательно покачал головой.

– Ты слишком спешишь. С такими, как ты выражаешься, доказательствами, нас только обсмеют и будут абсолютно правы. Амфоры и железные изделия – результат торговли и обмена, череп принадлежит неизвестно кому, стеклянные бусы привезены из Индии, ну и так далее. Всё очень спорно и ненадёжно. А в ваших с Ириной финикийцев я поверю только тогда, когда будут найдены надписи на финикийском языке. И не раньше! Будем надеяться, что через две недели

Вадим Дмитриевич Дербенёв привезёт новых рабочих и мы сможем начать полномасштабные раскопки города, которые и дадут ответы на многие интересующие нас вопросы.

– Да, вы правы, Аркадий Александрович, делать поспешные выводы после двух недель раскопок не следует. Но всё же город финикийцев, несмотря на всю абсурдность такого предположения, теперь имеет полное право на существование. Ведь все последние находки как будто говорят в его пользу, – устало сказал Иван Юрьевич и развёл руками. – Я уже сам не знаю чему верить. Что ни новая находка – то новая загадка. Или лучше сказать, заморочка. И город финикийцев – это как раз именно то, во что мне сейчас легче всего поверить.

Туманов, поймав на себе пристальные взгляды Владимира и Сергея, улыбнулся и пробурчал в ответ:

– Вот смотрят! Да не смотрите вы так на меня! Я не меньше вашего хочу, чтобы гипотеза Ирины о финикийцах подтвердилась. Это было бы величайшим открытием в истории археологии двадцать первого века. Но пока давайте, как настоящие учёные, смотреть фактам в лицо и не делать поспешных выводов, выдавая желаемое за действительное.

Никто не стал ему возражать и раскопки продолжились, только с куда большим рвением и интуизмом. Все жаждали новых находок, которые смогли бы пролить свет на происхождение строителей города. И эта жажда находок охватила всю экспедицию, словно золотая лихорадка.

Традиционное вечернее обсуждение находок выдалось на редкость бурным и продолжительным. Гипотезы следовали одна за другой. Больше всего конечно старались молодые археологи, их бурная фантазия не знала границ. Ирина искренне радовалась новым находкам. Ведь она даже не мечтала, что её высказывание о городе финикийцев в Южной Африке может оказаться правдой. А сенсация дня – амфоры – весь вечер ходили по рукам, продолжая будоражить умы археологов. Все восхищались их красотой и гармоничностью форм. И зная, что эти амфоры они впоследствии смогут увидеть только в каком-нибудь крупном музее мира, спешили насладиться их красотой здесь, сейчас, пока ещё была такая возможность.

Обсуждение затянулось надолго и спать в тот день археологи легли очень поздно. Владимир с Ириной тоже отправились спать вместе со всеми, обойдясь без привычной вечерней прогулки. На этом настояла Ирина, говоря, что им завтра рано вставать. Но Владимир ничуть не огорчился – ведь весь завтрашний день они проведут вместе, вдвоём, только они одни...

И с этой приятной мыслью он и заснул.

Глава девятая

Утром Владимир проснулся рано, на целый час раньше обычного. Но он всё равно хорошо выспался и встал в чудесном настроении, искренне радуясь, что долгожданный день похода настал. И это радостное настроение не покидало его всё утро, а два мощных стимула звали поскорее отправиться в путь: древняя каменоломня и Ирина... Нет, пожалуй, Ирину следует поставить на первое место, мысленно поправил себя Владимир, отправляясь умываться. Через полчаса, умытый и одетый, он уже был готов в любую минуту выступить в поход. Если б, конечно, было можно...

Как человек предусмотрительный, он ещё вчера с вечера собрал рюкзак, положив в него запас продовольствия, воду, фонарь, фотоаппарат, кое-какую одежду и медицинскую аптечку. Аптечку настоятельно посоветовал взять Аркадий Александрович, внимательно следивший за его сборами. Вдохнув, словно жалея, что он дал согласие на этот поход, Туманов прямо сказал: «Владимир, обязательно возьми с собой аптечку. Скалы – есть скалы, всякое может случиться. Не дай бог кто-то из вас поранится – а тебе и перевязать будет нечем. И запомни на будущее: даже выезжая за город на пикник, всегда бери с собой аптечку. Обязательно когда-нибудь да пригодиться, не придётся потом локти кусать, да сетовать на свою забывчивость и лень. Ты уж

послушай меня, старика». Понимая, что Туманов прав, Владимир без возражений последовал его совету.

Юрий, тоже наблюдавший за его сборами, буркнул что-то насчёт неумех-путешественников, вышел из палатки и вскоре принёс со склада два ножа-мачете для прокладывания пути в зарослях кустарника. Владимир от ножей отказываться не стал, коротко поблагодарил Юрия, а вот его критические замечания пропустил мимо ушей, прекрасно понимая, что тот ему просто немного завидует, а в душе признаёт, что в этом походе третий будет лишним...

Не забыл Владимир и про портативную рацию. Он заранее взял её со склада, но на всякий случай решил проверить её работоспособность. Он аккуратно, соблюдая полярность вставил в рацию аккумулятор и, отбежав метров на сто, обменялся несколькими фразами с Юрием, который воспользовался рацией Туманова. Слышимость оказалась отличной и Владимир, вполне удовлетворённый результатом проверки, сунул свою рацию в чехол и положил рядом с рюкзаком.

Затем они с Юрием ещё раз проверили рюкзак и, убедившись, что ничего не забыто, отправились спать.

После завтрака, счастливо улыбавшихся путешественников, вышли провожать все члены экспедиции. Выслушав пожелания удачи и шуточные советы, Владимир с Ириной помахали всем ручкой и, не теряя больше времени, тронулись в путь.

Они радостно шагали к ждущим им скалам и ощущали себя чуть ли не первопроходцами, покорителями этих диких мест. И даже немного гордились этим. На первый день они планировали обследовать скалы в северном направлении от лагеря, вдоль западной стены города – то есть ближайший участок скалистой гряды. Ведь, здраво рассуждая, можно было предположить, что древние строители брали камень где-то поблизости от города, а раз так, то это был самый перспективный район для поисков каменоломни. И Владимир и Ирина были уверены, что без труда найдут там искомое, а их путешествие, как воскресная прогулка в городском парке, будет лёгким и приятным.

Но они жестоко ошиблись. Поход в скалы оказался трудным и изнурительным. Крутые подъёмы и густой кустарник отнимали много времени и сил. Ноги то скользили по гладкой, словно отполированной поверхности скал, то застревали между многочисленными острыми обломками камней и тут только толстая и прочная кожа ботинок спасала их от возможных порезов и ушибов. Под палящими лучами солнца скалы нагревались, усиливая и без того страшную духоту. Сильно натерали плечи лямки рюкзака и карабина, который перед самым отправлением буквально всучил им Сергей, мотивируя это тем, что опасных диких животных здесь тоже хватает. Его дружно поддержали Туманов с Иваном Юрьевичем. Пришлось взять и эту тяжесть...

«Первопроходцы» вернулись в лагерь через девять часов потные, усталые, исцарапанные колючками и до крови искусанные мухами и другими зловредными насекомыми. И вдобавок, что самое обидное, без всяких результатов. Единственным отрадным моментом во всём этом безрадостном путешествии было занятие любовью под ветками акации на небольшом, заросшем мягкой травой, скальном уступе, откуда открывался чудесный вид на зелёную равнину, лежащую внизу. «Но ради этого волшебного часа, я готов и завтра терпеть те же лишения и невзгоды, что и сегодня», – бодро сказал себе Владимир, перед тем, как лечь спать.

Следующий день, несмотря на все их ожидания, оказался точной копией первого.

Только шестого января, на третий день поисков, удача, наконец, улыбнулась им. Им просто повезло: совершенно случайно Ирина увидела вырубленные на одном из склонов ступеньки, почти полностью скрытые кустарником. От радости девушка хлопнула в ладоши и громко закричала...

Пока Владимир орудовал своим мачете, прорубая проход в зарослях кустарника, Ирина сфотографировала ступеньки, окружающие скалы, а также то направление, в котором вела

древняя тропа. Она привела их к аккуратным террасам, на которых древние жители города вырубали красный камень для своих построек. Они прошли ещё немного дальше и за выступом скалы обнаружили несколько блоков, полностью обработанных и вполне готовых к отправке. Им удалось разглядеть также и то место, где они были вырублены из скал. Причём следы пил и других инструментов выглядели совсем свежими, словно работы прекратили только вчера, а не полторы тысячи лет тому назад. Владимир с Ириной быстро сообразили, что такое стало возможно лишь благодаря нависшему выступу скалы, который и защитил данное место от выветривания.

Скинув с плеч рюкзаки, они быстренько обследовали ближайшие террасы и вскоре нашли в зарослях кустарника ещё пять блоков. Однако освобождать их из плена растительности не стали. Зачем? Напрасная трата сил и времени, и так было прекрасно видно, что по своим размерам они ничем не отличаются от тех блоков, что были обнаружены ими ранее.

Ирина тщательно сфотографировала всё, что им удалось обнаружить. Отчёт прежде всего... Затем Владимир сделал несколько снимков девушки на фоне древних террас и около готовых каменных блоков. Это уже, понятное дело, для себя. Ирина с готовностью приняла несколько эффектных поз, словно настоящая фотомодель. Владимир фотографировал и откровенно любовался её. Когда он делал последний снимок, то вдруг подумал, что Ирина со своими внешними данными вполне могла бы стать успешной моделью. Но на его счастье выбрала не подиум, а археологию...

Найдя древнюю каменоломню – объект их трёхдневных поисков – археологи радовались как дети, которые только что нашли свою давно потерянную любимую игрушку. Они громко смеялись и кричали, и долгое эхо, многократно усиливая, разносила их радость далеко по окрестным местам. Затем, немного успокоившись, они с аппетитом пообедали под выступом скалы, в тенёчке, наслаждаясь тишиной и прохладой. Но когда Ирина начала складывать остатки провизии обратно в рюкзак, Владимир, вдруг, вскочил на ноги и, с блеском в глазах, предложил:

– Послушай, Ирина. Сейчас ещё только час дня и, в принципе, больше нам тут делать нечего. Мы с тобой нашли каменоломню – и свою задачу выполнили. А для того, чтобы оценить объём вынутой породы, нам всё равно нужен теодолит. Его у нас нет, поэтому давай, пока ещё есть время, осмотрим скалу, что одиноко стоит в северо-западной части города...

– Но зачем? – удивлённо уставилась она на него.

– Понимаешь, меня всегда удивляло: зачем её включили в городскую территорию? Этот вопрос не даёт мне покоя. Ведь гораздо проще было оставить её за пределами городских стен. Но нет же, её включают. Зачем? Мне кажется, что эта скала играла какую-то важную роль в жизни города. Но вот какую? Ума не приложу...

– Может быть в ней вырубил храм? – немного подумав, предположила Ирина, пытаясь увидеть искомую скалу сквозь заросли кустарника. Не увидев ничего, она протянула руку Владимиру и, широко улыбнувшись, попросила: – Помогите же встать мне, мой сеньор, мы немедленно отправляемся в дорогу!

Владимир по достоинству оценил театральный жест Ирины. Он галантно поклонился и, с озорными чёртиками в глазах, мягко взял девушку за руку.

– С вами, моя прекрасная маркиза, я готов отправиться хоть на край света или... под венец, сказал он глубоким, проникновенным голосом, помогая ей подняться.

– О, не надо таких жертв, граф Владимир Астахов. Проводите меня в город, к вашему замку на скале, и не смущайте больше вашими дерзкими речами сердце наивной, бедной девушки, – ответила Ирина прелестным голосом и грациозно изобразила реверанс. После поклона, мило улыбнувшись, она добавила: – К тому же, я слышала, вы, граф, известный ловец и разбили немало женских сердец.

– Это всё гнусная клевета! Не верьте подлым обманщикам, любовь моя! Ну скажите же поскорее мне, чем я могу доказать свою преданность вам? – страстно сказал, приложив руку к сердцу, мнимый граф.

– Поцелуйте меня!

Счастливо улыбаясь, «граф Владимир» с удовольствием исполнил просьбу прекрасной «маркизы». Один поцелуй растянулся на несколько минут, но когда руки Владимира попытались было проникнуть под майку к упругой девичьей груди, Ирина, уперев острые кулачки ему в грудь, мягко отстранилась.

– Не надо, «граф»! Мы должны идти, если хотим успеть сегодня хоть что-то осмотреть, – лукаво улыбнувшись, проворковала Ирина и шутливо погрозила ему пальчиком. Затем крепко поцеловала в губы и обещающе прошептала: – А «это» пусть подождёт до вечера...

Десять минут спустя, они уже шли по глубокой расщелине, спускаясь к равнине. Дорога была относительно лёгкой и они успевали по достоинству оценить красоту каждого пейзажа, внезапно открывавшегося перед ними. У них было хорошее настроение, и всё вокруг казалось таким прекрасным и милым. И впервые за много дней путешествие по скалам приносило им настоящее удовлетворение. Они с наслаждением вдыхали полной грудью воздух, наполненный ароматом цветущих диких яблонь, что густо росли по склонам скал, вцепившись в них своими крепкими корнями, любовались цветами и разноцветными местными бабочками, что беззаботно порхали вокруг них. И даже яркое африканское солнце казалось сегодня пекло не так жарко, как в прошлые дни; оно словно огромный воздушный шарик парило в высоте и радостно прыгало в такт их шагам.

Через полтора часа археологи достигли своей цели. Одинокая скала, выростая из холма, грозно возвышалась над ними. Она оказалась большой – куда больше, чем они себе представляли. Её красноватые склоны круто взлетали вверх, уходя, как тут же прикинул Владимир, более чем на стометровую высоту.

Владимир с Ириной, не торопясь, обошли вокруг скалы, но, к своему большому огорчению, не нашли никаких следов деятельности тут человека. Правда, вся восточная часть скалы когда-то откололась от основной части и рухнула вниз. Причиной этого скорее всего послужило сильное землетрясение. Так ли это или нет, было в принципе не важно. Важно было только то, что теперь весь восточный склон скалы представлял собой одни лишь острые уступы да глубокие трещины, а у подножия лежала целая гора крупных и мелких камней, которые, возможно, как раз и скрывали под собой то, что нужно было археологам.

Ирина не могла скрыть своего разочарования.

– Ничего... ни надписей, ни рисунков, ни следов древнего храма, ничего. Ровным счётом ничего, – со вздохом вымолвила она, тоскливо оглядывая огромную кучу камней. – Напрасно мы сюда пришли. Нет здесь ничего. Мы можем смело возвращаться в лагерь.

– Ещё рано отчаиваться, – бодро промолвил Владимир и, схватив девушку за руку, потащил её к южному склону.

Дойдя до нужного места, он отпустил её руку и указал на глубокую расщелину на высоте примерно тридцати-сорока метров.

– Ну и что? – равнодушно промолвила Ирина. Она скользнула взглядом по скале, чуть задержалась на жарком солнечном диске и устало опустила на землю свой рюкзак.

– Давай поднимаемся и обследуем эту расщелину, – предложил Владимир, внимательно осматривая склон.

– Зачем? – устало вздохнула Ирина и присела на небольшой валун. – Только время зря потеряем. Ничего в ней нет интересного. Да и потом... Как ты заберёшься в неё, скалолаз ты мой неугомонный?

– Всё очень просто. Сначала мы доберёмся до небольшого прямоугольного выступа, а с него, цепляясь за трещины и кромки камней, я поднимусь до расщелины, привяжу верёвку и ты по ней поднимешься ко мне... Если захочешь, конечно.

– А верёвки хватит? – сдалась наконец Ирина, понимая, что Владимир не отступится и лучше пойти ему навстречу.

– Хватит! У нас здесь целых тридцать метров, – бодро ответил Владимир, доставая из рюкзака моток тонкой, но очень прочной верёвки с узлами через каждые тридцать сантиметров для облегчения подъёмов и спусков. Немного погодя, он достал из недр рюкзака небольшой фонарик, проверил его работоспособность и решительно сунул в карман брюк. А рацию, наоборот, вынул из чехла на поясе и убрал для сохранности в рюкзак (ей археологи сегодня даже не пользовались, решив про открытие каменоломни сообщить только вечером, в лагере, чтобы эта добрая весть стала для всех приятным сюрпризом). Затем он сделал несколько гимнастических упражнений для разминки, закинул моток верёвки на спину и, подмигнув Ирине, решительно направился к скале.

Ирина неспешно встала и пошла следом. Она с восхищением смотрела с какой лёгкостью и проворством её возлюбленный продвигается вверх по скале. Через пару минут он уже стоял на прямоугольном выступе и приветливо махал ей рукой. Ирине не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Она быстро преодолела несколько метров не слишком крутого подъёма, но буквально за считанные сантиметры до ровной площадки оступилась, больно ударила коленку и едва не скатилась вниз – вот что значит забыть на мгновение про осторожность... Владимир поспешно протянул ей руку и помог подняться.

Растирая ушибленное место и злясь на себя за свою глупую промашку, Ирина огляделась. Выступ действительно был небольшой – метра два в длину и метр в ширину. Однако для отдыха очень удобен. До края искомой расщелины оставались каких-то восемь-десять метров. Ничего страшного, за исключением последних трёх метров, которые представляли собой почти отвесную вертикальную стену с торчавшими кое-где небольшими выступами. Ирина, помня про свой печальный урок, с беспокойством посмотрела на Владимира, но тот, как ни в чём не бывало, полез дальше. Ей стало страшно при мысли, что он может сорваться и разбиться насмерть на этих камнях. И она вдруг впервые поняла, как дорог ей Владимир. «Да мама была права, когда говорила мне, что и я найду когда-нибудь свою любовь», – подумала Ирина и с замерением сердца стала следить за Владимиром, который уже преодолел большую часть пути и остановился перед отвесной стеной.

Владимир внимательно осмотрел последние три метра оставшиеся до заветной расщелины и довольно улыбнулся. Он нашёл путь. Небольшие выступы образовывали что-то наподобие лестницы, по которой можно было сравнительно легко подняться наверх. Это только издали стена казалась непреодолимой. Сжав несколько раз для разминки пальцы в кулак, он крепко ухватился обеими руками за выступ в сорока сантиметрах над своей головой, подтянулся и засунул носок левого ботинка в узкую трещину. Почувствовав, что опора вполне надёжна, он ухватился правой рукой за следующий выступ. Делая короткие остановки, он через несколько минут добрался до расщелины и, не в силах преодолеть любопытство, заглянул вонуть. Но, к своему огорчению, ничего не увидел. Сплошной мрак полностью скрывал то, что находилось внутри расщелины, которая, по всей видимости, уходила далеко вглубь скалы. «Интересно, очень даже интересно...», – пробормотал он, вглядываясь в темноту, но, вспомнив, что Ирина с нетерпением ждёт его внизу, накинул один конец верёвки на крупный выступ, надёжно закрепил его и затем скинул весь моток вниз, приглашая девушку подняться.

Ирина, поймав верёвку, начала быстро подниматься. Подъём оказался очень лёгким. Тем не менее, помня о своём недавнем падении, она крепко держалась за верёвку и не забывала находить надёжную опору для ног – скалы не прощают ошибок и небрежного отношения к себе.

Где-то неподалёку сверху скатился камешек. Ирина резко повернула голову на источник шума и её длинные волосы, собранные в тугий узел, внезапно рассыпались и искрящимся каскадом упали ей на плечи и спину. Убедившись, что опасности нет, девушка поспешила продолжить подъём. Рассыпавшиеся волосы начали мешать ей, постоянно попадая в глаза, и Ирине то и дело приходилось лёгким движением головы откидывать их назад.

Владимир с беспокойством следил за Ириной. Шум падающего камня напугал и его. Он с нетерпением ждал, когда она закончит свой подъём. Ей осталось совсем немного – всего два метра, однако эти два последних метра как раз и были самыми тяжёлыми и опасными. Но как не беспокоился Владимир за девушку, он всё же не мог не удержаться от улыбки при виде её непрекращающейся борьбы с непокорными волосами. Ему очень нравились её длинные пышные волосы. Они делали Ирину такой хрупкой, женственной и... и безумно привлекательной. С распущенными волосами, в длинном облегающем платье, она казалась ему в новогодний вечер настоящей сказочной принцессой; он весь вечер не сводил с неё восхищённых глаз. Но, одновременно, он вспомнил и о том, как трудно было ухаживать ей за своими волосами здесь, в пустыне, вдали от всех благ цивилизованного мира...

Голова Ирины показалась совсем рядом и Владимир, поспешно протянув руку, помог девушке взобраться на площадку перед долгожданной расщелиной. Пока Ирина отдыхала и приводила свои волосы в порядок, он достал из кармана брюк фонарь, включил его и осветил в темноту. Но узкий луч фонаря оказался слишком слабым, чтобы пробить густой мрак, безраздельно царствовавший в глубине скалы.

Ирина проследила за лучом света и взволновано сказала:

– Ой, да там пещера...

– Очень даже может быть, – хитро улыбнулся ей Владимир и тихонько засмеялся. – Ну вот, а ты ещё лезть не хотела... – Он взял её за руку и предложил: – Ну что, пойдём, посмотрим что там внутри?

Ирина, поспешно кивнув в ответ, быстро встала, и они, держась за руки, вместе вступили в таинственный мрак открытой ими пещеры.

Ширина расщелины у входа была около метра, но, постепенно, по мере продвижения в глубь скалы, проход всё расширялся и расширялся и вскоре достиг целых трёх метров. Луч фонаря выхватывал из темноты острые выступы на стенах, обломки камней и трещины. Трещин на полу было много и археологам приходилось постоянно быть начеку, чтобы не оступиться и не провалиться в них. Их осторожные шаги пугающе громко звучали в гнетущей тишине пещеры, и Ирина невольно прижималась к Владимиру, вздрагивая от малейшего шума – в густой темноте ей всюду мерещилась опасность. Она боялась признаться даже себе самой, что с детства боится темноты. Очень боится. Но рядом с Владимиром страх пережить было гораздо легче.

Пройдя метров сорок, археологи остановились и посмотрели назад. Слабый солнечный свет, проникавший через вход в пещеру, немного рассеил мрак и помог им получше разглядеть пройденный путь. Впрочем, ничего нового они не увидели. Ирина с тоской посмотрела на клочок синего неба и, подчиняясь настойчивому позыву Владимира, со вздохом пошла дальше, в пугающую темноту.

Пройдя ещё метров десять, археологи замедлили свои шаги. А затем остановились совсем. Впереди их ждало интересное открытие – проход в скале раздваивался. Один коридор вёл примерно в том же направлении, что и раньше – на север. А вот второй... второй круто уходил направо, на восток. И вот как раз второй коридор больше всего и заинтересовал молодых археологов.

– Может быть, этот коридор приведёт нас к восточному склону, – неуверенно предположил Владимир, пристально вглядываясь в темноту. – Было бы интересно... – Не договорив, он выключил фонарь и тут же почувствовал, как Ирина крепко прижалась к нему. Владимир

крепко обнял девушку и ободряюще поцеловал в щёку. Как только их глаза немного привыкли к темноте, они увидели вдалеке неясный слабый свет.

– Интересно, откуда там свет? – неожиданно громко спросила Ирина, испуганно вздрогнув при звуках собственного голоса.

– Сейчас узнаем, – бодро ответил Владимир и включил свой фонарь.

С минуту им пришлось идти пригнувшись – высота нового коридора едва превышала полтора метра. Затем высота прохода как-то враз резко увеличилась и они, смогли, наконец-то, выпрямить свои спины.

Археологи немного осмотрелись и сразу заметили, что стены коридора стали вдруг какими-то ровными, гладкими, без привычных острых выступов. Это сразу наводило на мысль, что их подровняла заботливая рука человека, но многочисленные заколы и трещины не позволяли утверждать об этом наверняка. С каждым пройденным метром, свет впереди становился всё ярче и ярче, заставляя невольно ускорить шаги. Археологи прошли небольшой поворот и неожиданно для себя оказались в огромной пещере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.